753743
8Р
Г412
Т. VI.

Н. ТИМКОВСКІЙ.

ЗЕМСКАЯ
Инв. № 3023
БИБЛІОТЕКА

ДУША

Л. Н. ТОЛСТОГО.

8(С)Р
Т 41

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

5809
Возвратите книгу не позд
указанного здесь срока.
1 12/I
24/VII 491
828 14/IV
84 30/X
212 12/II
7 30/X
6/III-291
15/III-64
Пр. 2010
753743

КАМЫШЛОВСКАЯ
ЗЕМСКАЯ
Инв. № 1323
БИБЛІОТЕКА

891
Т-41

Н. ТИМКОВСКІЙ.

КАМЫШЛОВСКАЯ
ЗЕМСКАЯ
Инв. № 15023.
БИБЛІОТЕКА

ДУША Л. Н. ТОЛСТОГО.

6885

КАМЫШЛОВСКАЯ
РАЙОННАЯ
БИБЛІОТЕКА
№

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

1.3 [Толстой Л. Н.]-4

8р
Т 412

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Государственного университета
г. Свердловск

Т 537743

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бул., собств. домъ
1913.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Природа не дѣлаетъ скачковъ, и душа обыкновеннаго человѣка отличается отъ души, пережившей обращеніе, лишь въ степени развитія ея высшихъ качествъ, а не по существу. (Джемсъ: Многообразіе религіознаго опыта).

Дорого серьезное отношеніе къ человѣку, когда онъ знаетъ тебя, замѣчаетъ твои недостатки. (Л. Толстой въ Запискахъ Н. Н. Гусева).

Каждый мыслящій человѣкъ, который не замкнулся всецѣло въ рамкахъ узко личнаго, не ушелъ съ головой въ раковину оторванной отъ жизни спеціальности, долженъ непремѣнно пройти черезъ Л. Толстого. Какъ фокусъ зажигательнаго стекла вбираетъ въ себя лучи, такъ этотъ удивительный человѣкъ сконцентрировалъ въ своей душѣ всѣ основные вопросы жизни и смерти, надъ разрѣшеніемъ которыхъ, сознательно и безсознательно, прямо и косвенно, напряженно работалъ всю жизнь. Свѣтскій человѣкъ, офицеръ, помѣщикъ, мировой посредникъ, учитель, писатель—какой огромный, разнообразный житейскій опытъ, сколько усилій мысли, воли, сколько всевозможныхъ переживаній! Ужъ одно это можетъ сдѣлать поучительными не только его правду, но и заблужденія.

Еще характернѣе и поучительнѣе они становятся, благодаря свойству Толстого—ставить вопросы ребромъ и въ рѣшеніи ихъ доходить до конца, до послѣднихъ выводовъ. Страстность его идейныхъ переживаній невольно заражаетъ; слова, дышащія упорной, властной убѣжденностью, врѣзываются порой клиномъ въ душу, даже беззаботную насчетъ всякихъ метафизическихъ и моральныхъ проблемъ. Толстой не даетъ покоя, волнуетъ, тормошитъ, его правда колетъ глаза.

Ради этой правды, онъ не щадитъ никого и ничего, шагая съ безоглядной прямолинейностью чрезъ всѣ традиціи, авторитеты, историческіе и естественные законы. Но прежде всего онъ не щадитъ самого себя: разрываетъ безжалостно одну за другой завѣсы утѣшительныхъ иллюзій, чтобы добраться до подлинной, неприкрашенной истины, какой бы суровой и необычной она ни казалась. То, что другіе переживаютъ въ мысли, онъ стремился перенести въ жизнь, въ практику, и отъ этого совѣсть его была всегда мучительно озабочена; отъ этого же на каждой строкѣ его лежитъ отпечатокъ особой, какой-то подавляющей серьезности.

Лично онъ любилъ шутки и каламбуры, но къ своему «дѣлу жизни» относился крайне требовательно и строго. Передъ величаво-суровыми ликами жизни и смерти, всегда проглядывавшими для него сквозь туманъ повседневныхъ заботъ, радостей, огорченій, развлеченій, ему было «не до шутокъ»: тутъ всякая игра—мысли, чувства, фантазіи—казалась ему непростительнымъ легкомысліемъ.

На Львѣ Толстомъ должны остановиться и провѣрить себя люди самыхъ различныхъ направленій, а также тѣ, что оказались внѣ всякихъ направленій, на распутьѣ между старыми, накатанными дорогами и новыми, еще не проложенными замѣтно,—натуры пытливыя, безпокойныя, ищущія: вѣдь передъ ними, въ лицѣ Толстого,—воплощенное исканіе, какое-то духовное «perpetuum mobile»...

Но есть еще причина, приковывающая къ нему общее вниманіе: это—сама личность Л. Толстого. Рѣдко можно встрѣтить натуру, совмѣстившую въ себѣ столько психологическихъ загадокъ и головокружительныхъ внутреннихъ противорѣчій. Душа его—какой-то огромный моральный ребусъ. Знакомясь съ Толстымъ, вы никакъ не можете отрѣшиться отъ чувства, что его художественныя произведенія написаны совсѣмъ не тѣмъ авторомъ, какимъ написаны его философскія статьи, и что Толстой, который проповѣдовалъ,—совсѣмъ не тотъ Толстой, который жилъ: два совершенно разныхъ Толстыхъ, таинственно связанныхъ между собой какою-то спайкой, которую вы тоже смутно чувствуете. Онъ одновременно и близокъ вамъ, и чуждъ; даже для себя самого онъ какъ будто и чуждъ, и близокъ...

И въ отношеніи къ нему его громадной, всемірной аудиторіи есть также что-то загадочное: то онъ кажется властителемъ думъ и сердецъ, то—пророкомъ, тщетно вопіющимъ въ пустынѣ. Съ какой бы стороны ни подошли къ нему, вы всюду натыкаетесь на двойственность...

Самое противоположное до такой степени прихотливо перемѣшалось въ немъ, что я, слѣдя за Толстымъ, чувствовалъ, какъ все глубже и глубже погружаюсь въ какой-то лабиринтъ: съ одной стороны, онъ «какъ бы» умеръ еще при жизни для всего мірского, съ другой—онъ «какъ бы» весь на землѣ, гдѣ хочетъ даже насадить царство Божіе; какъ бы отрекся отъ всякой собственности и, въ то же время, какъ бы продолжаетъ пользоваться ею. Одновременно какъ будто вѣритъ въ добрую природу человѣка—и какъ будто не довѣряетъ ей. Смотритъ на жизнь, какъ на радость, на благо,—и, въ то же время, не безъ удовольствія помышляетъ о смерти *). Словомъ, это «какъ бы» сопровождаетъ его на каждомъ шагу, точно тѣнь... Такая противорѣчивая, сложная, на диво одаренная индивидуальность должна представлять неисчерпаемый интересъ для изученія тайниковъ человѣческой души, а слѣдовательно,—и для самопознанія, ибо, познавая Толстого, мы познаемъ собственную душу и, вообще, внутреннее «я» человѣка.

Правда, душа Л. Толстого—великая, но вѣдь она прежде всего—человѣческая. Толстой говорилъ, что если бы написать біографію любого человѣка такъ, какъ пишутъ біографію Л. Н., то она вышла бы не менѣе интересной, чѣмъ его біографія: «у одного въ одну сторону дарованія, у другого—въ другую». *(Н. Н. Гусевъ: Записки)*.

Психологія генія въ своихъ основахъ—та же, что и всякаго человѣка. Владиміръ Соловьевъ, размышляя о трагической судьбѣ Пушкина, говоритъ, что въ моральной оцѣнкѣ генія нельзя разсматривать его только «какъ какое-то чудо природы: надо помнить, что геній есть *геніальный человѣкъ*. *(Судьба Пушкина)*. Душа генія въ своихъ глубинахъ отличается отъ обыкновенной души иной разъ меньше, чѣмъ внутреннее «я» двухъ среднихъ натуръ. Не-

---

*) Это противорѣчіе поражало въ Толстомъ, между прочимъ, и покойнаго Н. Ѳ. Ѳедорова, котораго Л. Н. лично зналъ и очень высоко цѣнилъ.

большой холмъ на видъ несоизмѣримъ съ Монбланомъ, но нѣдра того и другого могутъ быть однородны.

Конечно, «Войну и міръ» могъ написать только Л. Толстой, но его *способъ* мыслить, чувствовать, дѣйствовать, навѣрно, въ своихъ существенныхъ чертахъ, присущъ многимъ, о существованіи которыхъ мы не подозрѣваемъ, потому что они не пишутъ и не проповѣдуютъ. И навѣрное, жили и живутъ неизвѣстные намъ люди съ неменьшей, чѣмъ у Толстого, духовной силой и упорствомъ исканій. То завѣтное, что Толстой мечталъ осуществить во всей полнотѣ и чистотѣ, другіе, не-Толстые, осуществили съ безпримѣрной послѣдовательностью, иные даже запечатлѣли своими муками и смертью. Мы знаемъ о тѣхъ, что попали въ печать, но сколько остается такихъ, которые совершали подвигъ жизни въ тишинѣ и неизвѣстности? Самъ Л. Н. , съ его неподкупной искренностью, хорошо сознавалъ это и не разъ высказывался съ горечью по собственному адресу. «Когда я узнаю про такихъ людей, какъ вы,—пишетъ онъ Якову Чагѣ, пострадавшему за отказъ отъ военной службы,—и про то, что съ вами случилось, я всегда испытываю чувство стыда, зависти и укора совѣсти. Завидую потому, что прожилъ жизнь, не успѣвъ, не сумѣвъ ни разу на дѣлѣ показать свою вѣру. Стыдно мнѣ оттого, что въ то время, какъ вы сидите съ такъ называемыми преступниками въ вонючемъ острогѣ, я роскошествую съ такъ неназываемыми преступниками, пользуясь всѣми матеріальными удобствами жизни». И немало было людей, которыхъ онъ ставилъ себѣ въ примѣръ, какъ болѣе сильныхъ, послѣдовательныхъ, праведныхъ. Таковы, напримѣръ, Сютаевъ, Н. Ѳ. Ѳедоровъ, духоборы, штундисты...

Въ письмѣ къ Молочникову онъ пишетъ, по поводу отказавшихся отъ военной службы Соловьева и Смирнова: «Какая сила! И какъ радостно, все-таки радостно за нихъ и стыдно за себя!.. И сколько такихъ великихъ учителей! И сколько сейчасъ готовится!» *(Дневникъ В. Ѳ. Булгакова)*. Онъ былъ увѣренъ, что на свѣтѣ есть много людей, болѣе его одаренныхъ, болѣе высокихъ духомъ: проявить себя имъ мѣшаетъ тяжесть жизни, непосильный трудъ, неблагопріятныя условія. Эта увѣренность вытекала у него не изъ притворной скромности, а изъ того глубокаго взгляда на сущность жизни, при которомъ условныя оцѣнки

замѣняются иною, высшею. Съ этой точки зрѣнія, разница между такъ называемымъ среднимъ человѣкомъ и геніемъ несравненно меньше, чѣмъ между спящей душой и проснувшейся. Важны не вѣтви, а корни, которыми Толстой стремился жить, до которыхъ всю жизнь докапывался...

Много правдиваго было высказано о Л. Толстомъ, но, быть можетъ, еще больше невѣрнаго, искажавшаго его личность. Главная причина здѣсь, мѣшающая истинѣ, та, что къ душѣ Толстого не подходятъ такъ же просто, какъ къ душѣ обыкновеннаго человѣка, и это препятствуетъ всмотрѣться внимательно, безъ пристрастія и предубѣжденія, въ ея своеобразныя черты, возсоздать ея *реальный* обликъ. Ошибку эту дѣлаютъ прежде всего тѣ, что не хотятъ, покинувъ художественную лабораторію Л. Толстого, заглянуть въ его душевную подпочву, сродную многимъ алчущимъ и жаждущимъ правды.

Преклоняясь передъ его великимъ художественнымъ дарованіемъ, считаютъ возможнымъ иногда какъ бы не замѣчать Толстого-философа: авторъ «Войны и мира» и «Анны Карениной» это—одно, а авторъ многочисленныхъ работъ по вопросамъ религіи, философіи, искусства, морали, это—совсѣмъ другое. Но такую вивисекцію можно, конечно, производить только отвлеченно: на дѣлѣ все выростаетъ изъ одной и той же души.

Сѣмена того и другого были посѣяны въ ней съ самаго начала, и когда молодой Толстой писалъ «Дѣтство и отрочество», въ немъ уже сидѣли въ зачаточномъ видѣ и «Исповѣдь», и «Въ чемъ моя вѣра», и «Царствіе Божіе»... Прочтите внимательно труды его позднѣйшаго періода и оглянитесь потомъ на тѣ же «Войну и миръ» и «Анну Каренину»,—вы почувствуете (мѣстами необыкновенно ясно), что въ послѣднихъ вѣетъ тотъ же духъ, но еще полусознательный, не раскрывшійся.

Конечно, для людей, отожествляющихъ художественность съ умѣньемъ рисовать яркіе, выпуклые образы, между «Войной и миромъ» и «Царствомъ Божіимъ» будетъ очень мало общаго; но вѣдь душа художественности—не въ краскахъ, а въ томъ, что скрыто подъ ними и за ними, т. е., во внутреннемъ «*я*» художника, въ его основномъ настрое-

ній, просачивающемся сквозь пестроту яркихъ деталей. «Писатель вѣдь дорогъ и нуженъ намъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ открываетъ намъ внутреннюю работу своей души»,—говоритъ Толстой въ *Предисловіи къ Дневнику Гаѣвля*. Даже въ декораціи отражается индивидуальность автора, тѣмъ болѣе—въ картинѣ, для которой душа художника есть все. А Толстой писалъ именно картины жизни, какъ онѣ отражались въ его душѣ; другими словами: писалъ отраженія собственной души въ картинахъ жизни. «Если близорукіе критики думаютъ, что я хотѣлъ описать только то, что мнѣ нравится, какъ обѣдаетъ Облонскій и какія плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всемъ, почти во всемъ, что я писалъ, мною руководила потребность собранія мыслей, сцѣпленныхъ между собой для выраженія себя». (Изъ письма къ Страхову 1876 г.). Подобный же взглядъ онъ высказываетъ черезъ двадцать лѣтъ, въ дневникѣ 1896 года: «Искусство есть микроскопъ, который наводитъ художникъ на тайны своей души и показываетъ эти общія всѣмъ тайны людямъ». Какъ видимъ, въ немъ всегда сидѣла потребность освѣтить передъ собой картину *собственной души*, въ самыхъ ея глубокихъ моральныхъ переживаніяхъ, и сдѣлать это такъ, чтобы картина была близка и понятна всѣмъ.

Работая надъ «Анной Карениной», онъ уже испытываетъ неудовлетвореніе: кисть художника, какъ ему кажется, не въ силахъ вразумительно изобразить глубочайшихъ движеній его души.

Толстой чувствуетъ, что они тонутъ въ морѣ разноцвѣтныхъ красокъ, что «плечи Карениной» загораживаютъ передъ читателями самое его завѣтное, что, наконецъ, и самъ онъ какъ будто начинаетъ терять изъ вида свое душевное русло. То, что составляетъ смыслъ его жизни и дѣятельности, онъ скрываетъ «подъ видомъ равнодушія или легкой насмѣшливости» (*Исповѣдь*); а когда хочетъ дать правдивое изображеніе идеальнаго, то наталкивается на «необъяснимое затрудненіе». *(Первая ступень)*.

Онъ силился «высказать правду о душѣ человѣка», а гдѣ она, эта правда? Наполеонъ, Кутузовъ стоятъ передъ нами, какъ живые, а таковы ли они были въ дѣйствительности? Кто можетъ знать это? И что такое «правдивое изображеніе реальной жизни?» Не сводится ли оно, въ концѣ

концовъ, къ искреннему и умѣлому отраженію своихъ субъективныхъ настроеній и оцѣнокъ, своей внутренней правды, своего пониманія жизни? А если такъ, то центръ тяжести самъ собою перемѣщается во внутреннее «я» художника, творчество упирается въ вопросъ самопознанія, съ которымъ для Толстого всегда было неразрывно связано дѣло самосовершенствованія: найти свое «я», осмыслить, всмотрѣться въ него поглубже, провѣрить построже, очистить отъ мутныхъ примѣсей. Тутъ одинъ изъ естественныхъ истоковъ «Исповѣди».

Будь онъ пристрастенъ къ краскамъ, къ чистой эстетикѣ (какъ напримѣръ, Флоберъ), онъ долго бы еще по инерціи рисовалъ картину за картиной, утративъ вѣру въ ихъ серьезное значеніе; внутренній процессъ, приведшій Толстого къ перевороту, тлѣлъ бы, можетъ быть, всю жизнь незамѣтно на днѣ души, какъ искра—подъ толстымъ слоемъ пепла, и только близкіе подозрѣвали бы, что внутри него происходитъ что-то не совсѣмъ обычное. Можно съ увѣренностью сказать, что многіе кончили свои дни въ такомъ «тлѣющемъ» состояніи, такъ и не дождавшись «переворота».

Толстой вездѣ, и прежде и послѣ,—одинъ и тотъ же. *Исповѣдь* выросла изъ него такъ же естественно, какъ и *Анна Каренина:* все вѣтви изъ одного корня. *Война и миръ* это—его душа, «*Въ чемъ моя вѣра*»,—тоже его душа. Нельзя прочувствовать насквозь его художественныхъ произведеній, не усвоивъ позднѣйшихъ, нехудожественныхъ. Точнѣе сказать: безъ этого вы поймете «*Войну и миръ*», но не поймете автора, а такое пониманіе будетъ не полнымъ и не глубокимъ.

Всякое истинно художественное произведеніе есть своего рода шифръ. Нельзя раскрыть его, не ощутивъ духовнаго тембра художника, не появъ автора въ его цѣломъ. Художественно-критическій талантъ есть особаго рода чуткость къ душѣ художника въ ея своеобразномъ цѣломъ—не столько къ тому, что онъ высказалъ, сколько къ невысказанному, непроявленному, но, быть можетъ, самому близкому для сердца художника. Художникъ изображаетъ жизнь такъ, какъ онъ воспринялъ и оцѣнилъ ее своей интуиціей; за его словами кроется неопредѣленное множество подсознательныхъ ассоціацій, его видимыя картины нарисованы на фонѣ незримаго, его мелодіи звучатъ подъ аккомъ-

паниментъ того же глубокаго подсознательнаго, для котораго страшно трудно или прямо невозможно найти опредѣленную форму. Чтобы «расшифровать» произведеніе, надо пережить его вмѣстѣ съ авторомъ, т. е., прочувствовать его невысказанное. Бѣлинскій пришелъ въ восторгъ отъ «Бѣдныхъ людей» не потому, чтобы они были ужъ такъ хороши, а потому, что въ нихъ онъ почувствовалъ *Достоевскаго*, будущаго автора «Преступленія и наказанія» и «Братьевъ Карамазовыхъ».

Всякая душа, въ томъ числѣ и Л. Толстого, есть живой, постепенно раскрывающійся организмъ; поэтому каждое проявленіе ея слѣдуетъ разсматривать на фонѣ *всей* личности. Если нельзя глубоко понять Толстого-художника, не ознакомившись съ позднѣйшимъ Толстымъ, то, съ другой стороны, представленіе о позднѣйшемъ Толстомъ не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, если брать его внѣ связи съ прошлымъ Л. Н., съ особенностями его натуры и художественнаго творчества.

Въ такомъ искаженномъ видѣ выходитъ Л. Толстой изъ рукъ своихъ обожателей, слѣпо увѣровавшихъ въ догмы его ученія. Захваченные стремительнымъ потокомъ его духовныхъ исканій и открытій, загипнотизированные его моральной личностью, они утрачиваютъ способность свободнаго, непристрастнаго изслѣдованія и тоже видятъ въ Толстомъ не *человѣка*, а «какое-то чудо природы». Они относятся къ его взглядамъ, какъ правовѣрные—къ голосу откровенія, провѣряютъ не Толстого истиной, а истину Толстымъ, забывая, что «искать» еще не значитъ «найти», что часть истины еще не составляетъ всей истины.

«Жалки тѣ, которые не ищутъ или которые думаютъ, что они нашли»,—говоритъ ихъ учитель. *(Дневникъ В. Ѳ. Булгакова)*. И мнѣ лично приходилось наблюдать характерное явленіе: въ то время, какъ Толстой силился нащупать свое глубочайшее «*я*», пылкіе послѣдователи уже нашли его, зафиксировали, вставили въ рамку; имъ оставалось только комментировать каждое слово учителя, подпираться его авторитетомъ, какъ средневѣковые схоласты—Аристотелемъ. И вдругъ оказывалось, что учитель вовсе не согласенъ съ ними, что его недавнее «послѣднее слово»—совсѣмъ не истина, а одна изъ тѣхъ ошибокъ, путемъ которыхъ человѣкъ начинаетъ подозрѣвать, гдѣ скрывается истина.

Натыкаясь на внутреннія противорѣчія или очевидную непослѣдовательность Толстого, они просто рѣшаютъ:—«Это несомнѣнно истина, но мы пока не понимаемъ ея, потому что еще не возвысились духовно». Имъ не приходитъ въ голову самый естественный вопросъ:—«Да можетъ быть, Л. Н., просто-напросто, ошибается?» Они не допускаютъ мысли, чтобы такой геніальный человѣкъ, какъ Л. Толстой, могъ впасть въ грубое заблужденіе и держаться за него такъ крѣпко. Да вѣдь умные-то, одаренные и впадаютъ чаще другихъ въ заблужденія, залѣзая, благодаря своей пытливости, въ дебри или увлекаясь призраками своего неистоваго воображенія. Въ средніе вѣка (да и во всѣ другіе) было немало богато одаренныхъ мыслителей, которыхъ завели въ безвыходный тупикъ ложные методы, навязчивыя, невыполнимыя идеи, погоня за недостижимымъ, несуществующимъ. Духовныя силы могутъ быть громадны, но разъ въ исходную точку вкралось глубокое искаженіе истины, не помогутъ никакія усилія разума и воли.

Иллюзія непогрѣшимости Толстого поддерживалась въ умахъ его правовѣрныхъ учениковъ, помимо всего, еще тѣмъ, что учитель самъ высмѣивалъ передъ ними всякія утопіи и фантазерства, вслѣдствіе чего мысли учителя казались имъ особенно трезвыми и продуманными. Восторженный хоръ сильно повредилъ Толстому—во-первыхъ, тѣмъ, что торопился санкціонировать всѣ его заблужденія, которыя, благодаря этому, сходили подчасъ въ глазахъ самого учителя за истину,—во-вторыхъ, тѣмъ, что, приписывая ему всевозможныя совершенства, они вынуждали безпристрастныхъ людей какъ бы развѣнчивать Л. Толстого, подчеркивать его слабости и противорѣчія.

Во всякомъ случаѣ, подобное идолопоклонство загораживаетъ передъ нами живого Толстого его блѣдной, хоть и добродѣтельной, тѣнью. Обликъ Л. Н. Толстого принимаетъ гораздо болѣе плоскій видъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, или оказывается страннымъ соединеніемъ въ одно цѣлое неразрѣшимыхъ противорѣчій, которыя не смущаютъ идолопоклонниковъ, потому что для нихъ все въ Толстомъ хорошо, все истинно, гармонично. При всемъ ихъ благоговѣніи къ Толстому, они идутъ *мимо* Толстого и, пропагандируя его ученіе, роняютъ его въ глазахъ неидолопоклонниковъ: наткнувшись на грубое противорѣчіе или на вопіющій абсурдъ, которыми вѣрноподданные такъ

любуются, читатель рѣшаетъ:—«Ну, значитъ, все—чепуха!»и уже въ принципѣ не довѣряетъ ученію... Да, плохая услуга!

Религія—дерево, выростающее въ живой, божественной душѣ человѣка, а тексты и писанія—только его плоды, цвѣты и листья, которые могутъ спадать и смѣняться, тогда какъ само дерево цвѣтетъ и растетъ». Разумные люди должны «разрабатывать золотоносныя жилы, выбрасывая изъ нихъ безъ малѣйшаго колебанія все, что очевидно не есть драгоцѣнный металлъ, но собирая и сохраняя съ радостной признательностью богатыя сокровища несомнѣнно заключающагося въ нихъ золота». (*Сэндерлэндъ: Библія*). Такъ именно и думалъ и поступалъ Л. Толстой, когда оставался вѣренъ духу свободнаго исканія. Раздѣляя взглядъ Сэндерлэнда, что «въ священныхъ книгахъ всего міра можно найти самыя различныя вещи, начиная съ перловъ и кончая самыми низменными суевѣріями, страшнѣйшими пошлостями и дѣтскими глупостями», онъ распространялъ его, конечно, и на свои книги, такъ какъ, по его глубокому убѣжденію, не существуетъ ни непогрѣшимыхъ истинъ, ни непогрѣшимыхъ людей. А «вѣрноподданные» склонны относиться къ трудамъ своего учителя какъ разъ обратно. Вмѣсто того, чтобы спрашивать: «гдѣ правда?», спрашиваютъ только: «чему учатъ священныя, непогрѣшимыя книги Л. Н. Толстого?» Тутъ ужъ, разумѣется, конецъ всякимъ исканіямъ, наступаетъ застой, духъ истины замѣняется мертвой буквой, душа Толстого кладется въ банку со спиртомъ.

Покойный американскій поэтъ и публицистъ, Э. Кросби, идейный и одаренный человѣкъ, горячій поклонникъ Л. Толстого, разсказываетъ въ своей книжкѣ: «*Толстой и его жизнепониманіе*» о благотворительныхъ планахъ Л. Н. послѣ московской переписи. Сютаевъ назвалъ эти проекты «пустымъ дѣломъ» и предложилъ Л. Н. разобрать всѣхъ московскихъ бѣдняковъ «по дворамъ».—«Истина этихъ словъ,—говоритъ Кросби,—поразила Толстого: ему стало ясно, что его столь хвастливая филантропія была ошибкой». Чѣмъ же однако замѣнилъ онъ эту ошибку? Разобралъ ли вмѣстѣ съ Сютаевымъ бѣдноту «по дворамъ»? Нѣтъ, онъ поступилъ проще: началъ, по словамъ Кросби, «носить рабочее платье, какъ протестъ противъ лживыхъ кастовыхъ привиллегій и монополій». Поклонникъ восхищается этимъ, не замѣчая, что панегирикъ его скорѣй смахиваетъ на сатиру.

I.

СФИНКСЪ.

...когда я порицаю васъ, я слишкомъ рѣзко тогда говорю. И объ этомъ вы прежде всего должны знать, чтобы, слушая меня, на меня не сердиться,— по крайней мѣрѣ, не слишкомъ сердиться, потому что эта рѣзкость выходитъ не изъ злобы, а изъ слишкомъ горячей къ вамъ любви (М. С. Громека: О Л. Н. Толстомъ).

Больше всего смутило меня именно то, чѣмъ восхищался Кросби. Помню, въ какое недоумѣніе привела меня статья Л. Толстого по поводу переписи. Особенно поразилъ тотъ фактъ, что у него не нашлось ни одного человѣка, которому деньги могли бы оказать несомнѣнную помощь. Я самъ участвовалъ въ этой переписи, у меня тоже былъ районъ, полный бѣдноты, и чуть не въ каждомъ домѣ встрѣчались люди, остро нуждавшіеся въ матеріальной помощи: «всѣ перезаложились»... «гонятъ съ квартиры за неплатежъ»... «дѣтямъ не въ чемъ выйти на улицу, въ школу»... и т. д. до безкопечности. Какъ же это Толстой не зналъ, куда дѣвать деньги? Конечно, онѣ не спасутъ человѣка отъ всѣхъ напастей, но кое въ чемъ помогутъ, облегчатъ... «Странно!»

Таково было мое первое впечатлѣніе отъ Толстого моралиста. Я рѣшилъ, что для меня тутъ что-то остается непонятнымъ, что надо какъ-то иначе смотрѣть на вещи,— но какъ? Я не понималъ Толстого и переставалъ понимать себя. Меня мучила эта загадка.

Но вотъ появились *Исповѣдь* и *Въ чемъ моя вѣра*. Я жадно набросился на *Исповѣдь*, ожидая найти тамъ разрѣшеніе загадки. Никогда не забуду, въ какой тупикъ ставили меня иныя ея страницы. Читаю, напримѣръ:

«Вопросъ мой—тотъ, который въ 50 лѣтъ привелъ меня къ самоубійству—былъ самый простой вопросъ, лежащій

въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца,—тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна. Вопросъ состоитъ въ томъ: «что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра,—что выйдетъ изъ всей моей жизни?» «Зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ чего-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать?» «Есть ли въ моей жизни такой смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной, предстоящей мнѣ смертью?»

Перебираю въ памяти всѣхъ знакомыхъ дѣтей и старцевъ и не нахожу ни одного, который былъ бы озабоченъ указаннымъ вопросомъ до такой степени, что внѣ его жизнь становилась невозможной.

Читаю дальше: «...есть человѣческое цѣлое, которое жило и живетъ, какъ будто понимая смыслъ своей жизни, ибо, не понимая его, оно не могло бы жить». «Я увидалъ, что всѣ эти милліарды жившихъ и живущихъ людей... сами ставятъ его (указанный вопросъ) и съ необыкновенной ясностью отвѣчаютъ на него». Опять вспоминаю множество знакомыхъ мнѣ представителей «человѣческаго цѣлаго» и, какъ рѣдкое исключеніе, вижу у нѣкоторыхъ смутные вопросы о смыслѣ, блужданіе, исканіе, муку неудовлетворенія, страхъ передъ роковыми загадками, жажду найти, увѣровать, но «необыкновенно ясныхъ отвѣтовъ» не нахожу. Готовое, правда, есть, но оно—чужое, принятое машинально, ради успокоенія, на вѣру. Обращаюсь къ длинной вереницѣ персонажей, правдиво изображенныхъ самимъ Л. Толстымъ въ романахъ и повѣстяхъ, но и тамъ не встрѣчаю того простого и яснаго, что извѣстно даже «глупому ребенку».

Невольно спрашиваю себя: если это такъ просто и ясно, то почему же самъ Толстой такъ поздно узрѣлъ истину? Вѣдь надо было прожить полстолѣтія, столько перепытать, передумать, перемучиться, дойти до мысли о самоубійствѣ, чтобы открыть, наконецъ, въ себѣ столь «простой, ясный и доступный всѣмъ законъ». Говоритъ, что все это такъ ясно, прозрачно,—и, въ то же время, самъ разсказываетъ съ такой захватывающей силой о долгой мукѣ своихъ исканій,

Дальше оказывается, что «вѣрующіе и трудящіеся» довольны жизнью, несмотря на тяжелый трудъ: «эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти,—и стра-

891
Т-41

даютъ съ спокойствіемъ, чаще же всего съ радостью». Каждый изъ насъ знаетъ такихъ людей: вѣрующихъ и трудящихся. Знаетъ, что они рѣдко бываютъ довольны жизнью, еще рѣже страдаютъ съ радостью. Крестьянинъ, что всю жизнь бьется, какъ рыба объ ледъ, фабричный, извозчикъ, швея, прислуга... Какъ могъ Левъ Толстой, нарисовавшій съ такимъ мастерствомъ множество картинъ реальной жизни, утратить вдругъ всякое чутье дѣйствительности?

Но вотъ беру «*Въ чемъ моя вѣра*», читаю въ X-й главѣ описаніе Сухаревскаго базара и вижу, что, всѣ эти простые, трудящіеся люди — фабричные, извозчики, разносчики, швеи—не только не страдаютъ съ радостью, но «несутъ самую тяжелую и неестественную жизнь».

«Да, но это потому, что они живутъ не по разуму, а по мірскому ученію», говоритъ Толстой.

«Согласенъ,—только гдѣ же тѣ «милліарды» сознавшихъ смыслъ, живущихъ по разуму, довольныхъ, спокойныхъ, счастливыхъ?»

Я такъ и остался въ недоумѣніи: про какую жизнь говоритъ Толстой, какихъ людей имѣетъ въ виду?

Потомъ я познакомился съ нимъ и все ждалъ, что личныя впечатлѣнія помогутъ мнѣ уяснить многое въ Толстомъ. Но они нагромождали передо мной все новые и новые вопросы и недоумѣнія. Всякій разъ, какъ я видѣлъ Л. Н. и слышалъ его рѣчи, впечатлѣніе отъ того и другого не совпадало во мнѣ, а двоилось. Выходило такъ, будто его лицо, глаза, рядъ неуловимыхъ особенностей въ манерахъ, интонаціи все время вносили поправки къ его словамъ, непрерывно корректируя ихъ. И даже сами слова порой, точно нарочно, противорѣчили себѣ, опровергали себя:

«Да тутъ нечего и думать и разбирать»—и вслѣдъ за этимъ начинаетъ анализировать этотъ «простой» вопросъ, незамѣтно углубляясь въ лабиринтъ все новыхъ вопросовъ, «простыхъ и доступныхъ каждому ребенку».

Или, сказавъ, что важнѣе всего—любовное отношеніе ко всѣмъ и, прежде всего,—къ окружающимъ, Л. Н. тутъ же замѣтитъ со вздохомъ: «Ахъ, какъ бы хорошо было, если бы мы не любили своихъ женъ и дѣтей!»

«Все литературой занимаетесь? Бросьте! Вѣдь искусство—праздное занятіе, баловство». И затѣмъ: «Надо безъ

конца работать, по сту разъ передѣлывать свое произведеніе»..,.

Завязывается бесѣда объ искусствѣ. Л. Н. заявляетъ: «Музыка, которой не пойметъ простой крестьянинъ, есть нехорошая музыка». Потомъ спускается въ столовую, къ чаю, и съ наслажденіемъ слушаетъ, какъ Гольденвейзеръ играетъ ноктюрны Шопена.—«Ахъ, до чего это хорошо!» повторяетъ онъ въ экстазѣ. Но вотъ является проф. Н. Я. Гротъ, заходитъ рѣчь о философіи, о наукѣ. Л. Н. громитъ ту и другую за ихъ пустопорожность, ненужность, за всѣ ихъ хитросплетенья и мудрствованія. Можно подумать, что Толстой, какъ какой-нибудь фанатикъ-монахъ, презрѣвшій мірское знаніе, повернулся спиной ко всѣмъ философіямъ и наукамъ, а между тѣмъ обнаруживается, что Л. Н. зарылся съ головой въ научныя и философскія книги, только и дѣлаетъ, что читаетъ, изучаетъ.

Это впечатлѣніе чего-то двойственнаго, глубоко противорѣчиваго, страстно ищущаго и внутренне мечущагося возникаетъ во мнѣ всякій разъ, какъ только я вспомню домъ Толстого въ Хамовникахъ и его хозяина. Философъ, отрицающій философію, художникъ до мозга костей, брезгливо отстраняющійся отъ искусства, монахъ, бичующій монашество, пессимистъ, проповѣдующій царство Божіе на землѣ, разумную, радостную жизнь, отъ которой—увы! не вѣетъ радостью.

Слушаешь его и думаешь: «Если онъ еще не возненавидѣлъ жизнь, то долженъ возненавидѣть». И въ себѣ самомъ ощущаешь наростаніе вражды къ жизни, недовѣрія ко всему, чѣмъ такъ увлекался: наука, искусство, общественная дѣятельность—все начинаетъ казаться обманомъ или игрой въ бирюльки. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть безотраднѣе картинъ дѣйствительности, рисуемыхъ Толстымъ-моралистомъ? Чуть не всѣ человѣческія мысли, чувства, стремленія, формы дѣятельности окрашены безуміемъ, похотью, ложью, безчеловѣчіемъ и безбожіемъ; на всемъ печать грубо животнаго, низменнаго, недостойнаго, ничтожнаго. Вѣдь тутъ должны, попросту, опуститься руки,—но онѣ, вопреки всякой логикѣ, не опускаются, и уходишь, бывало, отъ Л. Н. не угнетеннымъ, а окрыленнымъ, спрашивая себя въ изумленіи: «Такъ въ чемъ же тутъ дѣло?»

Для меня было несомнѣнно одно: Толстой убиваетъ жизнь, онъ же и воскрешаетъ ее во мнѣ. Слова его для меня далеко не убѣдительны, но въ немъ сидитъ какая-то сила, убѣждающая, укрѣпляющая, толкающая впередъ. Лишенія, утраты, разочарованія, всѣ язвы жизни кажутся мнѣ менѣе больными и страшными не вслѣдствіе аргументовъ Л. Н., ссылающагося на разумное сознаніе, а благодаря чему-то другому, что передается отъ него собесѣдникамъ.

Познакомившись съ его религіозно-философскими взглядами и узнавъ лично Толстого, я вновь перечиталъ по нѣсколько разъ его прежнія художественныя вещи и опредѣленнѣе, чѣмъ прежде, ощутилъ странный привкусъ отъ нихъ. Вспомните мѣста, гдѣ изображены глубокія моральныя и религіозныя переживанія самого автора: напримѣръ, описаніе того, какъ Иртеньевъ, движимый религіозно-нравственнымъ энтузіазмомъ, молится, говѣетъ, мечтаетъ о самоотверженной жизни, пишетъ правила добродѣтельнаго поведенія. Все это пережито искренне, съ большимъ подъемомъ. Воспоминаніе о такихъ моментахъ остается на всю жизнь, какъ яркое душевное сіяніе. Видно, что и для Толстого оно является однимъ изъ самыхъ чистыхъ, трогательныхъ. И все же онъ разсказываетъ объ этомъ съ какой-то усмѣшечкой, какъ о чемъ-то несерьезномъ, ребячески забавномъ, хоть и миломъ. Смотритъ со стороны на наивнаго юношу, добраго, но смѣшного своей мелочностью, и переживаетъ въ немъ собственныя душевныя движенія: «У меня будетъ особенная комната... и я буду самъ убирать ее... человѣка же ничего для себя не буду заставлять дѣлать: вѣдь онъ такой же, какъ я... Сдѣлаюсь первымъ ученымъ въ Россіи... даже въ Европѣ я могу быть первымъ ученымъ». «Я убѣжденъ (замѣчаетъ при этомъ Толстой) въ томъ, что ежели мнѣ суждено прожить до глубокой старости... я старикомъ 70 лѣтъ буду точно такъ же невозможно ребячески мечтать, какъ и теперь. Буду мечтать о какой-нибудь прелестной Маріи, которая полюбитъ меня, беззубаго старика, какъ она полюбила Мазепу, о томъ, какъ мой слабоумный сынъ вдругъ сдѣлается министромъ по какому-нибудь необыкновенному случаю, или о томъ, какъ вдругъ у меня будетъ пропасть милліоновъ денегъ».

Но вотъ болѣе позднія, зрѣлыя, не на шутку мучительныя переживанія Левина-Толстого. Вопросы жизни на-

двинулись на него вплотную, неотступно требуютъ отвѣта: «Быть или не быть?» Толстой пристально занятъ душевной драмой Левина, его сомнѣніями, исканіями,—а мнѣ все представляется, что онъ и на Левина смотритъ со стороны, ежеминутно готовый уличить его въ какой-нибудь смѣшной слабости или мальчишеской выходкѣ, о которыхъ не приходится думать, разъ весь захваченъ роковыми вопросами. Невольно и тутъ получается двойственное впечатлѣніе: авторъ относится къ Левину какъ будто серьезно и какъ будто не серьезно, точно за душой у него есть нѣчто несравненно болѣе значительное, передъ чѣмъ нравственный обликъ Левина начинаетъ казаться некрупнымъ и неглубокимъ. Какъ будто Толстой ухватилъ въ Левинѣ только вершки собственныхъ переживаній, а до глубокихъ корешковъ не могъ еще, не успѣлъ докопаться. Онъ чувствуетъ ихъ, они вѣчно безпокоятъ его, но ни осознать ясно, ни высказать ихъ онъ не можетъ.

И здѣсь, какъ въ личномъ впечатлѣніи, для меня выступаютъ одновременно два Толстыхъ: одинъ пишетъ, сомнѣвается, мучится, находитъ истину, пишетъ правила поведенія, «съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже не измѣнять имъ»; другой смотритъ со стороны на перваго, подмѣчаетъ въ немъ слабости, самообманъ, рисовку, все несовершенное, ненастоящее — и неустанно прислушивается къ внутреннему голосу, нашептывающему что-то свое, не совсѣмъ то, о чемъ говоритъ и пишетъ первый Толстой.

«Два Толстыхъ!» Но вѣдь это невозможно: не двѣ же души сидятъ въ человѣкѣ? Вѣдь долженъ существовать живой, органическій синтезъ!

Это не давало мнѣ покою. Я бы сказалъ, что *любилъ* Толстого, если бы это не было слишкомъ отвѣтственнымъ словомъ. Скажу лучше: онъ всегда былъ мнѣ близокъ, дорогъ. Съ малыхъ лѣтъ я привыкъ восхищаться его художественными вещами, читалъ и перечитывалъ, сроднился съ ними. А узнавъ лично автора, еще больше привязался къ нему. Могу безъ преувеличенія сказать, что я всѣ годы (вѣрнѣе: всѣ зимы) моего общенія съ нимъ непрерывно чувствовалъ его; и когда онъ покинулъ Москву для Ясной Поляны, я не переставалъ ощущать его: при всякомъ общественномъ событіи или новомъ личномъ переживаніи, я необыкновенно ясно представлялъ себѣ, какъ отнесется

къ этому Левъ Николаевичъ, слышалъ его голосъ, все время мысленно общался съ нимъ. И все время стояла передо мной не дающая покою загадка: «гдѣ же, наконецъ, его подлинное «я», въ чемъ? каково оно? Гдѣ корень, изъ котораго выростаютъ всѣ эти вѣтви, топорщащіяся въ разныя стороны?» Каждое новое его произведеніе предста влялось мнѣ такой вѣтвью и только увеличивало въ моихъ глазахъ загадочность.

Я не переставалъ ждать: вотъ-вотъ появится трудъ Л. Н., гдѣ всѣ его мысли будутъ приведены къ органическому единству. Но Толстой ушелъ изъ жизни, такъ и не сдѣлавъ этого. И вотъ теперь передъ нами все его ученіе, начиная съ *Исповѣди* и кончая *Путемъ жизни*, этимъ послѣднимъ словомъ Л. Толстого. Каждый разъ, обозрѣвая ученіе въ его цѣломъ или пробуя связно изложить его, я становился въ тупикъ: мнѣ казалось, что все это написано не однимъ авторомъ, а группой лицъ, не спѣвшихся между собой.

Впрочемъ, меня въ данномъ случаѣ интересуетъ прежде всего самая личность Толстого. Поэтому я ограничусь лишь нѣсколькими основными пунктами ученія, на которыхъ особенно настаивалъ Толстой, чтобы, исходя изъ нихъ, разобраться въ сложной и своеобразной психологіи автора.

Но прежде всего: имѣемъ ли мы право говорить о какомъ-то спеціальномъ «ученіи Льва Толстого»? Существуетъ ли такое ученіе?

II.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ УЧЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Никакого моего ученія не было и нѣтъ: есть одно вѣчное, всеобщее, всемірное ученіе истины, для меня, для насъ особенно ясно выраженное въ евангеліяхъ. (*Изъ Дневника 1897 года*).

Въ разные періоды и по различнымъ поводамъ, онъ настойчиво и опредѣленно отрицаетъ существованіе религіозной философіи Толстого или «какого-то толстовства»: онъ только изложилъ сущность ученія древнихъ мудрецовъ и Христа. Но всякій, имѣющій понятіе объ этихъ ученіяхъ, тотчасъ же чувствуетъ существенную разницу между ними и Л. Толстымъ: такого своеобразнаго жизнепониманія, къ какому пришелъ Толстой, ни у кого еще не было. Правда, онъ исходитъ изъ древнихъ религіозныхъ ученій, но при этомъ такъ перемалываетъ ихъ жерновами своего разума, что характерныя различія стушевываются.

Многія его отдѣльныя моральныя истины и предписанія дѣйствительно совпадаютъ съ древними и порой сливаются съ ними въ одинъ дружный хоръ на страницахъ «Круга чтенія»; но нерѣдко они, помѣщенныя рядомъ, образуютъ въ «Кругѣ» разноголосицу, которой, повидимому, не замѣчали составители. Главное же—въ томъ, что одинокія сентенціи, взятыя безъ связи съ организмомъ всего ученія, теряютъ свой живой смыслъ и начинаютъ казаться всѣ на одно лицо. Уничтожьте у людей индивидуальныя черты, оставьте одни скелеты,—и получится сходство... мертвое сходство. Истины, въ ихъ условномъ, словесномъ выраженіи, могутъ быть тождественны, но вѣдь за каждой стоитъ бездна невысказаннаго содержанія, стоитъ живая индивидуальность человѣка со всѣми ея особыми вѣрованіями, упованіями, сознательными и безсознательными

стремленіями, съ своимъ, только сей одной присущимъ, опытомъ, съ своей нигдѣ еще не повторяемой душевной окраской. Формулы истинъ суть только ремарки, не больше.

Толстой въ своемъ ученіи принципіально вытравляетъ всѣ индивидуальныя отличія и краски, чтобы истина была какъ можно проще, яснѣе, стала безспорна, какъ аксіома. Въ предисловіи къ *Пути жизни*, этомъ компендіумѣ всего ученія, Толстой самъ говоритъ, что большая часть этихъ мыслей такъ измѣнены имъ, что онъ считаетъ неудобнымъ «подписывать ихъ именами ихъ авторовъ». Вотъ, почему онъ и самъ не хочетъ видѣть на своемъ символѣ вѣры отпечатка собственной индивидуальности, бросающейся каждому въ глаза.

Игнорированіе всего индивидуальнаго—это первое, что надо отмѣтить, говоря объ общемъ характерѣ и формѣ ученія Л. Толстого. Второе это—страшное психологическое противорѣчіе, прочно утвердившееся въ душѣ Толстого-моралиста: всякій разъ, какъ онъ обращается къ критикѣ существующаго, онъ видитъ передъ собой реальную жизнь; но едва отъ критики переходитъ къ созиданію, какъ мгновенно забываетъ о всякой реальности. Это—какъ Каренинъ съ сыномъ: «отецъ всегда говорилъ съ нимъ—такъ чувствовалъ Сережа—какъ будто онъ обращался къ какому-то воображаемому имъ мальчику, одному изъ такихъ, какіе бываютъ въ книжкахъ, но совсѣмъ не похожему на Сережу. И Сережа всегда съ отцомъ старался притвориться этимъ самымъ книжнымъ мальчикомъ». Такъ и Толстой вдругъ начинаетъ говорить о воображаемыхъ людяхъ и воображаемой жизни съ воображаемымъ читателемъ, точно онъ имѣетъ въ виду не «Ваню» и не «Ивана Ильича», «совсѣмъ особенное отъ всѣхъ другихъ существо», а того логическаго «Кая», который пригоденъ только для силлогизмовъ. *(Смерть Ивана Ильича)*.

Третья характерная черта это—отношеніе автора къ позитивизму и позитивнымъ пріемамъ мышленія. Онъ глумится надъ позитивистами, О. Контомъ, Дарвинымъ, борьбой за существованіе, эволюціей—и не замѣчаетъ, что самъ весь пропитанъ духомъ позитивизма, да еще наивнаго, поверхностнаго; возмущается раціоналистическими «суевѣріями» интеллигенціи—и побиваетъ рекордъ въ раціонализмѣ, отрицая раціонализмъ во имя еще большаго

раціонализма. Такъ было съ нимъ и прежде: безсознательно протестуя противъ позитивнаго направленія, бывшаго тогда модным, внутренне расходясь съ современниками въ своемъ самомъ завѣтномъ, молодой Толстой, на ряду съ этимъ, впитывалъ въ себя духъ времени, принималъ окраску среды. Онъ былъ черезъ чуръ воспріимчивъ, чтобы не заражаться окружающей атмосферой. Раньше онъ увлекался комильфотностью, столь разработанной въ его кругѣ, мундиромъ, усами, попойками, молодецкими вылазками, мечтами объ адъютантствѣ; потомъ въ Петербургѣ его порабощаютъ «сословные писательскіе взгляды» и модная теорія прогресса. Онъ усвоилъ себѣ тогда «до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что призванъ учить людей, самъ не зная, чему». *(Исповѣдь)*.

Этотъ усвоенный имъ «порокъ» остается во всей силѣ и послѣ переворота, такъ какъ и въ *Исповѣди* онъ продолжаетъ «учить». Ужъ одна безпощадная характеристика прежнихъ петербургскихъ коллегъ и тогдашнихъ настроеній, одинъ этотъ категорическій тонъ краснорѣчиво говорятъ, что онъ вовсе не отрѣшился отъ «сумасшедшей увѣренности». Разница только та, что прежде онъ «называлъ всѣхъ сумасшедшими, кромѣ себя», а теперь избѣгаетъ этого нехорошаго слова, хотя смыслъ его отношенія «ко всѣмъ» остается прежній.

Къ порогу новой жизни онъ подходитъ со старымъ багажомъ и приступаетъ къ рѣшенію глубочайшихъ вопросовъ съ орудіями, непригодность которыхъ самъ торжественно призналъ. Все это запутываетъ его самого и читателей въ невылазную сѣть противорѣчій.

У меня нѣтъ непремѣннаго желанія уличать въ нихъ Толстого. Я знаю, что передъ нами не безстрастный мыслитель, спокойно обдумывающій каждое слово, а человѣкъ съ кипучимъ воображеніемъ, съ тревожной внутренней работой. Иногда онъ выражается не точно, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ терминахъ: «разумное сознаніе... разумъ... разсудокъ...»; порой пишетъ подъ горячую руку, по поводу какого-нибудь взволновавшаго его событія, подъ властью настроенія. Было бы неблагодарнымъ и безцѣльнымъ занятіемъ—ловить его на словѣ. «Такъ часто напишешь свойственныя мнѣ глупости, и все это попадаетъ въ печать», жаловался онъ *В. Ѳ. Булгакову*.

Сознаю также, что мнѣ грозитъ опасность—исказить безъ умысла подлинный смыслъ ученія. Вѣдь цитаты—удивительно гибкая вещь: всегда можно подобрать ихъ такъ, что авторъ не узнаетъ собственнаго произведенія. Поэтому я постараюсь приводить только такія, за которыми у Толстого стоитъ цѣлый рядъ подобныхъ или которыя очень характерны для его индивидуальности.

Мнѣ бы хотѣлось нарисовать совершенно объективно *остовъ* міропониманія Толстого. Не моя вина, что я принужденъ, при первыхъ же шагахъ, указывать на внутреннія противорѣчія, такъ какъ авторъ силится создать цѣлое изъ несоединимыхъ частей.

III.

БОГЪ, ЧЕЛОВѢКЪ, МІРЪ.

Человѣку нужно любить, а любить по настоящему можно только то, въ чемъ нѣтъ ничего дурного. И потому должно быть и то, въ чемъ нѣтъ ничего дурного. А такое существо, въ которомъ нѣтъ ничего дурного, и есть только одно: Богъ. (Путь жизни).

Чувствовать Бога въ себѣ можно и нетрудно. Познать же Бога, что Онъ такое, невозможно и не нужно. (Путь жизни).

Всякая жизнь безсмысленна, исключая той, которая имѣетъ цѣлью служеніе Богу, служеніе совершенію недоступнаго намъ дѣла Божія. (Для чего мы живемъ).

Въ центрѣ сущаго стоитъ Богъ. Всякая жизнь и дѣятельность, какъ нѣчто конечное, получаетъ смыслъ и цѣну лишь постольку, поскольку исполняетъ законъ Безконечнаго и приближается къ нему. Безкопечное это непостижимо: «Тайна вѣчная, и не нужно дальше знать». *(Для чего мы живемъ)*. Даже немыслимо вообразить себѣ какое-нибудь Его свойство, напр., милосердіе: это «только удаляетъ меня отъ Него». *(Путь жизни)*. Тѣмъ не менѣе Толстой говоритъ о Немъ такъ, какъ будто твердо знаетъ, въ чемъ именно состоятъ Его законъ и воля. «Богъ хотѣлъ, чтобы мы были счастливы, и для того вложилъ въ насъ потребность счастья, но Онъ хотѣлъ, чтобы мы были счастливы всѣ, и для того вложилъ въ насъ потребность любви». *(Путь жизни)*. И хотя «дѣло Божіе» для насъ непознаваемо и недоступно, мы все же знаемъ, что Богу нужно лишь одно: «чтобы мы соблюли и взрастили тотъ талантъ, ту божественную сущность, которая... поручена намъ, какъ дитя нянѣ, разумѣя подъ этимъ талантомъ не какое-

либо увеличеніе умственное или образованіе, а увеличеніе только нашей любви къ Богу и Его твари». *(Для чего мы живемъ)*.

Ну, а красота, истина? Развѣ это не такіе же атрибуты божественной сущности? Оказывается, — нѣтъ. Относительно этой непознаваемой сущности Толстой убѣжденъ, что истина и красота, какъ таковыя, безразличны... пожалуй, даже вредны: «Есть только одно добро: хорошо и дурно, а истина и красота это условія хорошія нѣкоторыхъ предметовъ». (*Дневникъ* 1896 г.). Мало того: «Красота, радость, только какъ радость, независимо отъ добра, отвратительны». *(Для чего мы живемъ)*.

Это звучитъ особенно странно потому, что Толстой считаетъ душу человѣка отраженіемъ Божества и выводитъ Бога не изъ откровенія, не изъ преданія, а изъ свойствъ человѣческаго духа: «Богъ познается человѣкомъ въ самомъ себѣ». *(Путь жизни)*. Но развѣ въ человѣкѣ не заложено стремленіе къ истинѣ, гармоніи, красотѣ? Что побуждаетъ Толстого такъ окарнать человѣческій духъ, а за нимъ— и божественную сущность? И какъ можетъ онъ не замѣчать тутъ вопіющаго внутренняго противорѣчія... цѣлаго ряда противорѣчій?

Возставая противъ утилитарнаго направленія современной жизни и науки, Толстой самъ то и дѣло впадаетъ въ еще болѣе грубый утилитаризмъ. Да иначе и быть не можетъ: разсудочность, эта разсчетливая хозяйка, озабоченная приходомъ и расходомъ, думаетъ не о красотѣ, не объ истинѣ, а прежде всего о пользѣ, и только о пользѣ: «Праздныхъ людей никто воспитывать не станетъ, кромѣ безумныхъ родителей, потому что праздные люди никому, даже самимъ себѣ, не нужны; но людей-работниковъ даже самые злые люди будутъ кормить и воспитывать. Телятъ воспитываютъ, а человѣкъ есть рабочее животное, болѣе полезное, чѣмъ быкъ, какъ оно цѣнилось всегда на базарѣ рабовъ». *(Въ чемъ моя вѣра)*. Или напр., въ статьѣ «О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая» онъ говоритъ прежде всего о «поддержаніи крестьянскаго хозяйства», а ужъ потомъ—о спасеніи людей отъ заболѣваній и голодной смерти. Въ этомъ, конечно, сказалась та же привычная разсудочность, скрытая у него подъ маской «разумнаго сознанія», потому что самъ-то Толстой, живой,

настоящій, ближе, чѣмъ кто-либо, принималъ къ сердцу крестьянскій голодъ. Мы это знаемъ и помнимъ.

Знаемъ также, что онъ въ послѣдній періодъ жизни (да и прежде) жадно тянулся къ Богу, благоговѣлъ передъ нравственнымъ обликомъ Христа, но это не мѣшаетъ ему трактовать вопросы души и совѣсти тономъ «положительнаго, практическаго» человѣка, какимъ онъ мечталъ сдѣлаться, когда былъ еще юношей: «Выгоднѣе иногда потерпѣть и лишиться, чѣмъ ничего не терпѣть и удовлетворять всегда свою похоть». *(Въ чемъ моя вѣра)*. Не странны ли эти соображенія о моральныхъ барышахъ и убыткахъ, когда рѣчь идетъ о христіанскомъ самоотреченіи? не напоминаютъ ли, скорѣй, выкладку разсчетливаго разсудка?

Толстой любитъ называть Бога «отцомъ», человѣка—«сыномъ Божіимъ», но я не могу отдѣлаться отъ мысли, что тутъ не «отецъ» и «сынъ», а хозяинъ и батракъ или, пожалуй,—полновластный помѣщикъ, строгій, взыскательный, не допускающій никакого «баловства», и его крѣпостной, изнывающій на барщинѣ. И сколько Толстой ни говоритъ о благѣ и радости жизни, она все-таки не перестаетъ быть у него лямкой; даже порывы самосовершенствованія принимаютъ какой-то подневольный, служебный характеръ. Тутъ какъ будто нѣтъ мѣста настроенію, самопроизвольному и радостному творчеству: просто,—вези, кляча, потому что ты на то приставлена! Не имѣй своихъ желаній, мыслей, интересовъ, не оглядывайся по сторонамъ, а служи, твори волю хозяина.

Что же такое, наконецъ, человѣкъ: разумное, безсмертное существо, само Божество, только ограниченное тѣломъ, или безправный рабъ? Взятый отвлеченно, какъ понятіе, человѣкъ для Толстого есть нѣчто очень высокое, даже священное: онъ способенъ къ безконечному самосовершенствованію, онъ самъ—творецъ своего блаженства; на дѣлѣ же онъ обязанъ, подобно муравью, тащить всю жизнь ношу, безъ ропота, вопросовъ, сомнѣній, тащить, неизвѣстно куда и зачѣмъ... У него нѣтъ никакихъ правъ, однѣ обязанности. Даже «добываніе хлѣба себѣ—первая обязанность человѣка». *(В. Ѳ. Булгаковъ: Жизнепониманіе Л. Н. Толстого)*. Не право на трудъ и хлѣбъ, а именно обязанность. Дерево, букашка могутъ жить, а человѣкъ обязанъ только отбывать повинности. Онъ вѣчно стоитъ

передъ неумолимымъ взоромъ Хозяина, ежеминутно требующаго отъ него рабской услужливости и преданности.

Но вѣдь есть же, кромѣ того, огромный, разнообразный міръ: солнце, звѣзды, моря, законы природы, ея таинственныя силы? Есть завоеванія, которыми по праву гордится человѣческая мысль: знанія о небѣ, землѣ, вселенной, побѣды человѣческаго генія надъ стихіями? Наконецъ все, что пережило и переживаетъ человѣчество: мечты, идеи, страсти, восторги, муки? Неужели я не смѣю принять въ этомъ участія, жить вмѣстѣ съ міромъ и человѣчествомъ ихъ жизнью?

Увы! Для морализирующаго сознанія Толстого міръ существуетъ, лишь какъ нѣчто заграждающее Бога въ глазахъ человѣка, какъ помѣха для единаго нужнаго, какъ соблазнъ. Міръ необыкновенно упрощенъ, какъ бы вытянутъ въ одну прямую линію, и терминъ «міровой» замѣненъ терминомъ «мірской».

Жизнь, «со всѣми ея радостями, красотами», та сложная, глубоко значительная «жизнь всѣхъ людей», которая рисуется автору *Въ чемъ моя вѣра*, мелькнула передъ нимъ на одинъ мигъ, какъ аргументъ противъ вѣры въ догматъ грѣхопаденья, и разсѣялась точно миражъ, уступивъ мѣсто плоскости, такой ровной, однообразной, легко обозрѣваемой.

Таковъ остовъ ученія. Передъ нами странный Богъ, не похожій на Бога,—странный потому, что, будучи безконечнымъ, таинственнымъ, не соизмѣримымъ ни съ чѣмъ изъ существующаго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ малъ и удобопонятенъ, что его желанія и воля укладываются свободно въ краткій моральный катехизисъ. Человѣкъ—тоже странный, не похожій на человѣка, психологически невозможный. Вѣдь онъ обязанъ совмѣстить въ себѣ несовмѣстимое: съ одной стороны, выполнять, не разсуждая, а съ другой—духовно сознавать себя, Бога, душу, назначеніе человѣка, сознавать настолько глубоко, чтобы найти въ себѣ силу плыть противъ теченія. Одно изъ двухъ: если это—свободная, разумная душа, то нельзя третировать ее, какъ слѣпое орудіе; если же это—только слѣпое орудіе, то нельзя апеллировать къ ея разумному сознанію и человѣческому достоинству.

Странный Богъ, странный человѣкъ—и странная жизнь!

Постепенно суживаясь, обезцвѣчиваясь, она принимаетъ видъ какой-то огромной, всепоглощающей казармы, гдѣ всѣ прислушиваются съ трепетомъ къ голосу командира, заглушающему всѣ посторонніе звуки. Всѣ мысли, заботы направлены исключительно на то, чтобы точнѣйшимъ образомъ выполнить предписываемое. Тутъ не можетъ быть вопроса: «что дѣлать?» Это—преступленіе для нижняго чина. Онъ долженъ знать одно: *какъ* дѣлать то, что приказываютъ? «*Какъ* и есть то, что творитъ истинную духовную жизнь». *(Для чего мы живемъ)*. Въ чемъ же заключается эта истинная жизнь, это «единое на потребу»?

IV.

ЛЮБОВЬ, НЕПРОТИВЛЕНІЕ.

— Можетъ быть, все это хорошо, но мнѣ-то зачѣмъ заботиться объ учрежденіи пунктовъ медицинскихъ, которыми я никогда не пользуюсь, и школъ, куда я своихъ дѣтей не буду посылать? (Анна Каренина. Левинъ).

— Зачѣмъ мнѣ любить ближняго, когда я себя люблю? (О любви къ Богу и ближнему).

— Я могу любить только себя, но, чтобы не страдать отъ любви къ себѣ, я долженъ найти и выдѣлить въ себѣ достойное любви—Бога. (Мысли о самосовершенствованіи).

Въ *Исповѣди* Толстой говоритъ, что онъ полюбилъ хорошихъ людей, возненавидѣлъ себя и тогда призналъ ускользавшую отъ него прежде истину. Раньше онъ, размышляя, напримѣръ, о благосостояніи народа, говорилъ себѣ:—«А мнѣ что за дѣло?» или, раздумывая о ближнихъ, спрашивалъ себя:—«Зачѣмъ мнѣ любить?» А теперь вдругъ полюбилъ. Вѣдь такъ не бываетъ: насильно не полюбишь. Нѣтъ, тутъ что-то не то...

Въ *Въ чемъ моя вѣра* Толстой говоритъ яснѣе: «Пять лѣтъ тому назадъ я повѣрилъ въ ученіе Христа, и жизнь моя вдругъ перемѣнилась: мнѣ перестало хотѣться того, чего прежде хотѣлось, и стало хотѣться того, чего прежде не хотѣлось. Направленіе моей жизни, желанія мои стали другими: и доброе, и злое перемѣнилось мѣстами. Все это произошло отъ того, что я понялъ ученіе Христа не такъ, какъ я понималъ его прежде». Мы знаемъ, съ его собственныхъ словъ, что его и прежде трогало и умиляло ученіе Христа, проповѣдь любви, смиренія, самоотверженія, возмездія добромъ за зло, но это какъ-то не вліяло на него, пока онъ не «понялъ въ прямомъ значеніи слова

о непротивленіи злому». Совершенно невозможно, чтобы всѣ чувства, воля, жизнь человѣка вдругъ перемѣнились отъ того, что онъ какъ-то иначе, по новому, истолковалъ себѣ евангельскій текстъ. Что-то понялъ,—и въ сердцѣ загорѣлись любовь, самоотверженіе? Должно быть, Толстой разумѣетъ подъ словомъ «любовь» что-то другое, не похожее на обычное чувство?

Такъ и есть: сердечное влеченіе, называемое любовью, «вовсе не есть благое чувство, а напротивъ, оно дѣлаетъ человѣка злымъ и ужаснымъ животнымъ». *(О жизни)*. Не любовь также, когда предпочитаешь однихъ другимъ *(О борьбѣ со зломъ)* или когда мягокъ, чувствителенъ, добръ съ людьми. *(Къ М. А. Новоселову)*. То же надо сказать и про любовь жены, дѣтей: «это—не человѣческая любовь». *(Не могу молчать)*. Цѣль и смыслъ жизни заключается въ служеніи другимъ, и притомъ никакъ не въ служеніи близкимъ, любимымъ, потому что это—эгоизмъ, а въ служеніи тѣмъ, кого не любишь, «еще лучше—въ служеніи врагамъ». *(Для чего мы живемъ)*.

«Любовь къ нелюбимымъ»! Можетъ быть, Л. Н. неудачно выразился или прибѣгнулъ къ одному изъ тѣхъ парадоксовъ, которые онъ обыкновенно торопился смягчить, разъяснить? Но—нѣтъ! Въ письмѣ къ Д. А. Х. Толстой настойчиво развиваетъ ту же мысль: «Я представляю себѣ человѣка, прожившаго среди любящихъ его всю жизнь въ любви, но не любившаго Ирода, и другого, который всѣ силы свои употребилъ на любовь къ Ироду и оставался равнодушнымъ къ любящимъ его и 20 лѣтъ не любилъ, а на 21-мъ году полюбилъ Ирода и заставилъ Ирода полюбить себя и другихъ людей,—не знаю, кто лучше». Почему же ему такъ необходимо полюбить именно Ирода? Вѣдь въ его глазахъ всѣ люди равны, всѣ одинаково заслуживаютъ нашей любви. А потому, что «если любите любящихъ васъ, что особеннаго дѣлаете?» Вотъ это-то *особенное*, исключительное, идущее вразрѣзъ со всякой дѣйствительностью, матеріальной и духовной, и манитъ къ себѣ всю жизнь Толстого и заставляетъ его говорить: «какъ ни трудно, старайся любить самыхъ непріятныхъ тебѣ». *(Къ Э. Каплану)*. Словомъ, если ты не сумѣлъ полюбить самаго ненавистнаго, въ тебѣ не будетъ абсолютной любви, абсолютной чистоты и совершенства: «Какъ вода вся вы

течетъ изъ ведра, если въ немъ будетъ хоть одна дырочка, такъ и всѣ радости жизни не удержатся въ душѣ человѣка, если въ немъ будетъ нелюбовь хоть къ одному человѣку». *(Путь жизни)*. Ему, конечно, нѣтъ дѣла до «Ирода», а просто, любовь къ врагамъ даетъ «гораздо болѣе радости, чѣмъ любовь къ любящимъ». *(Н. Н. Гусевъ)*.

Ссылаясь на собственный опытъ, Толстой говоритъ, что ему удавалось полюбить самыхъ отталкивающихъ людей. Я вѣрю, потому что Л. Н. лгать не станетъ, но только тутъ вовсе не чувство любви, не движеніе сердца. Да для разума Толстого этого и не требуется: такая любовь—только помѣха для него. Разумное сознаніе даже не можетъ постичь такой ирраціональной вещи, какъ живая, непосредственная любовь, безпричинная, безцѣльная. Такъ просто любить? Непонятно, неразумно! Надо найти для этого какое-нибудь достаточное основаніе: ну, напримѣръ, ради собственнаго совершенствованія. Пока не видишь этого, все представляется такимъ страннымъ, запутаннымъ, а какъ только понялъ, что тутъ—«поприще для моего внутренняго совершенствованія, что это экзаменъ, мѣрка моего нравственнаго развитія, опытъ, насколько я могу и хочу дѣлать дѣло Божье, увеличеніе любви,—и все разрѣшается такъ легко, просто, радостно». (Изъ *Дневника* 1896 г.).

Послѣ «переворота», Толстой уже не можетъ «сознательно враждовать съ другими людьми», не можетъ «отдѣлять себя отъ другихъ» или въ спокойномъ состояніи отдаваться гнѣву, оскорблять «брата». Другими словами: онъ по прежнему враждуетъ, гнѣвается и оскорбляетъ, но теперь онъ знаетъ, что это нехорошо, неразумно. А развѣ прежде онъ не зналъ этого, не чувствовалъ? Факты изъ его жизни и собственныя показанія Л. Н. говорятъ намъ, что онъ всегда былъ таковъ, какимъ увидѣлъ себя послѣ переворота: безпокойный, страстный, нетерпимый, онъ легко терялъ равновѣсіе, ссорился, бичевалъ себя за это, снова раздражался, глумился и снова смирялся, каялся. Въ Левинѣ ярко отразилась собственная характерная черта Л. Толстого, а исторія личныхъ отношеній Л. Н. къ Тургеневу показываетъ намъ всю неуравновѣшенность, импульсивность автора *Исповѣди*. «Сознательно» онъ никогда не стоялъ за вражду и «въ спокойномъ состояніи» не «оскорблялъ

брата». Его моральная сердцевина послѣ переворота не измѣнилась, да и не могла измѣниться: онъ только яснѣе сознаетъ многое, сознаваемое и раньше, опредѣленнѣе оцѣнилъ то, что и прежде чувствовалъ, и закрѣпилъ все это точными моральными формулами. «Полюбилъ одно, возненавидѣлъ другое»—означаетъ только, что теперь онъ *такъ* мыслитъ, *такъ* оцѣниваетъ. Чтобы дѣйствительно такъ *чувствовать*, чтобы сердце въ самомъ дѣлѣ горѣло этимъ новымъ, высшимъ, надо еще перейти цѣлую бездну. Въ такомъ положеніи находились и находятся многіе: они знаютъ, по собственному горькому опыту, что безъ моста не перейти бездны и что никакое разумное сознаніе не въ силахъ построить такого моста...

Ради избавленія отъ внутренней раздвоенности, которую онъ считаетъ «самой опасной и жалкой душевной болѣзнью», Толстой инстинктивно прибѣгнулъ къ такому пріему: онъ отвергъ сердечную любовь, мало свойственную его натурѣ, и замѣнилъ ее разумной, т.-е., отвлеченной, въ которой нашло выраженіе всегда присущее ему обожаніе идеала. И вотъ передъ нами опять юноша-Иртеньевъ съ его заботами о чистотѣ и самосовершенствованіи, съ разлиневанной тетрадкой для правилъ; вспоминается молодой Толстой съ его любовью къ идеалу, мечтами о самоотреченіи и тяжелыми, запутанными отношеніями къ людямъ, съ жаждой личнаго счастья и презрѣніемъ къ нестротѣ реальной жизни... «Любовь, самоотверженіе—вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастіе». (*Утро помѣщика*). Къ этой мысли Л. Толстой возвращается, прямо или косвенно, чуть не въ каждомъ своемъ произведеніи; но ни одному изъ его героевъ не удается осуществить эту истину на дѣлѣ: такъ хорошо, убѣдительно выходитъ въ теоріи—и такимъ нескладнымъ, жалкимъ оказывается на практикѣ! «Жить въ добрѣ и самоотверженіи большинство героевъ Толстого совершенно неспособно»,—замѣчаетъ В. Вересаевъ въ своей книгѣ: «*Живая жизнь*».

Особенно ярко выступаетъ это въ *Казакахъ*. Оленина обуреваетъ любовь къ себѣ, неутомимая жажда счастья, наслажденья, и тутъ же мерещутся подвиги самоотверженія. Онъ точно качается на вѣсахъ. Не успѣла перетянуть чашка, куда положено самоотреченіе, какъ уже въ немъ что-то рѣшаетъ: «кто счастливъ, тотъ и правъ», а лю-

бовь, жертвы—пустяки. И все же его продолжаетъ удерживать мысль о томъ, что «счастіе состоитъ въ самоотверженіи». Но вотъ въ немъ пробуждаются силы, болѣе властныя, чѣмъ требованія разума, и онъ самъ дивится на себя: «Даже понять, что я могъ дорожить такимъ одностороннимъ, холоднымъ, умственнымъ настроеніемъ, для меня трудно. Пришла красота и въ прахъ разсѣяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожалѣнія нѣтъ объ исчезнувшемъ. Самоотверженіе—все это вздоръ, дичь. Жить для другихъ, дѣлать добро? Зачѣмъ? когда въ душѣ моей одна любовь къ себѣ и одно желаніе—любить ее (Маріанну) и жить съ нею, ея жизнью». Замѣтьте, у него уже нѣтъ коллизіи между разумомъ и чувствомъ: Оленинъ, просто, зачеркиваетъ прежнюю формулу жизни и ставитъ на ея мѣсто другую.

Ему кажется, что въ душѣ его жажда счастія боролась съ жаждой самоотверженной любви, но это—самообманъ. Если бъ онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ жить для другихъ, его бы тянуло прочь изъ счастливой кавказской обстановки къ тѣмъ несчастнымъ «другимъ», что живутъ во лжи и губятъ себя. Совѣсть тревожила бы его, побуждая вернуться къ ходящимъ во тьмѣ и принести имъ свѣтъ, научить ихъ настоящей правдѣ и красотѣ. Это и значило бы: «искать счастія въ самоотверженіи». Но Оленину ни разу не пришло этого въ голову. Вмѣсто того, чтобы подѣлиться съ своими столичными знакомыми открывшейся ему истиной, онъ клеймитъ ихъ въ письмѣ презрѣніемъ:—«Если бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи!».. Подобное письмо было написано самимъ Толстымъ къ его московскимъ знакомымъ.

Не голосъ самоотверженной любви остановилъ Оленина у порога счастья, а тотъ самый анализъ, что мучилъ Толстого съ отрочества, останавливалъ въ немъ жизнь проклятымъ вопросомъ:—«Зачѣмъ?»..

Въ долгій періодъ семейнаго счастья, литературныхъ и матеріальныхъ успѣховъ, его «счастливая въ мірскомъ смыслѣ жизнь» не отравлена, какъ у Гаршина, Успенскаго и многихъ другихъ, зрѣлищами народныхъ бѣдствій, общественной неурядицы и, вообще, человѣческихъ страданій. Толстой живетъ, какъ онъ самъ говоритъ, честолюбіемъ, т.-е. погоней за славой, «похотью» и «эгоистиче-

скими заботами о семьѣ, объ увеличеніи состоянія». Это не значитъ, конечно, чтобы его не затрогивало чужое горе, чужіе интересы: напротивъ, онъ усердно занимается дѣятельностью на благо народа, учитъ, защищаетъ, помогаетъ. Но все же главной, самой мучительной заботой его остается вопросъ о смыслѣ своего существованія. Бываютъ натуры, личному благополучію которыхъ мѣшаетъ мука за другихъ. Толстой не таковъ: его мучатъ не страданія ближняго, а невозможность отвѣтить на навязчивый вопросъ разума о цѣли существованія. Въ эти годы ему особенно близокъ Шопенгауэръ, и «нирвана для него гораздо интереснѣе жизни.» (*Письмо къ Фету*).

Мизантропическія ноты звучатъ въ его раннихъ произведеніяхъ подчасъ очень рѣзко (*Люцернъ*, *Поликушка*, *Холстомѣръ*, *Набѣгъ*) и усиливаются въ позднѣйшихъ. *Смерть Ивана Ильича*—это картина какого-то сплошного бездушія и злорадства: «самый фактъ смерти близкаго знакомаго вызвалъ во всѣхъ, узнавшихъ про нее, какъ всегда, чувство радости о томъ, что умеръ онъ, а не я». Даже симпатичный для автора Дмитрій Нехлюдовъ, другъ Иртеньева, восторженный поклонникъ всего высокаго и прекраснаго, оказывается способнымъ только къ эгоистической любви, въ которой гораздо больше горделиваго самообожанія, чѣмъ искренняго чувства: «Вотъ, молъ, мнѣ все равно, кто бы вы ни были, мнѣ всѣ равны, и я его люблю,—значитъ, и онъ хорошъ». Князь Нехлюдовъ остается такимъ же и въ *Воскресеніи*: «Пускай она заводитъ шашни съ фельдшеромъ—это ея дѣло»,—думаетъ онъ про Катюшу Маслову. Онъ, все равно, будетъ любить ее, потому что это возбуждаетъ въ немъ умиленіе, поднимаетъ его на «неиспытанную имъ высоту». Такъ же, какъ въ *Юности*, ощущаетъ онъ гадливость къ людямъ, такъ же занимается «чисткой души», такъ же составляетъ себѣ правила жизни, пишетъ дневники, а соблазны міра по прежнему «улавливаютъ его». И такъ же, какъ раньше, нѣтъ въ немъ настоящаго, сердечнаго чувства. Не оно приводитъ его къ новой жизни, а какая-то перемѣна въ нравственномъ сознаніи, придавшая новый смыслъ всему пережитому...

Особенно враждебно у Толстого отношеніе къ привилегированнымъ классамъ и интеллигенціи. Вмѣсто того, чтобы пожалѣть этихъ заблудшихъ, на его взглядъ, въ без-

вѣріи интеллигентовъ, онъ, подобно Оленину, безпощадно клеймитъ ихъ: «Отношеніе къ нимъ, которое я стараюсь выработать въ себѣ и совѣтую другимъ, такое же, какъ мое отношеніе къ развращенному, пьяному ухарю, который хочетъ втянуть въ свой развратъ моего 16-лѣтняго сына». (*Письмо къ Энгельгардту* въ изд. *Окто*). Да и можно ли, вообще, любить кого бы то ни было, разъ «въ меня вложена ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ?» (*Тамъ же*).

Въ каждомъ медѣ есть своя ложка дегтю, и Толстой зоркимъ взглядомъ тотчасъ же замѣчалъ эту ложку, портившую для него весь медъ. Онъ какъ будто всю жизнь предощущалъ истину, высказанную имъ впослѣдствіи: «Безъ ослѣпленія можно любить только Бога» (*Дневникъ* 1896 г.).

Вспомнимъ, какъ брезгливо относится онъ къ людямъ въ статьяхъ, написанныхъ послѣ переворота, выдвинувшаго для него на первый планъ самоотверженную любовь. «Начиная съ бѣднѣйшихъ до богатѣйшихъ сословій общества,—говоритъ онъ въ статьѣ *Первая ступень*,—обжорство, я думаю, есть главная цѣль, есть главное удовольствіе нашей жизни. Бѣдный рабочій народъ составляетъ исключеніе только въ той мѣрѣ, въ которой нужда мѣшаетъ ему предаваться этой страсти... Интересъ одинъ живой, настоящій, интересъ большинства, и мужчинъ и женщинъ, это—ѣда... Какъ поѣсть, что поѣсть, когда, гдѣ?» Ну, можно ли не только любить, а просто, выносить людей, если все въ нихъ—похоть и ложь или самообманъ или ненужность? При такой оцѣнкѣ приходится употреблять судорожныя усилія, чтобы поставить цѣлью жизни самоотверженную любовь и осуществлять ее на дѣлѣ. Какъ долженъ напрягаться и изворачиваться разумъ, чтобы убѣдить себя въ необходимости этого! Самоотверженной натурѣ не нужны аргументы разума, чтобы любить, жалѣть, забывать себя для другихъ, а Толстому понадобился для этого цѣлый арсеналъ доводовъ и силлогизмовъ, цѣлая школа подвижничества.

И прежде, и послѣ въ личныхъ отношеніяхъ онъ всегда былъ склоненъ подозрѣвать въ человѣкѣ неискренность, тщеславіе, рисовку, грубую животность... «Всякое душевное

движеніе казалось ему фальшивымъ»,—говоритъ Тургеневъ. И это не удивительно: Л. Толстой слишкомъ привыкъ заглядывать за кулисы показного, доискиваться неприкрашенной правды.

По его собственнымъ словамъ, онъ «физически» чувствовалъ людей (*Дневникъ В. Ѳ. Булгакова*), и первое, инстинктивное чувство было обыкновенно не въ ихъ пользу: ему сейчасъ же мерещилась ихъ некрасивая подоплека. Заговаривалъ ли съ нимъ оробѣвшій юноша о своемъ желаніи «учиться, приносить пользу», у Л. Н. сейчасъ же шевелилась мысль:—«Э, да тебѣ, просто, хочется стать лучше другихъ, потѣшить свое самолюбіе!» Начиналъ ли разсказывать ему какой-нибудь запутавшійся въ противорѣчіяхъ интеллигентъ о своей внутренней драмѣ, Толстой тотчасъ же подозрѣвалъ въ немъ рядъ затаенныхъ похотей и лукавое желаніе оправдать ихъ... Такъ же реагировалъ онъ сплошь и рядомъ на свѣтлыя, по существу, мечты о писательствѣ, любви, семейной жизни: онъ видѣлъ въ нихъ прежде всего не то свѣтлое человѣчное, что волновало смутно молодую душу, а примѣси самолюбія, чувственности и суетности, отъ которыхъ рѣдко бываетъ свободно даже самое возвышенное стремленіе. Помню, какъ однажды я выразилъ ему свое сомнѣніе въ пользѣ чрезмѣрно поучительныхъ брошюръ. Л. Н. вознегодовалъ и, въ крайнемъ раздраженіи, произнесъ нѣсколько рѣзкихъ тирадъ, изъ которыхъ я понялъ, что онъ подозрѣваетъ меня въ тайномъ глумленіи надъ моралью вообще и надъ христіанской въ частности, чего у меня и въ умѣ не было... Потомъ онъ спохватился, ему стало больно за свою рѣзкость, и дѣло вскорѣ объяснилось, но, повторяю, первымъ, инстинктивнымъ душевнымъ движеніемъ его было—по крайней мѣрѣ, въ то время—какое-то настороженное недовѣріе къ человѣку...

Самъ Толстой то и дѣло ловилъ себя на недоброжелательномъ, насмѣшливомъ отношеніи къ людямъ. — «Когда мы одни, — говорилъ онъ *Гусеву*, — намъ легко держаться на высотѣ, но когда мы съ людьми, вотъ тутъ-то важно во-время остановиться, чтобы не раздражиться, не посмѣяться... Сегодня я прочиталъ «Смерть Сократа» и послѣ этого вышелъ къ нищимъ: въ другое время я могъ бы раздражиться, а тутъ я и съ ними любовно обошелся». Ему приходится заранѣе принимать

мѣры или все время тщательно слѣдить за собой, чтобы не почувствовать раздраженія, нетерпѣнія, отвращенія, а почувствовавъ, не проявить ихъ... Но стоитъ ему вспомнить, какъ *должно* относиться къ людямъ-братьямъ, и онъ тотчасъ же смягчитъ отзывы. Во всякомъ случаѣ, ему непріятно слышать отъ другихъ «недоброе сужденіе о комъ-либо» (*Н. Н. Гусевъ*), и онъ каждый разъ протестуетъ, но самъ продолжаетъ съ трудомъ переваривать посѣтителей и неизмѣнно уличать ихъ въ разныхъ низменныхъ побужденіяхъ: «Это какъ сегодня былъ у меня посѣтитель; говоритъ о религіи, о Богѣ, а я вижу, что ему водки выпить хочется». (*Тамъ же*). Да можетъ быть, посѣтителю одновременно хочется и водки выпить, и поговорить о чемъ-нибудь возвышенномъ? Или Толстой забылъ, какъ въ его собственной душѣ совмѣщалось самое несовмѣстимое на видъ? Онъ могъ размышлять о необходимости страданій, о путяхъ Провидѣнія, о ничтожествѣ жизни—и тутъ же приходитъ въ отчаяніе, что у него «лѣвый усъ выше праваго» (*Дневникъ* 1851 года).

Онъ чувствуетъ отвращеніе къ «либеральнымъ кущамъ», разговорчивымъ дамамъ, поучительнымъ священникамъ, дипломатамъ,—вообще къ «господамъ», да ко многимъ и очень ко многимъ. Лично я самъ былъ не разъ свидѣтелемъ такого физически брезгливаго отношенія къ «заблудшимъ братьямъ». Недовѣріе, даже вражда ко всякой *личности*, ко всему личному сдѣлались въ немъ второй натурой: они прорывались у него каждый разъ, когда онъ не успѣвалъ остановить себя мыслью о смиреніи и любви къ брату. Характерны слова его, передаваемыя *В. Ѳ. Булгаковымъ*: «Съ дѣтьми стоитъ поработать... Среди нихъ изъ ста бываютъ двое такихъ, надъ которыми можно поработать, изъ которыхъ что-нибудь выйдетъ». «*Двое изъ ста*»! Это не большой процентъ для человѣка, вѣрящаго въ добрую и разумную природу людей. И что это за добрыя и разумныя существа, сыны Божіи, мои братья, которыхъ непремѣнно будешь бояться, если заблаговременно не закуешь себя въ стоическую броню? Могъ ли человѣкъ, полный братской любви и довѣрія къ божественному въ душѣ людей, написать въ *Пути жизни* такой завѣтъ: «Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получать отъ другихъ людей, то люди не могутъ быть страшны для тебя»?

Онъ знаетъ по собственному опыту, что «заставить себя любить другихъ нельзя», нельзя также требовать отъ человѣка, чтобы онъ «пересталъ быть собой». Что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Надо все-таки принуждать себя, переламывать, добиваться...

И опять невольно вспоминается, какъ Иртеньевъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Нехлюдовымъ упражнялись въ любви и самосовершенствованіи. «Я завидую такимъ людямъ, какъ С. У меня нѣтъ такихъ личныхъ отношеній къ кому бы то ни было, чтобы я кого-нибудь ненавидѣлъ. А имъ предстоитъ внутренняя работа—преодолѣніе этого чувства». (*Записки Гусева*). Такъ говорилъ старикъ Толстой, а мнѣ все кажется, что это писалъ въ своемъ дневникѣ молодой Иртеньевъ или высказывался въ такомъ родѣ въ интимной бесѣдѣ съ Нехлюдовымъ. Тотъ же Иртеньевъ устами яснополянскаго старца доказываетъ, что общеніе съ людьми, которыхъ онъ считаетъ нехорошими, полезно для него, такъ какъ онъ каждый разъ внушаетъ себѣ: «Вотъ этотъ человѣкъ тебѣ не нравится: помни, что онъ тоже твой братъ, постарайся съ нимъ обращаться, какъ съ братомъ, котораго ты долженъ уважать и любить» (Тамъ же). Такъ упражнялся въ любви Левинъ, желая непремѣнно примириться съ Вронскимъ не потому, чтобы Вронскій былъ ему чѣмъ-нибудь близокъ или дорогъ, а просто, потому, что для Левина была мучительна самая мысль о врагѣ: что-то въ этомъ ненормальное, неправильное, какой-то непорядокъ... Какъ Левину, въ сущности, нѣтъ дѣла до Вронскаго, такъ и Л. Толстому нѣтъ дѣла до тѣхъ многочисленныхъ незнакомцевъ, которыхъ онъ именуетъ въ письмахъ «братьями». Онъ любитъ ихъ, потому что не знаетъ да, собственно говоря, и не хочетъ знать, такъ какъ индивидуальность для него—ничто. «Питаю къ вамъ, какъ ко всякому брату по Христу, совершенное уваженіе и любовь»,— пишетъ онъ *къ начальнику Иркутскаго Дисциплинарнаго Батальона*, заключая свое письмо. Онъ не знаетъ имени, отечества и фамиліи начальника, никогда въ глаза его не видалъ—и все же «уважаетъ и любитъ»...

Л. Толстой совершенно правъ, утверждая, что «любовь не есть выводъ разума», и именно поэтому намъ приходится признать, что его разумная любовь, старательно очищенная отъ всякихъ эмоцій, безразличная и безстраст-

ная, равнодушная къ реальной личности, есть что угодно, только не любовь.

То же надо сказать и о непротивленіи, этомъ «смыкающемъ звенѣ всего ученія». Возражая на приводимый ему часто примѣръ о разбойникѣ, убивающемъ ребенка, Толстой, въ числѣ другихъ аргументовъ, приводитъ слѣдующій: «Кто рѣшилъ, что жизнь ребенка нужнѣе, лучше жизни разбойника?» Это какъ нельзя болѣе характерно: очевидно, и здѣсь, какъ въ вопросѣ о христіанской любви, рѣчь для Толстого идетъ не о чувствѣ, а о разумномъ, «разсчетливомъ» сознаніи.

Съ точки зрѣнія этого послѣдняго, всякое насиліе есть зло, когда самъ прибѣгаешь къ нему, и нѣчто безразличное, когда претерпѣваешь его отъ другихъ,—безразличное потому, что никакія преслѣдованія не могутъ повредить духу или помѣшать духовной жизни (*В. Ѳ. Булгаковъ: Жизнепониманіе Л. Н. Толстого*). Гоненія, муки, оскорбленія касаются только тѣла и потому никакого моральнаго зла причинить не могутъ. Насиліе страшно и отвратительно тѣмъ, что оно портитъ душу самого насильника. Ну, а страданія насилуемыхъ?.. И опять Толстому какъ-будто мало дѣла до реальной личности, до реальныхъ переживаній. Ясно, что виновато здѣсь не безсердечіе Толстого: мы вѣдь хорошо помнимъ, какъ возмущалось все его существо, когда онъ слышалъ о казняхъ. Тутъ дѣло—въ его разумномъ сознаніи, для котораго насиліе есть и зло, и не зло: причинять его—нехорошо, грѣшно, подвергаться же ему—скорѣй добро, чѣмъ зло.

Самъ Л. Толстой отлично знаетъ, что, напримѣръ, пощечина или розги касаются не только тѣла, но могутъ перевернуть и душу, что насилія способны нравственно растлѣвать не однихъ палачей, но и жертвы; но особенности его «разумнаго сознанія» заставляютъ его забывать о реальной человѣческой душѣ, которая чувствуетъ, любитъ, ненавидитъ, оскорбляется, отчаивается. Та душа, которую онъ имѣетъ въ виду,—мало похожая на человѣческую,—конечно, несопзмѣрима ни съ какими пощечинами и розгами, но зато она несопзмѣрима и съ моралью и съ любыми человѣческими понятіями и правилами...

Толстому кажется, что онъ все время говоритъ о *зломъ*, о человѣкѣ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Если такъ, то, волей-неволей, приходится напоминать его разумному сознанію, что въ реальной живой жизни все индивидуально, что насиліе ради спасенія ближняго, насиліе, вызванное искреннимъ участіемъ, не имѣетъ по существу ничего общаго съ насиліемъ мести, жестокости, деспотизма... Вообразите, что мой близкій, въ припадкѣ горя или въ разстройствѣ, хватаетъ ядъ, намѣреваясь отравиться. Пройдетъ больная минута, и онъ успокоится; но чтобы она благополучно миновала, я принужденъ употребить насиліе, отнять ядъ... Согласитесь, что это совсѣмъ не похоже на поступокъ грабителя, который употребляетъ насиліе для отобранія отъ васъ копелька. Но Толстой этого не разбираетъ: добрый или злой, честный или безчестный, труженикъ или грабитель—все безразлично. «Почему мое насиліе по отношенію къ грабителю будетъ менѣе безнравственно, чѣмъ насиліе по отношенію произведшаго собственнымъ трудомъ?» (*Записки Гусева*). Спасаетъ ли оно, губитъ ли,—это все равно: «всякое допущеніе насилія противъ ближняго, во имя возмездія ли или предполагаемаго избавленія себя или ближняго отъ зла, несовмѣстимо съ любовью» (*Путь жизни*).

Если бы заповѣдь непротивленія основывалась у Толстого на чемъ-нибудь мистическомъ, сверхъестественномъ, я бы не спорилъ: вѣдь тогда самому моменту непротивленія приписывалась бы какая-то особая таинственно-чудотворная сила, высшая, непостижимая для насъ истина, болѣе драгоцѣнная, чѣмъ всѣ понятные намъ резоны и результаты. Тогда Толстой имѣлъ бы полное право сказать: «вѣрю, несмотря на то, что это нелѣпо; вѣрю потому, что не могу не вѣрить»... Но онъ говоритъ какъ разъ обратное: «ничему нелѣпому я не хочу вѣрить, а принимаю только то, что очевидно для разума». А для нашего свободнаго разума очевидно въ данномъ случаѣ лишь одно: Толстой вооружается не противъ насилія, какъ такового, а противъ термина «насиліе», прикрывающаго собой самыя противоположныя движенія человѣческой души. Это, какъ извѣстно, первый признакъ схоластически-формальнаго мышленія, оперирующаго надъ терминами, которые отъ долгаго употребленія начинаютъ представляться чуть не живыми, реальными существами...

Толстой рѣшается сдѣлать исключеніе лишь для ребенка: его можно удержать силой «для избавленія отъ предстоящаго ему тотчасъ же зла». (*Въ чемъ моя вѣра*). Но вѣдь и взрослые бываютъ нерѣдко подобны дѣтямъ, и ихъ тоже приходится спасать силой. Толстой самъ признается, что есть люди, съ которыми «нельзя обращаться иначе, какъ такъ, какъ обращаешься съ дѣтьми» (*Дневникъ В. Ѳ. Булгакова*). Тутъ, кажется, напрашивается самъ собой выводъ, что и въ вопросѣ о насиліи къ такимъ людямъ слѣдуетъ подходить, какъ къ дѣтямъ; однако, Толстой уклоняется отъ такого вывода, ограничиваясь тѣмъ, что съ ними не надо только «становиться на одну доску».

Пересматривая все, что говоритъ Л. Н. о непротивленіи, я наткнулся на такія строки въ *письмѣ къ К.*: «Возьмите примѣръ съ бѣшеной собаки, и ее нельзя ни запереть, ни убить. Если я допущу, что очень бѣшенаго можно запереть, то и меня, и васъ можно и нужно окажется для кого-нибудь запереть... Если можно запирать, то будетъ то насиліе, отъ котораго теперь стонетъ міръ..; а если нельзя, то что же будетъ такого страшнаго? То, что бѣшеный убьетъ меня, васъ, мою дочь, вашу мать? Да что же тутъ такого страшнаго? Умереть мы всѣ можемъ и должны. А дурного дѣлать мы не должны».

Теперь я понялъ. Толстой, отстаивающій неприкосновенность даже бѣшеной собаки, не можетъ спрашивать: «что же страшнаго, если убиваютъ мою дочь, вашу мать?» Такъ резонировать можетъ только разсудокъ, вынутый изъ него и повисшій въ пустомъ мѣстѣ,—разсудокъ, для котораго всѣ—и люди, и собаки, и убійцы, и убиваемые—превратились въ алгебраическіе знаки: онъ не любитъ, не жалѣетъ, не возмущается, онъ только производитъ надъ этими знаками различныя математическія дѣйствія...

Да, я понялъ: тутъ не мораль, не психологія, тутъ—математика.

V.

МАТЕМАТИКА.

Добро—добро и просвѣщеніе—просвѣщеніе только тогда, когда оно совсѣмъ добро и совсѣмъ просвѣщеніе. (*Къ либераламъ*).

Христіанское ученіе нельзя брать кусочками: или все, или ничего. (*Къ духоборамъ*).

Увѣровавъ въ математически прямую линію, Толстой неустанно проводитъ ее, не считаясь ни съ какими преградами. Онъ, напр., убѣжденъ, что для самосовершенствованія и дѣланія добра у человѣка не можетъ быть ни малѣйшихъ помѣхъ (*О разумѣ, вѣрѣ, молитвѣ*). Для него какъ бы не существуетъ тренія, свойственнаго всякой дѣйствительности. Онъ точно путешествуетъ по географической картѣ, гдѣ нельзя ни утонуть, ни сгорѣть, ни заблудиться, ни устать. Когда его прямая линія натыкается на что-нибудь живое, реальное (а это случается на каждомъ шагу), онъ, попросту, проходитъ сквозь это живое, какъ сквозь туманъ или призракъ.

Эту религіозно-философскую математику можно узнать по внѣшнимъ признакамъ, такъ какъ ей обыкновенно сопутствуютъ выраженія: «всегда», «всѣ люди», «во всемъ мірѣ», «всякое разумное сознаніе» и проч. въ этомъ родѣ. И это понятно: въ математикѣ всѣ радіусы круга равны между собой, всѣ прямыя линіи—кратчайшія. «Религія есть сознаніе тѣхъ истинъ, которыя общи, понятны *всѣмъ* людямъ, во *всѣхъ* положеніяхъ, во *всѣ* времена и несомнѣнны, какъ $2 \times 2 = 4$» (*О религіи*).

«Если въ какомъ поступкѣ 60% Божьяго дѣла, то и это уже очень хорошо»... Мнѣ всегда бросалось въ глаза пристрастіе Л. Н. къ математическому способу выраженія*).

*) См., напримѣръ, какъ въ *Войнѣ и Мирѣ* онъ старается путемъ уравненій опредѣлить, что такое «духъ войска», или какъ объясняетъ пріемы «общихъ историковъ».

Это же отмѣчаетъ и *Н. Н. Гусевъ*, указывая на то, что Толстой «любилъ употреблять въ разговорахъ и письмахъ сравненіе человѣка съ дробью: числитель—достоинства человѣка, знаменатель—его мнѣніе о себѣ» (*Записки Гусева*). «Центръ и радіусы»... «геометрическая ясность»... «геометрическія аксіомы»—то и дѣло слетаютъ съ языка Толстого. «Дѣло религіи подобно дѣлу геометріи», пишетъ онъ Энгельгардту.—«Говорить, что схема нравственности нехороша, потому что она исключаетъ другія схемы, все равно, что говорить, что теорема отношенія катетовъ къ гипотенузѣ нехороша, потому что она исключаетъ другія схемы». По его мнѣнію, «законы нравственности такъ же строго опредѣлены, какъ и математическіе. Какъ я могу сначала допустить, что прямая линія—кратчайшее разстояніе, а потомъ вдругъ подумаю: а можетъ быть, иногда и кривая линія— кратчайшая?» (*Тамъ же*).

Математическая невозражаемость является въ глазахъ Толстого критеріемъ истины: «Мы твердо знаемъ, что дважды два—четыре или что углы треугольника равны двумъ прямымъ. И зачѣмъ, зачѣмъ этотъ мистицизмъ?» (*Дневникъ Булгакова*). Характерна также его склонность прибѣгать къ математическимъ пріемамъ для моральныхъ оцѣнокъ: «Добрая жизнь... не можетъ измѣряться ничѣмъ инымъ, какъ только отношеніемъ въ математическомъ смыслѣ любви къ себѣ—къ любви къ другимъ». (*Первая ступень*). Свойственное ему съ юныхъ лѣтъ пристрастіе къ послѣдовательности, порядку, сказывается тутъ во всей силѣ. Онъ не допускаетъ, чтобы безъ этой послѣдовательности была, вообще, возможна добрая жизнь: необходима прежде всего правильность въ пріобрѣтеніи нужныхъ для нея качествъ. Надо начинать работу совершенствованія «съ самаго начала» и послѣдовательно подниматься со ступеньки на ступеньку по лѣстницѣ добродѣтелей. Трагизмъ Герцена, Огарева и всѣхъ людей «того склада» состоялъ въ томъ, что они стремились къ добру безъ всякой послѣдовательности, тогда какъ «для доброй жизни необходимъ извѣстный порядокъ добрыхъ поступковъ» (*Первая ступень*). Математическая логика приводитъ его даже къ тому удивительному убѣжденію, что безъ поста нельзя быть добрымъ, какъ нельзя идти, «не вставши на ноги».

Тотъ же демонъ математичности заставляетъ Толстого

утверждать, что «всѣ люди такъ же равны, какъ двѣ капли воды», и что любовь не должна дѣлать никакихъ различій. Доказательство этой истины—чисто математическое: такъ какъ духовное «я»—одно во всѣхъ людяхъ, то они не могутъ быть неравны между собой, какъ не могутъ быть неравны прямые углы, при всемъ ихъ видимомъ различіи. Толстой видитъ и признаетъ различіе въ качествахъ: люди неодинаковы по уму, силѣ, добротѣ,—все же они равны, какъ двѣ капли воды, потому что во всѣхъ есть Духъ Божій (*Путь жизни*). Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ уже не о равенствѣ реальныхъ людей, а о тожествѣ отвлеченныхъ величинъ: если обозначить человѣка буквой А, то, разумѣется, всѣ эти А будутъ абсолютно равны. И спорить не о чемъ. Какъ всѣ А равны между собой, такъ равны и В, и С: все всегда равно себѣ самому. Всѣ насилія, всѣ правды и неправды всегда равны себѣ: «Важно не то большое или малое зло, которое произойдетъ отъ твоей неправды, а важно то, чтобы ты самъ себя никогда не осквернялъ ложью». *(Путь жизни)*. Ложь для спасенія ближняго и ложь для его гибели—математически равныя величины: разъ ты позволилъ себѣ, изъ состраданія къ ближнему, ничтожнѣйшее отступленіе отъ правды, ты этимъ сдѣлалъ себя изъ правдиваго человѣка лжецомъ. Душа человѣческая рисуется при этомъ Толстому въ видѣ правильнаго геометрическаго чертежа: чуть сдвинешь хоть одну точку, весь рисунокъ испорченъ.

Его любимый пріемъ—противоположеніе отвлеченныхъ плюсовъ отвлеченнымъ минусамъ: «Все, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ,—богатство, собственность всякаго рода, сознаніе собственнаго достоинства, права,—все это стало теперь дурно и низко; все же, что казалось мнѣ дурнымъ и низкимъ—работа на другихъ, бѣдность, униженіе, отреченіе отъ всякой собственности и всякихъ правъ—стало хорошо и высоко въ моихъ глазахъ». *(Въ чемъ моя вѣра)*. Гдѣ были плюсы, тамъ стали минусы, и наоборотъ: все равно, что помножить на минусъ единицу. Толстой не считаетъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе этихъ плюсовъ и минусовъ. Богатство—и сознаніе собственнаго достоинства, эти двѣ совершенно различныя величины, одинаково помножаются на минусъ единицу и даютъ одинаковые результаты. То же самое производится съ «работой

на другихъ», которая почему-то ставится на одну доску съ «униженіемъ», безправіемъ и «скудной, грубой жизнью». Все это становится «хорошимъ и высокимъ» только потому, что противоположныя имъ вещи «дурны и низки». И обратно.

Точно также противопоставляетъ онъ всѣмъ «вѣрующимъ и трудящимся» плюсамъ всѣ привиллегированные минусы, погрязшіе въ «праздности, потѣхахъ и недовольствѣ жизнью». Если бы онъ пожелалъ вглядѣться въ эти алгебраическіе знаки, онъ тотчасъ увидѣлъ бы, что сплошнымъ «потѣхамъ и праздности» предается только кучка богачей, очень небольшая сравнительно со всей массой привиллегированныхъ, образованныхъ.

Кромѣ чрезмѣрнаго упрощенія и обезличиванія сложнаго живого, есть еще признакъ моральной математичности: прямолинейный радикализмъ, идущій мимо жизни. Признакъ этотъ, конечно, органически связанъ съ вышеуказанными.

«Все до конца, до послѣднихъ выводовъ, какъ бы они ни были чужды или непріятны,—пишетъ онъ къ *Славянскому съѣзду въ Софіи*.—Все или ничего. И именно, *ничего*, а не кое-что, потому что всѣ эти величайшія дѣятельности человѣческой души, какъ только онѣ не доведены до конца, не только не полезны... но губительны и болѣе всего другого задерживаютъ достиженіе той самой цѣли, къ которой онѣ какъ будто стремятся.» Другими словами: какъ старательно и искусно ни нарисуй кругъ, онъ все же не совпадетъ съ математическимъ и потому будетъ дурнымъ, негоднымъ. Разъ допустимъ хоть ничтожное уклоненіе отъ прямой линіи, получится не прямой, а кривой путь, будетъ не добро, а зло, порокъ, грѣхъ.

«Ложь, воровство, любодѣянія всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство»... *(Исповѣдь)*. Теперь понятно, почему Л. Толстой видитъ въ своемъ прошломъ сплошное преступленіе. Съ одной стороны, это перестаетъ быть такимъ страшнымъ, какимъ казалось раньше, а съ другой... какъ ни разсуждайте, а положеніе—прямо безвыходное: кто въ самомъ дѣлѣ изъ всѣхъ живущихъ на свѣтѣ людей способенъ совершать свой жизненный путь по идеально прямой линіи? Значитъ, всѣ роковымъ образомъ обречены на непрерывную цѣпь преступленій?

Но Толстой не падаетъ духомъ, и я вспоминаю, какъ ему сладко было въ молодости каяться, нарочно рисовать

свое прошлое и настоящее въ самомъ черномъ цвѣтѣ и съ восхищеніемъ думать о свѣтломъ будущемъ, которое онъ создастъ для себя, и очень скоро*). Невольно начинаетъ казаться, что и теперь онъ не потеряется. Такъ и есть. Всякій, озабоченный судьбами живой человѣческой души, пришелъ бы въ отчаяніе при видѣ такихъ мрачныхъ, открывающихся передъ ней перспективъ, но Толстой убѣжденъ, что тутъ дѣло поправимо и смущаться нечѣмъ. Китайцамъ надо только мирно жить, перенося безропотно всѣ насилія, «не противодѣйствуя имъ и не участвуя въ нихъ» *(Письмо къ китайцу)*; священникамъ, познавшимъ истину, надо только выдти на амвонъ и поклониться народу, «прося прощенія у него за то, что вводилъ его въ заблужденіе». *(Къ православному священнику)*. Это, по словамъ Толстого,— «лучшій выходъ», т. е., лучшій способъ рѣшенія задачи. А такъ какъ при операціяхъ надъ безличными иксами и игреками нѣтъ надобности принимать въ разсчетъ реальную обстановку, то совѣты оказываются пригодными для всякихъ китайцевъ, всякихъ священниковъ, всякихъ людей: умные или глупые, сильные или слабые, здоровые или больные—все безразлично. Толстой лечитъ болѣзнь, не интересуясь личностью больного: вѣдь истина въ такой мѣрѣ очевидна, что «стоитъ только высказать ее всю, во всемъ ея значеніи», и люди ужъ не въ состояніи будутъ поступать противно ей.

«Самое простое средство»... «стоитъ только»... «надо только» сдѣлать одно или не дѣлать другого, и цѣль достигнута. «Только живи человѣкъ согласно съ свойственнымъ его сердцу и открытымъ уже ему закономъ любви...— пишетъ онъ къ *индусу*,—и не только сотни не поработятъ милліоны, но милліоны не поработятъ ни одного». А захочешь освободиться отъ насилія, и тутъ есть простое средство: пусть люди только поймутъ, «что они всегда должны и чего никогда не должны дѣлать». *(Къ револю-*

---

*) См., наприм., описаніе настроенія Пьера Безухаго послѣ встрѣчи съ Баздѣевымъ, когда онъ обдумывалъ свое порочное прошедшее и съ восторгомъ обновленія представлялъ себѣ свое «блаженное, безупречное и добродѣтельное будущее, которое казалось ему такъ легко. Онъ былъ, какъ ему казалось, порочнымъ только потому, что онъ какъ-то случайно запамятовалъ, какъ хорошо быть добродѣтельнымъ. Въ думѣ его не оставалось слѣда прежнихъ сомнѣній» и т. д.

ціонеру). Стоитъ только стать на такую точку зрѣнія, и въ прахъ разлетится царство насилія. *(Отвѣтъ польской женщинѣ)*. Стоитъ рабочимъ начать жить по-евангельски, и они избавятся отъ всякаго угнетенія. *(Къ политическимъ дѣятелямъ)*.

Да, «стоитъ только»! Какъ будто рѣчь идетъ о томъ, чтобы опустить перпендикуляръ или возвести въ квадратъ или извлечь корень. Толстой не видитъ, какая бездна сложнаго, труднаго, непосильнаго заключена въ этомъ маленькомъ словѣ «только». Не видитъ потому, что не хочетъ видѣть. Левинъ, по собственному опыту, убѣдился, что «устройство всѣхъ этихъ мелочей совсѣмъ не такъ легко было, какъ ему казалось», что мысли о благѣ человѣчества были «пріятны, но самая дѣятельность всегда бывала нескладная». Толстой же какъ будто забылъ объ этомъ, забылъ, сколько горькихъ разочарованій пережили его герои, стремившіеся исправить себя и окружающую жизнь. Читатель, встрѣчаясь съ этимъ его «стоитъ только», чувствуетъ себя, какъ Левинъ, «въ положеніи человѣка, который промѣнялъ бы теплую шубу на кисейную одежду и который въ первый разъ на морозѣ несомнѣнно, не разсужденіями, а всѣмъ существомъ своимъ, убѣдился бы, что онъ все равно что голый и что онъ неминуемо долженъ мучительно погибнуть». *(Анна Каренина)*. А Толстой будетъ удивляться, зачѣмъ онъ мерзнетъ?—«Вѣдь стоитъ только надѣть шубу, и станетъ тепло».—«Но если ея нѣтъ?» —«Нѣтъ,—такъ возьмите: очень просто».

И какъ могъ Л. Толстой, столько лѣтъ вглядывавшійся ясновидящимъ взоромъ художника въ человѣческую натуру, относившійся такъ недовѣрчиво ко всему выдуманному, ко всякому самообману, позабыть теперь до такой степени о жизненной правдѣ, видѣть передъ собой, вмѣсто живыхъ людей, какія-то геометрическія фигуры?

Отвѣтъ на это даютъ отчасти все тѣ же его знакомыя намъ характерныя черты, проявившіяся въ немъ чуть не съ дѣтства. Ненасытное требованіе совершенства, съ его рѣшительнымъ: «все или ничего!», не находя соотвѣтствующаго реальнаго содержанія, обращалось незамѣтно къ формѣ. Это тѣмъ болѣе естественно, что въ Толстомъ всегда сидѣло прочно тяготѣніе къ простотѣ, ясности, послѣдовательности, порядку. Его взоръ не выносилъ без-

форменнаго, хаотическаго, случайнаго, а реальная жизнь полна этимъ. Онъ отражаетъ эту жизнь въ своемъ художественномъ зеркалѣ такою, какова она есть, но отразивъ, остается неудовлетворенный, съ голоднымъ разумомъ и сердцемъ, которымъ не на чемъ отдохнуть: какой смыслъ въ этой правдѣ и что мнѣ съ ней дѣлать? Любить можно только совершенство, а совершенной можетъ быть лишь форма.

«Неужели можно любить женщину за одну красоту, любить женщину-статую?» пишетъ онъ въ періодъ *Козаковъ* своимъ московскимъ знакомымъ.—«Спрашивалъ я себя, а уже любилъ ее». Оленинъ не гонится за внутреннимъ содержаніемъ Маріанны: онъ заранѣе знаетъ, что оно прекрасно, какъ ея внѣшній величавый обликъ, какъ прекрасны эти снѣговыя горы. Да и не надо внутренняго: оно способно только замутить идеальную форму. Оленинъ-Толстой знаетъ это по себѣ: стоитъ ему только вспомнить о своемъ внутреннемъ «*я*», и онъ кажется себѣ такимъ жалкимъ, безобразнымъ, вывихнутымъ. А вотъ эти козаки, внутреннее содержаніе которыхъ ускользаетъ отъ него, представляются ему «прекрасными, сильными, свободными». И Каратаевъ плѣняетъ его тѣмъ, что онъ весь какой-то круглый и все въ немъ круглое, какая-то своеобразная гармонія...

Вообразите, что глазъ, утомленный созерцаніемъ неправильныхъ, безпорядочныхъ фигуръ, вдругъ встрѣчается съ математически правильнымъ шаромъ или кубомъ. Какая инстинктивная радость, какое безсознательное удовлетвореніе! Ужъ кажется, что и внутренность шара должна быть непремѣнно идеальной,—особенно, когда этому помогаетъ пылкое творческое воображеніе. Такъ влюбленному въ прекрасное лицо невольно чудится, что и душа въ предметѣ любви такъ же прекрасна.

Толстой—именно такой влюбленный. Характернымъ признакомъ этихъ натуръ является, между прочимъ, влюбчивость въ очень раннемъ возрастѣ, а маленькій Толстой отличался какъ разъ этимъ *(Л. Толстой о себѣ)*, причемъ его поражало и прельщало всегда діаметрально противоположное его собственной натурѣ: Сережа Ивинъ былъ антиподъ Николеньки Иртеньева, Маріанна—полная противоположность Оленину... Чѣмъ больше мучитъ его

двойственность, тѣмъ жаднѣе тянется онъ къ цѣльности, послѣдовательности. Его плѣняютъ люди, не думающіе о себѣ, въ родѣ студента Зухима *(Юность)*, люди «безъ заминки», непосредственныя натуры, какъ старый гусаръ *(Два гусара)*, Ерошка въ *Козакахъ*, Стива Облонскій, которымъ онъ невольно любуется, хоть и осуждаетъ его. При видѣ ихъ, онъ испытываетъ нѣчто, похожее на чувство «лишнихъ людей», мучительно завидовавшихъ простымъ, цѣлостнымъ натурамъ, что «хоть и врутъ, да живутъ». Разница съ «лишними людьми» у Толстого та, что они махали на себя безнадежно рукой и ныли, а онъ не переставалъ надѣяться на разумное счастье, вѣрить въ возможность полнаго, коренного перерожденія, какъ вѣрили Олениинъ, Левинъ, Нехлюдовъ. Въ его подсознательномъ давно уже складывалась формула: «или живи слѣпо, инстинктивно, какъ животное (въ этомъ вѣдь есть тоже своего рода законченность), или, если прозрѣлъ, иди неуклонно по математически прямой линіи разума. Середина мучительна и позорна, двойственность невыносима. Все — или ничего! И его разумное сознаніе выбрало... «ничего», т. е., голую, математически правильную форму, скорлупу безъ зерна.

Это кажется до такой степени неожиданнымъ, невѣроятнымъ, что невольно начинаешь искать объясненія въ самомъ процессѣ «переворота», невольно подозрѣваешь что-то загадочное, постигшее Толстого...

VI.

СОЛОМЕНКА.

Какъ ни соблазнительна бываетъ ложь и всѣ ея соблазны, бываетъ время, что ложь такъ замучитъ человѣка, что человѣкъ, уже не для того, чтобы искать истину, а только для того, чтобы избавиться отъ всей нераздѣльной съ ложью путаницы, отъ которой онъ страдаетъ, обращается къ истинѣ и въ ней одной находитъ спасеніе. (*Путь жизни*).

Когда В. Г. Чертковъ замѣтилъ, что «и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ Л. Н. все тотъ же, какой онъ теперь», Толстой согласился съ этимъ и прибавилъ, указывая на Гусева: «Вотъ онъ—молодой человѣкъ, а въ немъ все уже есть, что будетъ послѣ; онъ только себя не знаетъ». У каждаго есть свое прошедшее: оно-то, именно, и приводитъ его въ положеніе, въ которомъ онъ находится, и притомъ такъ, что у него, по словамъ Л. Н., «нѣтъ другого выхода». *(Записки Н. Н. Гусева)*.

И Л. Толстого привело къ перевороту все его прошлое. И въ немъ къ моменту переворота готово уже все, что обнаружилось послѣ. Можно смѣло сказать: ядро его ученія не только давно сидѣло въ его подсознательномъ, но и доходило до сознанія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, письмо его къ П. Бирюкову, гдѣ Л. Н. вспоминаетъ о казни рядового Шибунина, бывшей въ 1866 г.: «На этомъ случаѣ я въ первый разъ почувствовалъ первое то, что каждое насиліе для своего исполненія предполагаетъ убійство или угрозу его, и что поэтому всякое насиліе неизбѣжно связано съ убійствомъ; второе—то, что государственное устройство, немыслимое безъ убійствъ, несовмѣстимо съ христіанствомъ, и третье, что то, что у насъ называется наукой, есть только такое же лживое оправданіе существующаго зла, какимъ было прежде церковное ученіе».

Толстой признается, что казнь Шибунина имѣла на всю его жизнь «гораздо больше вліянія, чѣмъ всѣ кажущіяся болѣе важными событія жизни... даже потеря близкихъ людей»... И однако происшествіе это не произвело въ немъ «переворота», а лишь усилило давно начавшееся внутреннее броженіе. Оно все ростетъ и ростетъ; наконецъ, достигаетъ крайней степени, когда готово вылиться въ первое попавшееся русло: только бы не эта пытка противорѣчій, не этотъ нестерпимый хаосъ! И вотъ наступаетъ моментъ, происходитъ «озареніе». Что же, именно, произошло внутри него? Какой дивный лучъ сверкнулъ внезапно передъ нимъ и освѣтилъ все по новому, такъ что ««направленіе его жизни и желанія стали другими?» Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Толстой:

«Это было событіе, подобное тому, которое случилось бы съ человѣкомъ, тщетно отыскивающимъ по ложному рисунку значеніе кучи мелкихъ перемѣшанныхъ кусковъ мрамора, когда бы вдругъ по одному небольшому куску онъ догадался, что это совсѣмъ другая статуя, и, начавъ возстановлять новую, вмѣсто прежней безсвязности кусковъ, всѣми изгибами излома сходящемся съ другими и составляющемъ одно цѣлое, увидалъ бы подтвержденіе своей мысли»...

Съ неменьшимъ правомъ мы могли бы уподобить это рѣшенію шахматной задачи или раскладыванію пасьянса: бьешься-бьешся,—ничего не выходитъ, какъ вдругъ переставилъ пѣшку, переложилъ карту,—и дѣло пошло на ладъ. Или ученикъ на экзаменѣ ломаетъ голову надъ алгебраическимъ уравненіемъ, приходитъ въ отчаяніе отъ путаницы, а потомъ его вдругъ озаряетъ мысль: «а что, если поставить, вмѣсто икса, игрекъ, вмѣсто плюса, минусъ?» Поставилъ, задача вышла, и онъ спасенъ. Какъ видите, ничто не перемѣстилось въ сердцѣ или волѣ Л. Толстого, а единственно въ разсудкѣ, который вдругъ сообразилъ, «догадался». Вотъ это и есть «соломенка», выручившая его: теперь, вмѣсто того, чтобы топтаться безнадежно на мѣстѣ или блуждать до изнеможенія въ дебряхъ, онъ получилъ возможность итти по опредѣленному направленію.

Бываютъ впечатлѣнія, способныя перевернуть душу, оставить на ней глубокій, неизгладимый слѣдъ, положить начало внутреннему переустройству: напримѣръ, впечатлѣніе отъ

зрѣлища смертной казни, описанное Толстымъ и Тургеневымъ, или, еще больше, ощущенія, пережитыя Достоевскимъ у позорнаго столба. Такія вещи, потрясающія все нравственное существо человѣка, могутъ мгновенно обнажить передъ нимъ глубоко скрытую истину. Тутъ въ душу входитъ нѣчто новое, огромное... У Толстого же въ моментъ «озаренія» не было ничего подобнаго. Было скорѣй то, что случилось съ Левинымъ, когда онъ услыхалъ отъ Ѳедора, что Ѳоканычъ живетъ «по правдѣ, по-Божьи» *). Громека говоритъ, что слова эти «были только послѣдней каплей въ его наполнившемся жизненнымъ чувствомъ источникѣ внѣличной любви. Капля переполнила его, онъ разлился и смылъ послѣдніе слѣды эгоизма и сомнѣній». Мы знаемъ, что это психологически невозможно: никакая «капля» не въ силахъ смыть разомъ «эгоизмъ и сомнѣнія». Левинъ остался тѣмъ же Левинымъ: «Это новое чувство не измѣнило меня, не осчастливило, не просвѣтило вдругъ, какъ я мечталъ... Такъ же буду сердиться на Ивана кучера, такъ же буду спорить, буду некстати высказывать свои мысли, такъ же будетъ стѣна между святая святыхъ моей души и другими, даже женой моей, такъ же буду обвинять ее за свой страхъ и раскаиваться въ этомъ, такъ же буду не понимать разумомъ, зачѣмъ я молюсь, и буду молиться». Да, Левинъ остался совершенно такимъ же, какимъ былъ, со всѣми своими привычками, слабостями, особенностями; ему только случайно подвернулась новая точка зрѣнія, на которой онъ инстинктивно поспѣшилъ утвердиться, чтобы жить и имѣть возможность оправдать свое желаніе жизни. Л. Толстой и прежде ощущалъ мучительно неправду жизни, безсмыслицу ея, но не хватался за соломенку, потому что еще не тонулъ, а продолжалъ, скрѣпя сердце, плыть куда-то, какъ и Левинъ не хватался раньше за слова «по правдѣ», «по-Божьи», хотя, конечно, много-много разъ слышалъ ихъ. Уцѣпился Толстой за соломенку тогда, когда выбился изъ силъ и почувствовалъ, что начинаетъ тонуть. Не будь ея, подвернулась бы непремѣнно какая-

---

*) «Вопросъ о смыслѣ жизни былъ для него чисто умственнымъ вопросомъ; въ безсознательной своей глубинѣ онъ твердо зналъ «и что онъ такое, и для чего живетъ». Вотъ, почему онъ такъ легко удовлетворился своимъ поспѣшнымъ, скомканнымъ, ни на что не отвѣчающимъ отвѣтомъ.» (*В. Вересаевъ: Живая Жизнь*).

нибудь другая, какъ Левину—какое-нибудь другое спасительное слово.

Человѣкъ не идетъ ко дну, а плыветъ къ берегу и—благословляетъ поддерживающую его соломенку, тогда какъ на самомъ дѣлѣ спасаютъ и двигаютъ скрытыя въ немъ самомъ силы, которыми онъ никогда не переставалъ жить. Экипажъ вытащили изъ вязкихъ, сыпучихъ песковъ лошади, а заслугу приписываетъ себѣ наивная муха, кружившаяся усердно надъ ихъ головами.

VII.

СКОРЛУПА И ЗЕРНО.

Я качусь, качусь подъ гору смерти и едва чувствую въ себѣ силы остановиться. А я не хочу смерти, я хочу и люблю безсмертіе. (*Л. Толстой: Дневникъ 1863 года*).

Жизнь моя остановилась. Я могъ дышать, ѣсть, пить, спать... но жизни не было, потому что не было такихъ желаній, удовлетвореніе которыхъ я находилъ бы разумнымъ. (*Исповѣдь*).

Чтобы жизнь имѣла какой-нибудь смыслъ, надо жить такъ, чтобы смерть не могли разрушить дѣла жизни. (*Путь жизни*).

Л. Толстой всегда ощущалъ непобѣдимое, органическое отвращеніе къ смерти, къ самой мысли о ней. Траурный голосъ ея не давалъ ему покоя; наконецъ, сталъ заглушать для него всѣ голоса жизни. Особенно почувствовалъ онъ это послѣ кончины брата, умершаго на его рукахъ. «Съ этой минуты,—говоритъ П. Бирюковъ,—мысль о смерти не покидала его. Она приводитъ его къ неизбѣжному кризису и побѣдѣ надъ нею». Бываютъ самоотверженныя натуры, способныя отдаться до самозабвенія чужимъ интересамъ и заботамъ; Толстой не могъ этого: онъ слишкомъ остро чувствовалъ свое «*я*», жаждущее личнаго счастья, прочнаго, неразрушимаго. Онъ долженъ былъ напасть на такую *точку зрѣнія*, при которой его сознаніе гарантировало бы ему безсмертіе въ томъ или другомъ видѣ. И какъ только подвернулась такая формула, къ ней тотчасъ, какъ къ магниту, стало стягиваться все, что бродило внутри него въ такомъ мучительно-неспосномъ безпорядкѣ и раздробленности. И вотъ начался процессъ внутренней кристаллизаціи.

Въ немъ возобладала та подспудная «сила жизни», которой онъ былъ полонъ въ дѣтствѣ (*Исповѣдь*). Съ этого

момента сознаніе цѣликомъ направляется на то, чтобы оправдать и утвердить ее. Пусть къ старымъ противорѣчіямъ и недоумѣніямъ прибавляются все новыя,—Толстой не замѣчаетъ этого. Какое ему дѣло до мысли и логики, разъ на сцену успѣла выступить иная логика, болѣе властная и обязательная, логика безсознательнаго? *) *Онъ хочетъ жить разумно и счастливо, онъ долженъ жить такъ:* передъ этимъ требованіемъ отступаютъ всѣ сомнѣнія, возраженія, умолкаютъ всѣ противорѣчія. Давно ли Толстой уличалъ философовъ въ томъ, что они не могутъ выбиться изъ круга безсодержательныхъ тожествъ? А теперь самъ то и дѣло вращается въ такомъ же кругѣ, какъ бѣлка въ колесѣ. «Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь. Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога». *(Исповѣдь)*. Но вѣдь онъ и раньше искалъ Бога, однако не чувствовалъ жизни? И если Богъ есть жизнь, то—какая? Только такая, въ которой есть Богъ. И получается голое тожество: «я живу истинной жизнью, когда чувствую Бога», «я чувствую Бога, когда живу истинной жизнью». Или: «человѣческой природѣ свойственно дѣлать то, что лучше. Люди не могутъ дѣлать только то, что хуже, а не могутъ не дѣлать того, что лучше». *(Въ чемъ моя вѣра)*. Толстому кажется, что тутъ открываются какія-то плодотворныя истины, а на самомъ дѣлѣ это, просто, мечется въ пустомъ мѣстѣ растерянный разсудокъ, который хочетъ угодить своей владычицѣ и не знаетъ, какъ за это взяться: бросается во всѣ двери, путается, приноситъ не то, что нужно... Но это нимало не смущаетъ «владычицу»: она вѣдь знаетъ, что все въ концѣ концовъ будетъ по ея желанію. Мимо противорѣчій она надменно пройдетъ, узлы разрубитъ, тупики приметъ за просвѣты. Пускай обезумѣвшій отъ усердія разсудокъ вертится вокругъ своей оси, не двигаясь съ мѣста, «сила жизни», эта единственная распорядительница, сдѣлаетъ свое дѣло: принудитъ разумъ повѣрить въ неразумное, принять безсодержательныя абстракціи за законы жизни. Она убѣдитъ его, что дѣйствительное благо «всѣмъ людямъ и всегда извѣстно въ чувствѣ любви, заставляющемъ безъ всякаго

*) Когда Андрео Балконскій, увидавъ впервые Наташу Ростову, вернулся домой, всѣ его прежніе разумные доводы утратили всякое значеніе: «теперь разумъ подсказывалъ совсѣмъ другое» *(Война и миръ)*.

страха страданія и смерти отдавать свое существованіе для другихъ существъ». Она заставитъ его утверждать, что такъ называемые злодѣи, подобно всѣмъ остальнымъ людямъ, любятъ добро и ненавидятъ зло, что если, несмотря на это, разумныхъ, вѣрующихъ и добрыхъ среди людей такъ мало, то въ этомъ виновато догматическое, церковное ученіе... Да, правъ Л. Толстой, говоря, что люди «освобождаясь отъ однихъ суевѣрій, впадаютъ незамѣтно въ другія». *(Недѣланіе)*.

Когда Левинъ отъ философскихъ книгъ переходилъ къ дѣйствительности, онъ чувствовалъ, что вся эта искусственная постройка заваливалась, какъ карточный домъ, и ясно было, что постройка была сдѣлана изъ тѣхъ же «перестановленныхъ словъ». Почему же самъ Толстой этого не чувствуетъ? Почему онъ вѣритъ въ волшебную силу всѣхъ этихъ отвлеченностей такъ непоколебимо, какъ могли вѣровать только въ средніе вѣка? Да просто, потому, что они продиктованы «силой жизни», этимъ самымъ несокрушимымъ авторитетомъ, заставившимъ покорно умолкнуть даже такіе неотвязные вопросы, какъ: «*зачѣмъ?*» и «*а потомъ что?*» Вѣдь Толстой могъ съ прежнимъ правомъ спрашивать себя: «Зачѣмъ я буду упражняться въ непротивленіи? зачѣмъ служить ближнему? Ну, я отрекусь отъ себя,—а потомъ что?» Но онъ не спрашиваетъ—не потому, что получилъ исчерпывающіе отвѣты, а просто, оттого, что снова получилъ возможность жить. Самъ по себѣ, вопросъ «*зачѣмъ*»—такого свойства, что не можетъ замолчать, несмотря ни на какіе отвѣты.

Логика разсудочности, предоставленная самой себѣ, ведетъ неминуемо къ полному отрицанію такой безразсудной вещи, какъ жизнь, и ученіе Л. Толстого шло по прямой линіи къ выводамъ гартмановской философіи; но оно, вопреки всѣмъ логическимъ законамъ, вдругъ круто повернуло въ сторону и, описавъ фантастическую кривую, кончило утвержденіемъ, что «*жизнь—благо*». (Послѣдняя глава *Пути жизни*).

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить, *что* въ человѣкѣ рѣшаетъ, *что* имъ управляетъ. Огромный запасъ живыхъ силъ, скрытыхъ въ Толстомъ, требовалъ не отрицанія жизни, а ея настойчиваго, упрямаго подтвержденія. Богатство это обнаружилось, какъ въ его

художественномъ творчествѣ, такъ и въ личныхъ переживаніяхъ, носившихъ отпечатокъ полноты силъ и страстности.

Этотъ «живой запасъ» удержалъ его отъ самоубійства *). Онъ же образовалъ главное ядро его ученія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, оглянемся на его далекое прошлое.

Крѣпостное право, эта язва тогдашней жизни, не омрачила душу маленькаго Толстого тяжелыми впечатлѣніями: только послѣ смерти отца онъ впервые узналъ, что тѣлесныя наказанія примѣнялись и у нихъ. Изъ крѣпостной обстановки, въ которой протекало дѣтство Толстого, онъ вынесъ самыя свѣтлыя впечатлѣнія: крѣпостной строй ассоціпровался у него съ дорогими сердцу лицами, съ воспоминаніемъ о цѣломъ рядѣ трогательныхъ, поэтическихъ моментовъ. Вотъ причина, почему крѣпостничество не возмущало его такъ непосредственно, какъ многихъ передовыхъ людей его эпохи.

Другое дѣло—насиліе. Тутъ было нѣчто, пережитое на собственной шкурѣ. «Я испыталъ,—говоритъ Толстой, вспоминая, какъ гувернеръ угрожалъ ему розгой,—ужасное чувство негодованія и возмущенія и отвращенія не только къ Thomas, но и къ тому насилію, которое онъ хотѣлъ употребить надо мной. Едва ли этотъ случай не былъ причиной того ужаса и отвращенія передъ всякаго рода насиліемъ, которое я испытываю всю жизнь». Нигдѣ, кажется, не практиковались съ такой легкостью и безотвѣтственностью всевозможныя насилія, какъ надъ крѣпостными, однако мы не встрѣчаемъ у Толстого такихъ негодующихъ тирадъ противъ крѣпостного гнета. А вѣдь онъ былъ очень чувствительнымъ и совѣстливымъ ребенкомъ: онъ жалѣетъ до слезъ даже лошадь, которую стегалъ, цѣлуетъ ее, кается, проситъ прощенія. *(Изъ воспоминаній Л. Н.)*. Если бы онъ хоть разъ увидалъ, какъ «стегаютъ» крѣпостныхъ людей, мы, несомнѣнно, услышали бы его негодующій голосъ.

Съ новой силой вспыхнула въ немъ ненависть къ насилію, когда онъ увидалъ въ Парижѣ въ 1857 году смертную

---

*) «Мнѣ такъ необходимо было тогда вѣрить, чтобы жить, что я безсознательно скрывалъ отъ себя противорѣчія и неясности вѣроученія.» (*И. въ.*) Позже онъ увидалъ неясности, вскрылъ противорѣчія и тотчасъ замѣнилъ ихъ новыми, на которыя безсознательно закрывалъ глаза, такъ какъ попрежнему «необходимо было вѣрить, чтобы жить».

казнь: «Я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ—что никакія теоріи разумности существующаго не могутъ оправдать этого поступка. Судья тому, что хорошо и что дурно,—не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я съ своимъ сердцемъ». *(Исповѣдь)*. Позже, когда казнили Шибунина, котораго онъ тщетно защищалъ на судѣ, въ Толстомъ, какъ мы видѣли, окончательно созрѣлъ страстный протестъ противъ насилія и всѣхъ теорій, допускающихъ его. Такимъ образомъ, ученіе о непротивленіи, этотъ главный нервъ его этики, зародилось у него въ нѣдрахъ подсознательнаго.

Оттуда же его любовь любви, «духовное наслажденіе любовью», привитое ему съ младенчества тетенькой Татьяной Александровной, которая, по словамъ Толстого, всѣмъ существомъ «заражала» его любовью и имѣла «самое большое вліяніе» на его жизнь. Да и помимо тетеньки, вся атмосфера, окружавшая маленькаго Левочку, была насыщена нѣжными заботами, ласками. Онъ упивается любовью, купается въ любви. И всѣ кругомъ любили другъ друга, были хорошими и счастливыми: «не только моя мать, но и всѣ окружавшія мое дѣтство лица отъ отца до кучеровъ представляются мнѣ исключительно хорошими людьми». *(Изъ воспоминаній Л. Н. Толстого о себѣ)*. Не здѣсь ли скрыты зародыши его позднѣйшей упорной вѣры въ свѣтлую природу человѣка?

Все его дѣтство соткано изъ ласковыхъ движеній души, уваженія, восхищенія, трогательныхъ моментовъ. Онъ часто «заливался слезами»—не отъ горя, а отъ умиленія. Самыя игры, напр., игра въ «муравейныхъ» братьевъ, были пронизаны этой «духовной любовью», чѣмъ-то возвышеннымъ, идейнымъ. И этотъ идеалъ всеобщей братской любви, волновавшій его въ первые годы жизни, вмѣстѣ съ вѣрой въ спасительную «зеленую палочку», сохранились, по собственному признанію Толстого, въ его душѣ навсегда.

Да, онъ тогда еще, на зарѣ жизни, воспринялъ безсознательно многое, что впослѣдствіи старался примирить съ разумнымъ сознаніемъ. Кажется, что можетъ быть нестерпимѣе для разумнаго сознанія, чѣмъ какой-нибудь юродивый, «блаженный»? А вотъ Толстой питалъ къ нимъ слабость. И все потому, что его въ раннемъ дѣтствѣ поразилъ религіозный экстазъ Гриши *(Дѣтство и отрочество)*:

съ тѣхъ поръ онъ привыкъ уважать юродивыхъ и «безсознательно понимать высоту ихъ подвига».

Этими же ранними впечатлѣніями объясняется въ значительной степени и его взглядъ на физическій трудъ вообще и на крестьянскій въ частности. Если бы онъ видѣлъ съ дѣтства, какъ морятъ мужиковъ и бабъ на барщинѣ, едва ли крестьянская страда показалась бы ему такой заманчивой, какой она представлялась, напримѣръ, Левину. Быть можетъ, Толстой не писалъ бы тогда такихъ панегириковъ ручному труду, не называлъ бы его «однимъ изъ неизбѣжныхъ условій истиннаго счастья» *(О ручномъ трудѣ)*, не былъ бы такъ увѣренъ, что «дворникъ съ удовольствіемъ расчищаетъ снѣгъ» *(Въ чемъ моя вѣра)*, не завидовалъ бы, въ лицѣ Левина, «этой трудовой, чистой и общей, прелестной жизни». *(Анна Каренина)*.

Есть рядъ случаевъ, гдѣ Толстой самъ устанавливаетъ связь между своими ранними и позднѣйшими переживаніями. Къ такимъ случаямъ относится, напримѣръ, смерть отца, пережитая имъ въ дѣтствѣ. По словамъ Л. Н., смерть эта въ первый разъ вызвала въ немъ «чувство религіознаго ужаса передъ вопросами жизни и смерти». *(П. Бирюковъ. Біографія)*. Впослѣдствіи онъ пережилъ съ еще большей силой смерть брата, но быть можетъ, въ этомъ дѣтскомъ впечатлѣніи *первой* смерти уже залегло безсознательно все, что потомъ раскрывалось для Толстого въ связи съ вопросомъ о смерти; быть можетъ, это впечатлѣніе, омрачившее его дѣтство, отбросило отъ себя такую огромную тѣнь, что онъ долго-долго не могъ выдти изъ нея—даже тогда, когда пересталъ уже думать объ отцѣ.

Неоднократно вспоминаетъ Толстой и о своей религіозности въ дѣтствѣ. Любовь къ матери связывалась у него съ любовью къ Богу. Мальчикъ горячо молится, кается, переживаетъ минуты религіознаго экстаза; позже проявляетъ склонность къ подвижничеству, аскетизму. Вообще, онъ, по его собственному показанію, «былъ искренне религіозенъ, потомъ утратилъ вѣру».

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ религіозность его, повидимому, не была глубокой, сердечной, иначе заявленіе Володеньки М., что никакого Бога нѣтъ, смутило бы, хоть немного, его дѣтскую душу; но съ нимъ ничего подобнаго не произошло. Вѣра его была навѣянной

пзвнѣ и выражалась, преимущественно, въ сознаніи, что слѣдуетъ добросовѣстно выполнять должное, соблюдать какой-то нравственно-религіозный порядокъ.

Моральное чувство пробуждается въ немъ необычайно рано. Когда онъ, еще младенцемъ, увидалъ, какъ учитель Ѳедоръ Ивановичъ прыгаетъ въ хороводѣ женщинъ, онъ почувствовалъ, что это «нехорошо, развратно» и принялся плакать. Пяти лѣтъ онъ испыталъ впервые чувство долга или чувство креста, «который призванъ нести каждый человѣкъ». *(Первыя воспоминанія)*.

Начиная съ отроческихъ лѣтъ, его не покидаетъ упорное стремленіе къ идеалу, самосовершенствованію, къ правильной, чистой жизни, безъ малѣйшихъ слабостей, уклоненій. Характерно при этомъ его пристрастіе къ ясности, точности, дѣловитости: надо все записать аккуратно на бумажкѣ и пунктуально выполнить, надо немедленно переходить отъ добрыхъ намѣреній къ практикѣ, «скорѣй, скорѣй, сію же минуту сдѣлаться другимъ человѣкомъ и начать жить иначе». *(Юность)*. Такъ и впослѣдствіи, когда онъ вчитывался въ евангельскія «правила», на него нападала «радостная увѣренность, что я могу сейчасъ, съ этого часа сдѣлать все это». *(Въ чемъ моя вѣра)*.

Въ юности онъ страстно мечтаетъ сначала исправиться самому, потомъ исправлять все человѣчество, уничтожить всѣ людскіе пороки и несчастія. Толстому-юношѣ кажется это такой «удобоисполнимой вещью»: стоитъ только серьезно захотѣть. Толстой-старецъ уже не такъ наивенъ, но въ сущности, чѣмъ отличается его «сознательная, разумная вѣра» отъ юношескихъ мечтательныхъ стремленій? Мы знаемъ, что онъ до конца дней сохранилъ эту молодую вѣру, сыгравшую такую рѣшающую роль въ характерѣ и направленіи его духовной жизни. «Восторженное обожаніе идеала добродѣтели», одушевлявшее юнаго Толстого, одушевляло его и подъ старость. Это «обожаніе», которому предавались Иртеньевъ съ Нехлюдовымъ,—одна изъ характерныхъ чертъ людей 40-хъ годовъ. Салтыковъ называлъ его иронически «прекраснодушіемъ», Достоевскій тоже имѣлъ въ виду эту черту, когда говорилъ, что можно любить весь міръ и не быть въ состояніи ужиться, хоть день только, съ кѣмъ-нибудь въ одной комнатѣ..

Я указалъ нѣсколько точекъ, связывающихъ внутренне

молодого Толстого съ позднѣйшимъ; эту связь чувствовалъ непосредственно самъ Л. Н. Но можетъ быть, и другія его симпатіи, антипатіи, убѣжденія и предубѣжденія зародились въ немъ давно, давно, когда еще не могло быть и рѣчи о зрѣло продуманномъ, разумно обоснованномъ философскомъ взглядѣ на жизнь?

«Смотри на общество женщинъ, какъ на необходимую непріятность жизни общественной, и, сколько можно, удаляйся отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ: отъ кого получаемъ мы сластолюбіе, изнѣженность, легкомысліе во всемъ и множество другихъ пороковъ, какъ не отъ женщинъ?»

Кто писалъ это? Авторъ «Крейцеровой сонаты»? Нѣтъ, такъ пишетъ въ своемъ дневникѣ 19-тилѣтній юноша. Онъ жаждетъ быть идеально чистымъ, сильнымъ, совершеннымъ. Страстный по натурѣ, рвется къ наслажденіямъ, но прикоснувшись къ нимъ, чувствуетъ себя запачканнымъ, падшимъ, гадливо оглядывается на эту обольстительную и предательскую реальную жизнь, спѣшитъ очистить себя отъ грязи. Хочетъ, во что бы то ни стало, быть «неприкосновеннымъ»: малѣйшая пылинка, попавшая на него, приводитъ въ содроганіе и ужасъ. Юные годы его сотканы изъ головокружительной смѣны одного Толстого другимъ: «періодъ аскетизма, а потомъ кутежей, охоты, картъ, цыганъ». *(П. Бирюковъ. Біографія)*.

Чѣмъ безудержнѣе погружается онъ въ «жизнь», тѣмъ острѣе въ немъ омерзѣніе къ ней. Чѣмъ сильнѣй бушуютъ въ немъ страсти, тѣмъ благоговѣйнѣе преклоняется онъ передъ цѣломудренной чистотой, хотя бы она была чисто физической и случайной. Надо имѣть въ виду эту черту, чтобы понять автора *Анны Карениной* и *Крейцеровой сонаты*.

Какъ для Левина всѣ падшія женщины—«гадины», такъ для Толстого всѣ любовныя связи—«прелюбодѣянія». Анна можетъ быть умнѣе, добрѣе, одареннѣе, чѣмъ Кити, но Кити все же выше ея, потому что она чище. Такъ же и Левинъ: «Хотя многіе изъ тѣхъ плановъ, съ которыми онъ вернулся въ деревню, и не были имъ исполнены, однако самое главное—чистота жизни—была соблюдена имъ». А Вронскій, что бы онъ ни дѣлалъ, каковъ бы ни былъ, все-таки погибшій человѣкъ.

Это инстинктивное отвращеніе ко всему неправильному,

ко всякому «непорядку», эта жажда духовной чистоплотности и особаго рода моральное недотрожество внутренне связаны въ немъ съ потребностью свободнаго самоопредѣленія, внѣ всякой зависимости отъ существующихъ чужихъ взглядовъ, чужихъ оцѣнокъ. Жизнь и люди полны условностей, компромиссовъ: они могутъ только замутить, исказить идеалъ, который долженъ быть начертанъ по неизмѣннымъ, непогрѣшимымъ законамъ чистаго разума. Толстой хочетъ сохранить въ себѣ этотъ чистый разумъ во всей неприкосновенности, старается провести свою идеально прямую линію черезъ спутанную сѣть кривыхъ и ломаныхъ, изъ которыхъ состоитъ дѣйствительность. Кромѣ того, въ немъ сидитъ чувство, что онъ—какой-то особенный, не какъ всѣ, и путь его——тоже особенный, не похожій на проторенные. Ко всему этому примѣшивалось постоянное поползновеніе «сдѣлать что-нибудь необыкновенное и удивить другихъ». Отсюда его склонность къ парадоксамъ, эксцентрическимъ выходкамъ, нетерпимость въ спорахъ, запальчивость и упрямство.

«Я замѣтилъ въ молодомъ Толстомъ невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій», говоритъ Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. А Григоровичъ подхватываетъ: «Какое бы мнѣніе ни высказывалось, и чѣмъ авторитетнѣе казался ему собесѣдникъ, тѣмъ настойчивѣе подзадоривало его высказать противоположное и начать рѣзаться на словахъ... Онъ какъ бы заранѣе обдумывалъ не прямой отвѣтъ, но такое мнѣніе, которое должно было озадачить, сразить своей неожиданностью собесѣдника». «Я всегда противился невольно вліяніямъ извнѣ, эпидемическимъ», говоритъ о себѣ Толстой.

Внѣшне онъ могъ быть запальчиво-самонадѣяннымъ, но внутренне никогда не былъ увѣренъ въ себѣ, что, быть можетъ, и являлось главной причиной его запальчивости и непримиримости. Его вѣчно раздирало недовольство собой: «Я дуренъ собой, неловокъ, нечистоплотенъ и свѣтски необразованъ»,—пишетъ онъ въ *дневникѣ* 1853 г.—«Я раздражителенъ, скученъ для другихъ, нетерпимъ и стыдливъ, какъ ребенокъ. Я почти невѣжда. Я невоздержанъ, нерѣшителенъ, непостояненъ, глупо тщеславенъ и пылокъ, какъ всѣ безхарактерные люди» и т. д. Такъ не думаютъ о себѣ самодовольные, самовлюбленные. Онъ охотно ули-

чаетъ себя во всевозможныхъ недостаткахъ, и вообще, онъ постоянно подверженъ пароксизмамъ смиренія, раскаянія, самобиченванія: Толстой чуть не съ отрочества какъ бы приготовляется къ «*Исповѣди*».

Лично я былъ не разъ свидѣтелемъ того, какъ проявлялась въ немъ эта давнишняя черта: начать съ запальчивости и кончить смиреніемъ, покаяніемъ. Выскажетъ, бывало, о комъ-нибудь уничтожающее сужденіе, потомъ спохватится, начнетъ защищать обиженнаго и бичевать себя. Такъ случалось съ нимъ и позже,—напр., въ дѣлѣ Луизы Тоскапской: сначала онъ клеймитъ ее, затѣмъ горько сожалѣетъ, что «такъ необдуманно высказался», и публично кается въ жестокихъ и нехристіанскихъ сужденіяхъ о несчастной женщинѣ. *(Четыре письма о Луизѣ Тоскапской)*.

Толстой остался тѣмъ же, чѣмъ и раньше былъ, не только въ своихъ характерныхъ чертахъ и особенностяхъ, но и въ своихъ оцѣнкахъ общепринятыхъ цѣнностей. Мы видимъ это по его художественнымъ произведеніямъ, дневникамъ и письмамъ. Уже въ *Люцернѣ* проскальзываетъ пренебрежительное отношеніе къ прессѣ, исторіи, цивилизаціи; медицина и доктора осмѣиваются чуть не во всѣхъ повѣстяхъ, начиная съ *Поликушки;* конституція, парламенты, новые суды, земство съ его школами и больницами, выборы, засѣданія, почти всѣ формы общественной дѣятельности—встрѣчаютъ съ его стороны равнодушіе или вражду: «Я слушалъ рѣчи въ англійскомъ парламентѣ,—пишетъ онъ въ 1876 г. *Фету*,—и мнѣ скучно и ничтожно было; но что тамъ—мухи, нечистоты, мужики, башкирцы, а я съ напряженнымъ уваженіемъ, страхомъ вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно». Къ отрицанію земельной собственности онъ пришелъ еще въ 60-хъ годахъ. *(Записная книжка)*. Что касается его отношенія къ поэзіи, наукѣ, университету, оно сказалось еще раньше. Товарищъ Л. Н. по казанскому университету, Назарьевъ, вспоминаетъ, какъ юноша-Толстой смутилъ его своими насмѣшками надъ *Демономъ* Лермонтова и стихами вообще, надъ исторіей Карамзина и всякой исторіей («скучный и безполезный предметъ»), надъ университетомъ и университетскими науками. Сравнивая статью Л. Толстого *Недѣланіе*, его письмо *Къ студенту о правѣ* и рядъ другихъ нападокъ на науку,

мы видимъ, что яснополянскій мудрецъ повторяетъ слова казанскаго студента, Л. Н. Толстого.

Эти данныя изъ біографіи Л. Толстого показываютъ, какъ охотно вноситъ сознаніе на скрижали своихъ заповѣдей то, что пережито *всѣмъ существомъ*, главнымъ образомъ—въ дѣтствѣ и юности. Впечатлѣнія дѣтства, въ особенности не случайныя, а длительныя, прорѣзываютъ такія глубокія борозды въ душевной почвѣ, что потомъ уже ничто не въ состояніи стереть ихъ; они могутъ исчезнуть изъ сознательной памяти, но въ подсознательномъ останутся навѣки какъ глубоко скрытыя, не дѣйствующія силы. Трудно рѣшить, даютъ ли себя знать тутъ впервые врожденныя черты, или начинаютъ организовать душу неотразимо сильныя дѣтскія впечатлѣнія, но мнѣ извѣстны изъ собственнаго внутренняго опыта моменты такихъ раннихъ переживаній: ничтожное на видъ обстоятельство вдругъ, какъ искра, попавшая въ порохъ, вызвало страшный взрывъ чувства, оставившій послѣ себя неизгладимый слѣдъ. Оглядываясь назадъ, видишь эту трещину, образовавшуюся въ душѣ при взрывѣ: она тянется черезъ всю жизнь, и когда переживаешь потомъ, хоть въ слабой степени, впечатлѣніе, подобное первому, оно входитъ въ тебя не какъ отдѣльная точка, а какъ линія, мгновенно соединяющая всѣ безчисленныя точки. Мнѣ думается, каждый, заглянувъ повнимательнѣе въ глубину своей души, разсмотритъ тамъ такія борозды, первоначальной причины которыхъ даже не припомнишь...

Можно сказать съ увѣренностью, что дѣтство даетъ основной тонъ всей послѣдующей жизни. Какъ бы ни была «спѣта пѣсенка жизни», въ ней все будетъ звучать, то усиливаясь, то замирая, доминирующая нота, пропѣтая дѣтствомъ. Атмосфера дѣтства и отрочества съ лѣтами разрѣжается, но человѣкъ долго еще дышитъ ею, самъ не замѣчая..

Рано пробудившійся и никогда не покидавшій Толстого интересъ къ человѣческой душѣ, къ ея моральнымъ движеніямъ, и чуткость къ природѣ, музыкѣ, поэзіи, и горячій протестъ противъ всякихъ перегородокъ, разъединяющихъ людей-братьевъ,—все выросло у него изъ глубокой душевной подпочвы. Оттуда же его фатальная двойственность, толкнувшая его къ грубому дуализму,

къ признанію въ человѣкѣ двухъ началъ и двухъ разумовъ. Оттуда же его нетерпимость и непримиримость, и обожаніе «разума», и преклоненіе передъ неразумной вѣрой искренне вѣрующихъ... вплоть до фанатизма скопцовъ.

И наоборотъ: все то, чего не хватаетъ въ сердцевинѣ чувствующаго «*я*», что не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ его подсознательномъ, остается за скобками формулъ. Нужда, принудительный трудъ, зависимость, лишеніе свободы, переживанія униженныхъ и оскорбленныхъ, вереница больныхъ настроеній, характерныхъ для русской интеллигенціи, все это какъ будто не предусматривается серьезно его моральнымъ кодексомъ.

По справедливому замѣчанію Громеки, все прошедшее Л. Н. было «подготовкой» къ перевороту и послѣдующему жизнепониманію. И самъ Толстой сознаетъ это, но, будучи воплощеннымъ противорѣчіемъ, повертывается спиной къ этому прошлому и тому свойственному художнику «прочному безсознательному знанію», о которомъ говоритъ В. Вересаевъ въ своей книгѣ: ужъ слишкомъ презираетъ онъ все «неразумное»! Въ письмѣ къ П. И. Бирюкову (отъ 1885 г.) онъ совѣтуетъ вѣрить «разсудку и непреложнымъ законамъ его логики»... «повиноваться только этому разумному голосу: всякій другой путь есть дѣтская мечта».

Ему необходимо и для своей новой вѣры найти непремѣнно раціоналистическое основаніе, и вотъ начинается нескончаемое балансированіе между знаніемъ и вѣрой, разсудкомъ и интуиціей. Тяжело смотрѣть на безнадежныя усилія, съ какими онъ пытается регламентировать то, что завѣдомо не поддается регламентаціи, заковать въ математически опредѣленныя формулы живую, свободную истину, не терпящую никакихъ колодокъ. Самъ провозглашаетъ въ *Исповѣди*, что вернулся во всемъ «къ самому дѣтскому... къ вѣрѣ въ Бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передававшее смыслъ жизни»,— и самъ же силится втиснуть это безсознательное дѣтское въ скорлупу разсудочныхъ догмъ.

И снова встаетъ передъ нами загадка: какъ могъ Толстой промѣнять живыя силы на безжизненныя схемы, зерно—на скорлупу? Это, быть можетъ, покажется намъ менѣе неожиданнымъ, если имѣть въ виду одну его особенность: онъ всегда требовалъ отъ истины, чтобы она была

наглядна, какъ геометрическій чертежъ. Въ погонѣ за такой истиной, онъ принужденъ былъ, сознательно или безсознательно, упростить, насколько возможно, самый разумъ и такимъ образомъ низвести его незамѣтно на степень разсудка... Прибавьте къ этому необузданную разсудочность, которою онъ страдалъ еще въ отрочествѣ, когда мысль, оторванная отъ всего реальнаго, вращалась до изнуренія въ пустомъ мѣстѣ. Это—то, что самъ Толстой называетъ «излишней воспріимчивостью къ анализу» и «склонностью къ мудрствованію».

«Страданіе... есть сознаніе противорѣчія между грѣховностью своей и всего міра и не только возможностью, но обязанностью осуществленія не кѣмъ-нибудь, а мной самимъ всей истины въ жизни своей и всего міра». Это пишетъ Л. Толстой въ трактатѣ *О жизни*, изобилующемъ такими формально-схоластическими разсужденіями, а я, при чтеніи ихъ, вспоминаю, какъ Николенька Иртеньевъ простаивалъ часами у окна и размышлялъ: «Я думаю, что я думаю... А теперь о чемъ я думаю?»

Но хоть въ Толстомъ и были всегда задатки его позднѣйшихъ отвлеченностей, минующихъ жизнь, тѣмъ не менѣе его личность, какъ мы привыкли представлять ее, совершенно не вяжется съ догматически-топорнымъ характеромъ ученія. Такъ и чудится, будто могучая, полноводная рѣка вдругъ избрала своимъ русломъ узенькую канавку. Изучаешь эту рѣку на всемъ ея протяженіи, отъ истоковъ до устья, и все же остается въ ней много неразгаданнаго...

VIII

ТОЛСТОЙ И ТОЛСТОВЕЦЪ.

Разумъ есть сознаваемый человѣкомъ законъ, по которому должна совершаться его жизнь... Въ исполненіи этого закона, въ подчиненіи своего животнаго закону разума, для достиженія блага, и состоитъ наша жизнь.

— Но это не жизнь,—отвѣчаетъ возмущенное заблудшее человѣческое сознаніе: это—отреченіе отъ жизни, самоубійство.

— Ничего этого не знаю,—отвѣчаетъ разумное сознаніе,—знаю, что такова жизнь человѣка, и другой нѣтъ и быть не можетъ. (О жизни).

— Если человѣкъ признаетъ нѣчто, передъ чѣмъ онъ преклоняется, чувствуетъ свое ничтожество, то у него есть религія; но если человѣкъ самъ выдумаетъ себѣ догматъ и начинаетъ передъ нимъ благоговѣть, то это не религія, а пустяки. (Л. Толстой: Записки Н. Н. Гусева).

Въ своей статьѣ: «*Мое личное знакомство съ Л. Н. Толстымъ*», написанной еще при жизни его, я отмѣтилъ, на основаніи собственныхъ впечатлѣній, одинъ поразившій меня психологическій фактъ: въ Л. Н. какъ будто сидѣли рядомъ и Толстой, и толстовецъ. Теперь, оглядываясь на прошлое, я вижу это съ особенной отчетливостью; Толстой еще рѣзче отдѣляется въ моихъ глазахъ отъ толстовца, хотя они по прежнему соединены въ одномъ лицѣ, переслоены другъ другомъ.

Это—не рѣдкое явленіе въ исторіи человѣческаго духа. Увѣруетъ ученый или мыслитель въ свою гипотезу—и уже не видитъ фактовъ, противорѣчащихъ ей. Навязчивая гипотеза измѣняетъ, какъ по волшебству, весь міръ

въ его глазахъ. Заблужденіе какъ бы кристаллизуется въ душѣ; все содѣйствуетъ процессу кристаллизаціи, даже факты, способные при другихъ условіяхъ опровергнуть мнимую истину. Послѣдняя становится въ человѣкѣ какимъ-то живымъ, самостоятельнымъ существомъ: она за него хочетъ, думаетъ, распоряжается.

Если такого рода самогипнозъ и гипнозъ имѣютъ мѣсто въ точныхъ наукахъ, то тѣмъ сильнѣе сказываются они въ области религіи, морали, метафизики, гдѣ чувство и воображеніе играютъ несравненно болѣе видную роль. Трудно вдругъ увѣриться и увѣрить другихъ, что дважды два равно пяти, но гораздо легче увѣровать, напримѣръ, въ дьявола, наглядно видѣть его, изучить до мельчайшихъ подробностей, или почувствовать всѣ ужасы ада, съ его смолой, демонами, пытками... Творцы религій, сектъ, ересей отличались именно этой способностью увѣровать внезапно и непоколебимо въ гипотезу, какъ въ реальный, осязательный фактъ, исходить во всемъ изъ нея, и только изъ нея, и возвращаться къ ней же. Это—то, что называютъ «одержимостью», т.-е. силой, передъ которой стушевываются всѣ доводы разума.

Толстой подвергся именно такой одержимости. Онъ всегда былъ склоненъ къ ней, всю жизнь переживалъ полосы крайнихъ увлеченій, изъ-за которыхъ въ это время уже ничего другого не хотѣлъ видѣть. Какъ за границей онъ вдругъ увѣрился и увѣрялъ всѣхъ, что деревянные сабо—самая лучшая обувь, какъ Левинъ, услыхавъ, что Ѳоканычъ живетъ «для души», «для Бога», почувствовалъ вдругъ «озареніе», такъ позже Л. Толстой увѣровалъ внезапно и несокрушимо въ абсолютную истину «формулы непротивленія». Онъ преклонился передъ этой формулой, какъ дикарь преклоняется передъ божкомъ собственнаго издѣлія, и съ этого момента началось превращеніе Толстого въ толстовца.

Первымъ толстовцемъ былъ самъ Л. Толстой, какъ первымъ магометаниномъ былъ самъ Магометъ. Священная формула сдѣлалась отнынѣ его идоломъ. Какъ монахъ, давшій обѣтъ послушанія, онъ отказывается отъ собственнаго разума и воли. Онъ продолжаетъ утверждать, что послѣднее слово принадлежитъ разумному сознанію, но самъ безсознательно, не замѣчая противорѣчія, спраши-

ваетъ себя только объ одномъ: къ чему обязываетъ его непреложная формула? Разумъ становится рабомъ собственныхъ заповѣдей, Толстой—рабомъ толстовства...

Онъ возстаетъ противъ мнѣнія, будто «человѣку послѣ Христа не нужно уже разумомъ освѣщать свою жизнь» (*Въ чемъ моя вѣра*)—и тутъ же замѣняетъ требованія разума евангельскими текстами. Вся дѣятельность его свободнаго разума сводится на время къ тому, что онъ кропотливо сличаетъ тексты, слѣдитъ за оттѣнками ихъ переводовъ. Онъ какъ будто заранѣе рѣшилъ, что они заключаютъ въ себѣ непогрѣшимую истину. Такъ рѣшать имѣетъ право лишь тотъ, для кого Христосъ есть Богъ, а евангеліе—книга, продиктованная Духомъ Святымъ; но Толстой не признавалъ ни того, ни другого, ссылаясь въ то же время на евангеліе, какъ на высшій авторитетъ, совершенно независимый отъ времени, пространства, исторической обстановки.

Это было бы психологически невозможно, если бы Толстой не подчинилъ своего свободнаго, «критическаго» (какъ онъ самъ выражается) разума предвзятымъ моральнымъ схемамъ.

«Я хочу понять такъ, чтобы всякое необъяснимое положеніе представлялось мнѣ, какъ необходимость разума же, а не какъ обязательство повѣрить», говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей *Исповѣди* Л. Толстой, совершенно не замѣчая, что толстовецъ уже увѣровалъ въ схему прежде, чѣмъ началъ искать, изслѣдовать, что онъ уже закрѣпилъ ее формальными соображеніями, которыя тѣмъ больше несомнѣнны, чѣмъ больше формальны, что онъ уже вошелъ во вкусъ всѣхъ этихъ абстрактныхъ «А=А». Онъ повѣрилъ не Христу, не евангелію (иначе зачѣмъ понадобилось бы ему изучать греческій и еврейскій языки и производить упорную лингвистическую работу?) и не древнимъ мудрецамъ—Конфуцію, Буддѣ, Соломону (иначе бы онъ не передѣлалъ ихъ на свой ладъ): нѣтъ, онъ увѣровалъ въ свои схемы, къ которымъ сталъ подгонять и Христа, и древнихъ мудрецовъ. Ради этихъ схемъ, онъ кладетъ свободную мысль въ Прокрустово ложе и превращаетъ живыя душевныя движенія въ математическія линіи. Имъ же въ угоду, Толстой, врагъ всякихъ авторитетовъ и кумировъ, принимается воздвигать идоловъ, хотя не перестаетъ упорно отстаивать свободу разума.

Съ первымъ идоломъ мы уже знакомы. Имя ему: непротивленіе. Разумъ говоритъ: «я ничего не имѣю противъ непротивленія, но предоставьте мнѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разсудить, умѣстно ли, возможно ли оно здѣсь? Если рѣшающій голосъ принадлежитъ мнѣ, какъ вы утверждаете, то не заставляйте меня подчиняться слѣпо догмѣ». Но толстовецъ и слышать не хочетъ: аксіома не допускаетъ исключеній!

А вотъ другой идолъ: долгъ. «Дѣлай, что должно, и пусть будетъ что будетъ». При этомъ не требуется никакихъ усилій разума, чтобы установить должное: нѣтъ надобности вдумываться, изучать, напрягаться, ибо «то, что каждый изъ насъ долженъ знать, каждый, несомнѣнно, знаетъ» (*О непротивленіи*). Пусть разумъ провѣряетъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ придти къ тому же идолу; если же разумъ усомнится,—значитъ, это, просто,—испорченный, ложный, мірской разумъ. «Особенный умъ и дарованія нужны бываютъ не для познанія и изложенія истины, а для придумыванія и изложенія лжи».

Третій идолъ это—«общедоступность». «Несомнѣнно, хорошо лишь то, что всѣмъ доступно», пишетъ онъ въ дневникѣ 1896 г., забывая при этомъ, что его новое пониманіе добра, правильное, хорошее (иначе онъ не сталъ бы проповѣдовать его), не только не доступно большинству, но и для него самого стало доступнымъ лишь послѣ долгихъ усилій и исканій. Всю жизнь Толстой былъ убѣжденъ, и не безъ основанія, что истина бываетъ обыкновенно не на сторонѣ большинства, что «Царствіе Божіе достигается усиліемъ» и что врата, ведущія въ него, тѣсны. Почему же теперь «общедоступность» стала однимъ изъ критеріевъ истины, добра, красоты? И разумныя соображенія, и исторія, и факты современной дѣйствительности—все вопіетъ противъ этого, но Толстой обязанъ думать такъ, ибо такъ повелѣваетъ формула. Девятая симфонія Бетховена есть дурное искусство, потому что ея не пойметъ и не оцѣнитъ простой русскій крестьянинъ. Но вѣдь онъ не пойметъ и Будду, и Шопенгауера, и Паскаля, и Аміеля или пойметъ далеко не такъ, какъ понимаетъ Толстой. А ужъ евангеліе-то онъ, разумѣется, воспринимаетъ не по-толстовски. Наконецъ, пойметъ ли, оцѣнитъ ли французскій, нѣмецкій, японскій крестьянинъ русскую народную пѣсню—и на-

оборотъ? А вѣдь тутъ ужъ, кажется, сама «общедоступность».

За нею видиѣется другой кумиръ, не менѣе священный:— «простота». Сама по себѣ, простота представляетъ драгоцѣнное качество, и мы понимаемъ, почему оно всегда плѣняло Л. Толстого; но въ качествѣ идола, она утрачиваетъ всякое реальное содержаніе, становится «простотой ради простоты», пустой формальностью, въ жертву которой приносится плоть и кровь истины.

Такимъ же идолопоклонствомъ вѣетъ отъ абсолютныхъ предписаній единобрачія («человѣкъ обязанъ жить парами»), цѣломудрія, физическаго труда и проч. Во всемъ этомъ опять-таки можетъ быть много правды, но такъ какъ она въ данномъ случаѣ сваливается на насъ съ неба, то разуму естественно поинтересоваться: «Да почему же однако? Вѣдь вы, Л. Н., сами постоянно апеллируете къ разумному сознанію, сами не хотите, чтобы истина сваливалась съ неба»...

Отреченіе отъ разума мстить за себя на каждомъ шагу, и Л. Толстой принужденъ вносить безчисленныя поправки къ догматическимъ утвержденіямъ толстовца. Онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы высказаться противъ педантизма, указать толстовцу на сложность жизни, особенно—духовной, напомнить ему, что «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка» .Къ сожалѣнію, онъ дѣлалъ это преимущественно въ частныхъ бесѣдахъ, въ живомъ разговорѣ, а въ своихъ религіозно-философскихъ трудахъ считалъ нужнымъ появляться во всеоружіи догматическаго толстовства. Тамъ онъ, восхваляя свободный разумъ, то и дѣло, незамѣтно для себя самого, гладитъ по головкѣ такъ называемый здравый разсудокъ, который на всѣ коренные вопросы жизни и смерти можетъ, въ сущности, дать только одинъ отвѣтъ: «Не знаю... да и знать не хочу». Вотъ, почему особенную цѣнность имѣютъ мемуары лицъ, жившихъ съ Толстымъ, записывавшихъ каждое его слово, наблюдавшихъ *живого* Льва Николаевича въ тѣ моменты, когда онъ еще не успѣвалъ процѣдить себя сквозь ситочку своего ученія и превратиться въ толстовца.

Но о Л. Н. Толстомъ я буду говорить ниже, а теперь передъ нами символъ вѣры толстовства. Пускай *теорія* тол-

стовства полна чисто формальныхъ утвержденій, внутреннихъ противорѣчій и заколдованныхъ круговъ; но если мораль, вопреки этому, все-таки даетъ на практикѣ нѣчто цѣнное, мы должны, по совѣту Сэндерлэнда, собирать «съ радостной признательностью богатыя сокровища». Быть можетъ, Толстому не удалось воздвигнуть величаваго храма всемірной истины и религіи, но зато онъ построилъ прочное, надежное жилое помѣщеніе? Это развѣ не цѣнно, не важно?

IX.

ПУСТЫРЬ.

Отступленіе отъ истины никогда не бываетъ невинно и влечетъ за собой свои послѣдствія, и тѣмъ болѣе значительныя, чѣмъ значительнѣе тотъ предметъ, о которомъ говорится неправда. Здѣсь же предметъ, о которомъ говорится неправда, есть вся человѣческая жизнь. (*Въ чемъ моя вѣра*).

Не бойся откидывать отъ своей вѣры все лишнее, тѣлесное, видимое, осязаемое, а также и все смутное, неясное: чѣмъ больше ты очистишь духовное ядро, тѣмъ яснѣе узнаешь истинный законъ жизни. (*Путь жизни*).

Сознанный трудъ, муравьиная гордость своимъ трудомъ дѣлаетъ не только муравья, но и человѣка жестокимъ. Величайшіе злодѣи человѣчества всегда были особенно заняты и озабочены, ни на минуту не оставаясь сами собой безъ занятій или увеселеній. (*Недѣланіе*).

Толстой произвелъ безпощадную моральную оцѣнку современной дѣйствительности: религіи, науки, искусства, общественной жизни, общепринятыхъ понятій; характеристика привиллегированныхъ классовъ, нарисованная имъ картина нравовъ, критика суевѣрій, условностей и всякихъ лжей—пронеслись по всему міру, какъ раскаты грома. Сдѣлано это было такъ сильно, страстно и, въ общемъ, правдиво, что критическая часть его проповѣди произвела на многихъ неотразимое впечатлѣніе.

Сметая съ лица земли чуть не все, построенное до него, какъ гнилое и вредное, онъ очищалъ мѣсто для созданія новой жизни. Образовался безпредѣльный пустырь,—строй, что хочешь, по собственному творческому плану! И вотъ

онъ приступаетъ къ постройкѣ. Закладываетъ прежде всего фундаментъ, состоящій изъ пяти заповѣдей-запрещеній: «не сердись, не блуди» и д. т. Представьте, что я все это выполнилъ, но продолжаю блуждать по незастроенному пустырю, потому что съ одними «не» нельзя прожить. Тогда архитекторъ присоединяетъ къ своему отрицательному фундаменту еще нѣсколько отрицаній: «не пей вина, не кури, не ѣшь мяса». И это я исполнилъ, не пью, не курю— и снова брожу, какъ потерянный, по своей добродѣтельной пустынѣ. Вѣдь надо же,наконецъ, что-нибудь дѣлать! Но что? Служить? Нельзя: всѣ существующіе виды службы зиждутся на ложномъ пониманіи жизни. Быть врачомъ— значитъ, поддерживать грубое суевѣріе, ибо медицина есть не болѣе, какъ суевѣріе. Быть судьей, слѣдователемъ, адвокатомъ—еще хуже: вѣдь судъ и все, связанное съ нимъ, строго-настрого запрещено заповѣдью. Учить? Но это есть не что иное, какъ «похоть». *(Исповѣдь)*. Заняться умственной дѣятельностью, философіей, наукой? Боже избави! Это—только «соблазнъ праздная умствованія». *(Исповѣдь)*. Ничто такъ не удаляетъ отъ истины, какъ наука: освободись только «отъ слѣпого вѣрованія въ разныя научныя ученія о безконечно малыхъ атомахъ, молекулахъ, о разныхъ безконечно великихъ и безконечно удаленныхъ мірахъ, ихъ движеніяхъ и происхожденіи ихъ, силахъ, отъ слѣпой вѣры въ несомнѣнность разныхъ научныхъ мнимыхъ законовъ, которымъ будто бы подчинено человѣчество,—законовъ историческихъ, экономическихъ, законовъ борьбы и переживанія и. т. п.; освободи себя только отъ этого страшнаго нагроможденія праздныхъ упражненій низшихъ способностей ума и памяти, называемыхъ науками, отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ отдѣловъ разныхъ исторій, антропологій, гомилетикъ, бактеріологій, юриспруденцій, космографій, стратегій, имя же имъ легіонъ,—только освободись люди отъ этого губительнаго, одуряющаго ихъ балласта, и тотъ простой, ясный, доступный всѣмъ и разрѣшающій всѣ вопросы и недоумѣнія законъ любви, который такъ свойствененъ человѣчеству, станетъ самъ собой яснымъ и обязательнымъ». *(Къ индусу)*. Но можетъ быть, позволительно заняться искусствомъ? Это, пожалуй, терпимо, хотя съ большими оговорками: «Вчера переглядѣлъ романы, повѣсти и стихи Фета. Вспомнилъ нашу въ Ясной Полянѣ

неумолкаемую, въ 4 фортепіано, музыку, и такъ ясно стало, что все это—и романы, и стихи, и музыка—не искусство, какъ нѣчто важное и нужное людямъ вообще, а баловство... романы, повѣсти о томъ, какъ пакостно влюбляться, стихи о томъ же или о томъ, какъ томятся отъ скуки. О томъ же и музыка... Стыдно, гадко». Однако можно же, хоть и съ большой опаской, отдаться серьезному, цѣломудренному искусству? Но и тутъ натыкаешься на шлагбаумъ: оказывается, что искусства и не существуетъ вовсе въ смыслѣ «какого-то великаго проявленія человѣческаго духа». Это—лишь «забава, а не важное дѣло, которому можно сознательно посвящать свои силы». При томъ «сколько зла отъ этой важности, приписываемой забавамъ!» (*Изъ дневника* 1896 г.). Во всякомъ случаѣ, жить литературнымъ трудомъ это—«что-то въ родѣ проституціи». *(Записки Н. Н. Гусева)*. Послѣ этого опускаются руки: опять я—въ пустомъ мѣстѣ, опять спрашиваю себя: «что же, наконецъ, дѣлать?» Пахать землю, тачать сапоги, шить одежу? Но, во-первыхъ, все это и безъ того дѣлаютъ милліоны людей, въ силу простой необходимости, а во-вторыхъ, вѣдь это значитъ хлопотать для плоти, столь презираемой Толстымъ. Для духа-то что же остается?.. Общественная, просвѣтительная дѣятельность? Но мы уже видѣли: всякое не идеальное добро и не идеальное просвѣщеніе должны быть отвергнуты, какъ противныя разумному сознанію, и всякая человѣческая дѣятельность, не доведенная до конца, не достигающая *всего*, должна быть признана вредной. Остается уйти въ пустыню, закопаться въ пещеру. Но и на это я не имѣю нравственнаго права: я долженъ жить на міру и служить ближнему, а въ то же время какъ бы не жить и не служить.

Впрочемъ, я могу поступить на желѣзную дорогу: въ этомъ, по словамъ Толстого, «ничего нѣтъ противнаго христіанской совѣсти». *(Записки Гусева)*. Вѣрноподданные Толстого упрекнутъ меня въ желаніи окарикатурить толстовство, но пусть они сойдутъ съ отвлеченныхъ высотъ въ живую дѣйствительность и отвѣтятъ, положа руку на сердце: какое занятіе или предпріятіе не взято ихъ учителемъ подъ подозрѣніе? Онъ косится даже на общины и трудовыя, идейныя колоніи: «всякая форма отдѣляетъ отъ людей,—слѣдовательно, и отъ возможности добрыхъ

дѣлъ и вызыванія въ нихъ любви». *(Община и міръ)*. Подозрительно въ его глазахъ даже само желаніе приносить пользу другимъ, какъ одинъ изъ «вредныхъ соблазновъ». *(В. Ѳ. Булгаковъ: Жизнепониманіе Л. Н. Толстого)*.

Мнѣ скажутъ: «но вѣдь самъ Л.Толстой первый принялся строить по своему плану, первый показалъ примѣръ своимъ послѣдователямъ». Да,—но вотъ тутъ-то и кроется недоразумѣніе, ускользавшее какимъ-то образомъ отъ многихъ. Они видѣли передъ собой, въ лицѣ Л. Н., живой примѣръ осуществленія на дѣлѣ новой истины и разсуждали такъ: «если онъ можетъ, то почему же и намъ?».. Но положеніе Толстого было исключительнымъ: вся его жизнь послѣ переворота уходила на выясненіе и пропаганду завѣтныхъ истинъ, на борьбу за нихъ. Огромное дѣло жизни, требовавшее упорной, систематической работы, безпримѣрно широкое общеніе съ людьми, цѣнившими каждое слово его на вѣсъ золота, безчисленныя нити, связывавшія его съ дѣйствительностью, даже когда онъ не старался объ этомъ,—гдѣ вы еще найдете такую заполненную интересами, богатую впечатлѣніями жизнь? Прибавьте къ этому обезпеченность, полную независимость, свободу отъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, жизнь среди природы—и возьмите, вмѣсто него, обыкновеннаго человѣка, не обезпеченнаго, не свободнаго, не пользующагося извѣстностью. Дѣло, которымъ онъ занимался, потеряло въ его глазахъ, подъ вліяніемъ Толстого, всякое значеніе; интересы, которымъ онъ отдавалъ свои досуги, стали казаться ложными, недостойными разумнаго существа. Какъ должна сложиться его жизнь, если онъ искренне хочетъ быть вѣрнымъ ученію Толстого? Въ его распоряженіи останется только любовное отношеніе къ людямъ, преимущественно къ врагамъ, и любовь эта выразится въ выращиваніи у ближнихъ разумнаго сознанія. Нечего и говорить, что это быстро выдыхается, становится автоматическимъ, скучнымъ, не настоящимъ, и наступаетъ разочарованіе.

Я говорю про то, что мнѣ приходилось много разъ наблюдать и что я знаю изъ собственнаго опыта. Люди жили по ученію Толстого только въ тѣхъ случаяхъ, когда уклонялись въ сторону отъ разумнаго сознанія и, по слабости, отдавали дань ложному пониманію жизни: любили не такъ, какъ предписывается, увлекались не тѣмъ, чѣмъ позволено

увлекаться. Сами не замѣчая, они жили не прямыми линіями математической морали, а тѣми обглодками, что оставилъ въ ихъ распоряженіи всепожирающій разсудокъ.

Особенной тяжестью упали догматы толстовства на тѣхъ искреннихъ, добросовѣстныхъ и наивныхъ послѣдователей, которые приняли заповѣди въ ихъ «прямомъ значеніи» и считали своимъ моральнымъ долгомъ свято выполнять *). У этихъ приверженцевъ, стремившихся къ чистой, праведной жизни, къ подвигамъ самоотреченія, абстракціи толстовства, догматически воспринятыя, убивали прежде всего остатки дѣтскихъ вѣрованій, не замѣняя ихъ другими, потому что разсудокъ не въ сплахъ создать чего-либо живого. Раньше они вѣрили во что-то, хоть и слѣпо,— теперь, по приказу «разумнаго сознанія», они прозрѣли— для того только, чтобы увидѣть на мѣстѣ прежнихъ вѣрованій... торжественную пустоту.

Опустошеніе шло дальше. Продолжая вытравлять изъ сердца жизненные соки, разумное сознаніе, предписывавшее, что надо любить всѣхъ одинаково, обезцѣнивало любовь къ близкимъ, къ своимъ. Въ результатѣ, человѣкъ враговъ не полюбилъ, а къ друзьямъ охладѣлъ. Да и ко многому успѣлъ охладѣть, такъ какъ «затвердѣлый раціоналистическій критерій» (выраженіе *Громеки*) уже подточилъ въ немъ непосредственное чувство. Понизились умственные интересы (вѣдь *ученый* и *глупый*—синонимы для Л. Н.), способность увлекаться, развилось органическое недовѣріе, даже отвращеніе къ жизни, полной неразумія и похотей: половая любовь («любовныя пакости»), бракъ, семья («семья это—плоть», «соединеніе въ семью— это источникъ величайшаго зла»), школа, служба, чуть не все содержаніе обычной жизни, предано анаѳемѣ. Чѣмъ послѣдовательнѣе человѣкъ, тѣмъ тѣснѣе сжимается вкругъ него обручъ разумнаго сознанія. Наконецъ, нечѣмъ жить, нечѣмъ дышать.,,

Тутъ есть два выхода, смотря по индивидуальности. Или человѣкъ въ своемъ стремленіи удалиться отъ животнаго, приближается все больше къ дереву или камню, становится мало-по-малу бездушнымъ резонеромъ, безсо-

---

*) Вѣдь ничто, кажется, такъ не заразительно, какъ твердо увѣренное въ себѣ заблужденіе.

нательнымъ лицемѣромъ, который, ничего не чувствуетъ, но безпрестанно говоритъ о Богѣ, любви, самоотверженіи; или онъ, проклиная разсудочность, силится вернуться къ прежнему, «дѣтскому», снова наполнить свою опустошенную душу неразумнымъ содержаніемъ, безразсудно отброшеннымъ прочь.

Въ этомъ нельзя винить Толстого: онъ жадно искалъ истины и искренне, правдиво, честно сообщалъ о результатахъ своихъ исканій. Здѣсь виноваты неподготовленность учениковъ, неумѣнье самостоятельно мыслить, разбираться, недостаточно развитое сердце, оказавшееся безсильнымъ передъ резонирующимъ разсудкомъ.

Но, не осуждая Толстого, который никогда не настаивалъ на своей непогрѣшимости, мы должны протестовать всѣми силами противъ его разума, подъ которымъ притаился сорвавшійся съ цѣпи разсудокъ, этотъ отъявленный формалистъ. Онъ отравляетъ своимъ ядомъ сердце, превращаетъ живой организмъ въ скелетъ и убиваетъ жизнь, дѣлая при этомъ видъ, будто создаетъ новую. Непротивленіе, смиреніе, покорность, недѣланіе—все это можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, свойствами мудреца; но воспринятыя догматически и перенесенныя на реальную почву, даютъ результаты, совершенно неожиданные для учителя и учениковъ: незамѣтно приводятъ къ пассивности, индифферентизму, апатіи; поселяется равнодушіе къ самому себѣ, къ людямъ, ко всему живому, презрѣніе ко всѣмъ посредствующимъ звеньямъ въ цѣпи эволюціи: «На 4-й этажъ я не могу сразу вспрыгнуть, а лѣстницу, всѣ эти ступеньки, ведущія туда, отвергаю». Остается стоять на мѣстѣ и довольствоваться отвлеченными разсужденіями о верхнихъ этажахъ. Положимъ, толстовскій разумъ предписываетъ служить людямъ, бороться противъ страданій, лишеній, болѣзней, которыя ихъ постигаютъ; но вѣдь тотъ же разумъ говоритъ, что страданія, болѣзни, лишенія желательны, полезны, ибо улучшаютъ душу, что зло это—«только наши ошибки», а въ сущности никакого зла не существуетъ. *(Путь жизни)*. И вотъ мы невольно начинаемъ смотрѣть на чужія страданія (и, вообще, на всякое зло) въ большія стекла бинокля: они кажутся намъ такими ничтожными, что, право, не изъ-за чего волноваться. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, ужъ очень хлопотать о здоровьѣ

и благосостоянiи ближняго, если только «единое есть на потребу?» Вѣдь здоровье, достатокъ и благопрiятныя внѣшнiя условiя не нужны для исполненiя назначенiя и для блага». *(Путь жизни)*. Да и вообще, ничего не нужно. Не бороться со зломъ мы должны, а искать для самихъ себя обидъ, враговъ, болѣзней, несчастiй, чтобы упражняться въ любвп, самоотреченiи, сомосовершенствованiи. Впрочемъ, «воля Бога совершится во всякомъ случаѣ, буду ли я или не буду исполнять ее» *(Путь жизни)*.

Но однако, Толстой всегда самъ боролся и другихъ призывалъ бороться противъ зла? Да, онъ боролся, *вопреки* характеру своего ученiя, боролся потому, что обладалъ дѣятельной, страстной натурой, неугомонной волей, а люди, не имѣвшiе въ себѣ такихъ противоядiй, отравлялись его безчисленными «*не*», «*не*»... доходили до состоянiя психическаго оцѣпенѣнiя. Въ самомъ дѣлѣ, что долженъ, напримѣръ, почувствовать молодой человѣкъ, вступающiй въ жизнь, когда услышитъ вдругъ изъ авторитетныхъ устъ, что школы, лечебницы, тюрьмы, литература, философiя — «все ни къ чему»? *(Дневникъ В. Ѳ. Булгакова)*. А вѣдь такими афоризмами полны статьи Толстого: надъ ними носится духъ моральнаго паралича, незамѣтно превращающiй «крылатыя» души въ «безкрылыя», отнимающiй ту «силу жизни», безъ которой для автора *Анны Карениной* не могло быть ничего настоящаго: ни любви, ни стремленiй, ни дѣятельности.

X.

СУДЬБА ТОЛСТОВСТВА.

Какъ въ балаганѣ выскакиваетъ наружу паяцъ и представляетъ разные фокусы для того, чтобы завлечь публику во внутрь, гдѣ настоящее представленіе, такъ и мои художественныя произведенія играютъ такую же роль: они привлекаютъ вниманіе къ моимъ серьезнымъ вещамъ. (*Л. Толстой въ Запискахъ Гусева*).

Мое положеніе такое, что не хотятъ обращаться просто „милостивый государь“ или „любезный Левъ Николаевичъ“, а обязательно хотятъ придумать что-нибудь необыкновенное, и выходитъ всегда чепуха. (*Дневникъ В. Ѳ. Булгакова*).

Нѣкто укорялъ Толстого въ письмѣ, что онъ разрушаетъ у людей религіозную вѣру. Н. Н. Гусевъ отвѣтилъ ему по порученію Толстого: «Если таково послѣдствіе его писаній, то совершается совершенно обратное тому, къ чему онъ все время стремится». Такіе случаи «обратнаго» дѣйствія, не рѣдкіе въ практикѣ толстовства, наводятъ на мысль о судьбѣ этого ученія.

Началось съ того, что оно вызвало въ обществѣ цѣлую бурю восторговъ и глумленій. Обращаясь къ Левину-Толстому, Громека такъ изображаетъ впечатлѣніе отъ *Исповѣди:* «Одни ужасно лихорадочно какъ-то восторгаются и въ каждомъ вашемъ словѣ видятъ олицетвореніе человѣческой истины; но огромное большинство возмущено вашими мыслями, какъ личнымъ какимъ-то себѣ оскорбленіемъ, и больше всего—ученые, писатели, мнящіе себя быть служителями и обладателями истины». Да, и я хорошо помню время, когда иные буквально ненавидѣли Толстого за то, что онъ выбиваетъ ихъ изъ привычныхъ позицій. И до сихъ поръ еще встрѣчаешь людей, которые не могутъ

слышать имени Л. Толстого безъ глухого скопившагося ожесточенія; нарочно, явно обманывая себя, сочиняютъ про него самыя невѣроятныя сплетни, чтобы только получить право отмахнуться отъ «великаго лицемѣра»; или говорятъ съ напускной небрежностью: «Просто, захотѣлось стать еще болѣе популярнымъ,—вотъ онъ и принялся писать свои «Исповѣди».

Впрочемъ, было нѣчто хуже всякихъ насмѣшниковъ и хулителей,—по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ; я разумѣю толпу поклонниковъ и поклонницъ, слетѣвшихся, точно мухи на медъ. Невольно припоминается любимая мысль Толстого: гдѣ много шума и успѣха, тамъ мало истины. Если онъ и тогда уже такъ думалъ, то шумная, почти скандальная популярность должна была сильно обезкураживать его. Когда я познакомился съ нимъ, его уже окружала огромная свита самыхъ различныхъ людей, имѣвшихъ очень мало общаго другъ съ другомъ, еще меньше—съ Л. Н. Толстымъ. Это одно сразу указывало на то, что для Толстого и его ученія индивидуальность ничего не значила. Ради характеристики «свиты» укажу на нѣсколько разновидностей:

1) Поклонники и поклонницы, которые необыкновенно быстро усваивали терминологію Л. Н., выучивали его формулы и, походя, цитировали Толстого. Они какъ-то мгновенно наполнялись его ученіемъ и такъ же мгновенно перебѣгали въ противный лагерь. Одинъ изъ такихъ былъ яростнымъ толстовцемъ, потомъ вдругъ превратился въ такого же яростнаго монаха и принялся съ остервенѣніемъ бичевать Л. Н.

2) Растерянные. Эти хватались судорожно за Толстого, вслѣдствіе какой-нибудь неурядицы въ ихъ личной жизни, какъ хватаются иные за ладонку: «авось, поможетъ?» Тыкались, какъ слѣпые щенки, во всѣ стороны, не зная еще, что сдѣлать для своего спасенія: открыть ли вегетаріанскую столовую—или заняться попристальнѣе самосовершенствованіемъ? Увлеченіе продолжалось обычно до перваго событія въ личной жизни и потомъ проходило, какъ насморкъ.

3) Резонеры. Они раньше Толстого пришли къ убѣжденію, что любовь къ ближнему есть просто разсудительность, и обрадовались, встрѣтивъ могучую поддержку. Ихъ увѣренность, что Л. Н. близокъ имъ по духу,

была непоколебима и нерѣдко ставила Толстого въ неловкое положеніе, черезчуръ оголяя и опрѣсняя его идеи. Эти «опрѣснители» любили поучать, втайнѣ гордясь тѣмъ, что ихъ духовная сѣрость пріобрѣтаетъ ореолъ высшей разумности, при которой становятся ненужными никакія дарованія. Кажется, они дольше всѣхъ оставались вѣрны Толстому.

4) Влюбленные. Этихъ привлекла исключительно громкая слава Л. Толстого, за которымъ они гонялись, какъ иныя дамы гоняются за знаменитыми пѣвцами. Имъ не было ни малѣйшаго дѣла до его ученія: просто, все въ Толстомъ—и Царствіе Божіе, и блуза, и непротивленіе, и графскій титулъ—казалось восхитительнымъ. Они выпрашивали у Л. Н. его карточки съ автографами, переписывали тщательно его статьи, отмѣчали въ своихъ записныхъ книжкахъ, что Л. Н. ѣлъ и пилъ и какая у него палка, собирали коллекціи его вещей, портретовъ, рецензій о немъ,—вообще, священнодѣйствовали.

5) Самолюбивые эгоисты, берегущіе себя, по выраженію Достоевскаго, «какъ ювелирную вещицу». Такъ какъ они въ глубинѣ души равнодушны ко всему и всѣмъ, кромѣ собственной особы, и, въ то же время, страстно хотятъ выдѣлиться изъ толпы, то набрасываются на принципъ «самосовершенствованія», позволяющій имъ замыкаться въ гордомъ одиночествѣ, въ священномъ «недѣланіи» и презрительно смотрѣть на всю общественную суматоху. Эти особенно импонировали Толстому своей математической послѣдовательностью, которая давалась имъ несравненно легче, чѣмъ самому Льву Николаевичу.

Было много и такихъ, которые спѣшили приписаться къ лику толстовцевъ, разсчитывая на какой-нибудь гешефтъ: перехватить денегъ, пристроить рукопись, воспользоваться протекціей графа или его многочисленныхъ знакомыхъ. «Если вѣрить письмамъ», говоритъ В. Ѳ. Булгаковъ, «то у Л. Н. много «учениковъ»: это слово часто присоединяется къ подписи; впрочемъ, иногда «ученикъ» ограничивается лишь просьбой выслать отъ 10 до 100 и болѣе рублей денегъ». *(Дневникъ В. Ѳ. Булгакова)*. «Ученики» не скупились на хорошія слова, а Толстого такъ подкупало сочувствіе его истинамъ, что онъ сплошь и рядомъ плохо разбирался въ людяхъ. Однако стадность и безличность всегда были

ему противны: «идутъ только потому, что обо мнѣ говорятъ, сдѣлали меня знаменитостью. Имъ нѣтъ дѣла до того, что во мнѣ». *(Дневникъ В. Ѳ. Булгакова)*.

Такого рода «послѣдователи», далекіе отъ истиннаго духа Л. Толстого, содѣйствовали популярности ученія и создавали иллюзію настоящаго, внутренняго успѣха; на самомъ же дѣлѣ это было только чѣмъ-то въ родѣ пѣны во время прибоя. Что касается искреннихъ приверженцевъ, для которыхъ толстовство становилось дѣломъ жизни, то они, какъ я уже сказалъ, кончали обыкновенно горькимъ разочарованіемъ. Иначе и быть не могло, такъ какъ въ самой сердцевинѣ толстовства сидитъ серьезная порча.

Подъ «толстовствомъ» надо разумѣть, конечно, не тѣ «истины древнихъ мудрецовъ», которыя учитель принялъ въ свой символъ вѣры, а только специфическую окраску, приданную имъ Л. Толстымъ и закрѣпленную въ повелительныхъ моральныхъ догмахъ. Такія истины, какъ стремленіе къ Божеству, совершенству, согласованіе своей воли съ Высшей, воздержаніе, самоотверженіе, служеніе людямъ, были провозглашены и практиковались гораздо раньше Льва Толстого, и въ этомъ смыслѣ онъ вполнѣ правъ, утверждая, что толстовство тутъ не при чемъ. Характернымп чертами толстовства являются непротивленіе, недѣланіе, «упрощеніе» въ ихъ своеобразномъ истолкованіи, презрѣніе къ личности, ко всему индивидуальному, брезгливый взглядъ на государство, общество, на формы человѣческой дѣятельности. Вотъ этотъ-то спеціальный налетъ и обреченъ на безслѣдное исчезновеніе, какъ снѣгъ, выпавшій внезапно среди лѣта. Жизнь выталкиваетъ изъ себя толстовство, какъ вода—насильно погруженную въ нее пробку. Если бы противъ него были только «ложныя ученія міра сего», государство, церковь, общество, дѣло можно было бы еще не считать проиграннымъ; но у толстовства есть гораздо болѣе серьезный противникъ: *подсознательное*, т. е., натура человѣка, его душа въ своихъ главныхъ основахъ, и тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Безпощадная критика дѣйствительности, произведенная Л. Толстымъ, безспорно взволновала общество, запала многимъ въ душу и оставила тамъ глубокіе слѣды; смутное чувство, что «такъ нельзя жить», разлитое во всѣхъ слояхъ общества и громко, во всеуслышаніе, высказанное Толстымъ,

сдѣлало его близкимъ для массы людей, своего рода «общественной совѣстью», какимъ-то всемірнымъ набатомъ, возвѣщающимъ о грозномъ бѣдствіи. Но когда набатъ замолкалъ и торжественный благовѣстъ призывалъ людей, чтобы научить ихъ, какъ надо жить и что для этого дѣлать, люди не шли или притворялись только, что идутъ, или дѣлали нѣсколько шаговъ и возвращались вспять.

Вообразите, что учитель подвелъ васъ къ отвѣсной вершинѣ и сказалъ: «Взберитесь на нее, иначе вы погибли». Вы отлично видите, что влѣзть на отвѣсъ нельзя, а если и влѣзешь, то умрешь тамъ съ голоду, ибо вершина представляетъ голую, безплодную пустыню. Нѣсколько наиболѣе ретивыхъ учениковъ полѣзли на кручу, сорвались и разбились. А самъ учитель? Онъ сильнѣе своихъ учениковъ, но и онъ тоже усталъ и призадумался.

Да, если судьба искреннихъ приверженцевъ толстовства показала намъ, какъ жестоко караетъ человѣческая природа за свое извращеніе *), то симптомы этого можно наблюдать и на учителѣ. Примѣръ самого Л. Толстого, этого наиболѣе виднаго, крупнаго толстовца, заставляетъ думать, что принципы непротивленія, самоуничиженія, недѣланія подтачиваютъ безсознательно, незамѣтно «силу жизни».

Начавъ съ попытокъ переустройства всѣхъ сторонъ жизни, съ призыва къ борьбѣ противъ лжи и животности («каждый шагъ—борьба»), онъ мало-по-малу склоняется къ мысли, что «ничего не нужно устраивать или внушать людямъ, а только съ лаской и любовью обращаться со всѣми». *(Для чего мы живемъ)*. Даже и думать не надо ни о другихъ, ни о результатахъ своего труда, а лишь о томъ, чтобы, какъ при молотьбѣ, ударять размѣренно цѣпомъ въ ладъ съ другими. Это ли Левъ Толстой съ его кипучей, дѣятельной натурой? Вмѣсто исканій и достиженій,—нирвана, куда погружается душа подъ аккомпанементъ размѣренныхъ, математически правильныхъ ударовъ цѣпами. По прежнему онъ отвергаетъ «церковное суевѣріе», по которому человѣкъ спасается не собственными усиліями, а вѣрой и благодатью; но и у него время отъ времени вы-

---

*) Эту истину гораздо раньше подтвердилъ опытъ многихъ средневѣковыхъ аскетовъ.

рываются фразы въ родѣ слѣдующей: «не надо воображать, что все дѣлается, какъ мы хотѣли бы, а надо понимать, что все дѣлается такъ, какъ это установлено Богомъ». *(О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ)*. Нѣтъ ужъ какъ будто вѣры въ созиданіе жизни активными усиліями разума и воли; все сдѣлается, согласно монашескому: «Богъ лучше насъ знаетъ и устроитъ».

«Если Богъ приведетъ»... «какъ Богу будетъ угодно»... и т. п. фразы стали для него привычными не спроста, а подъ вліяніемъ глубокихъ внутреннихъ причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ утруждать мысль и волю? Вѣдь нельзя ни перевоспитать людей, ни перемѣнить или устроить чужую жизнь. Даже совѣтовъ подавать нельзя, кромѣ одного: «измѣняй свою жизнь только тогда, когда *не можешь* оставаться въ прежнемъ положеніи». А если самъ чувствуешь, что *не можешь* иначе, «не будешь и спрашивать»,—резонно замѣчаетъ Л. Н. *(Записки Н. Н. Гусева)*.

Да не только съ чужой жизнью, а и съ своей-то ничего сдѣлать не можешь: «вообще, устраивать свою жизнь не нужно, а нужно предоставить Богу дѣлать мою жизнь, какъ Онъ хочетъ. Можетъ быть, Онъ приведетъ меня въ общину, а можетъ быть—на кухню, во дворецъ»...

Словомъ, не нужно ни борьбы, ни напряженія мысли, ни исканій, ни поученій, а только исполнять, не мудрствуя лукаво, волю Пославшаго. Подъ такой моральной формулой могъ бы подписаться любой православный обыватель, если онъ работаетъ, ходитъ въ церковь, не воруетъ и не безобразничаетъ. Это кажется дикимъ, но что-жъ дѣлать, если къ такому выводу незамѣтно приходитъ самъ Толстой? Какъ ни поворачивай, а моральная жизнь сводится для него, въ концѣ концовъ, къ неосознанному, почти механическому отбыванію рабочей повинности; «мое дѣло—дѣлать, а ужъ Онъ знаетъ, на что это нужно». (*Дневникъ* 1896 г.). Такъ даже гораздо лучше, а то начнешь разсуждать, угадывать—и не увидишь, какъ надѣлаешь ошибокъ. «Наборщикъ, не знающій языка, лучше набираетъ, не догадываясь по своему смысла». *(Для чего мы живемъ)*.

Въ такихъ афоризмахъ звучатъ ноты усталости или глубоко скрытаго разочарованія. Толстой какъ будто смутно чувствуетъ въ своемъ ученіи что-то неладное, не настоящее, какъ будто начинаетъ подозрѣвать, что его «разумное

сознаніе» идетъ мимо жизни. Какъ ни забронируй себя раціоналистическими аргументами, жало коренныхъ противорѣчій не перестанетъ быть ощутительнымъ. Одно изъ нихъ притаилось на самомъ порогѣ ученія: чтобы понять смыслъ высшей воли, надо ее исполнять. Но вѣдь и инквизиторы, сжигая еретиковъ, были убѣждены, что выполняютъ этимъ высшую волю. Получается заколдованный кругъ: чтобы измѣнились поступки, должна измѣниться вѣра, а она не можетъ перемѣниться, пока не перемѣнятся поступки. Куда ни обернись, всюду тупики.

Толстой какъ бы машетъ внутренне рукою и предоставляетъ все на волю Божью: «Ничего нашего нѣтъ, все Божіе». *(Путь жизни)*. Такимъ образомъ, разумное сознаніе, взявшееся очень рѣшительно за постройку храма, теперь остается при одномъ «недѣланіи, неучастіи и добровольномъ перенесеніи страданій за это». *(В. Ѳ. Булгаковъ: Жизнепониманіе Л. Н. Толстого)*. Жизнь сводится на отрицаніе, на отказъ отъ себя самой, на не-жизнь.

Итакъ, все, чѣмъ жилъ Л. Толстой десятки лѣтъ, оказывается призракомъ? На этотъ вопросъ я долженъ отвѣтить рѣшительно: «нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!»

Если бы дѣло шло только о его религіозно-философскихъ тезисахъ, ничего не стоило бы вскрыть всю ихъ шаткость, какъ сдѣлалъ это проф. Козловъ въ своей книгѣ: «*Религія гр. Л. Н. Толстого*», указавъ на необоснованность и утопичность его міропониманія. Но вѣдь было множество самыхъ разнообразныхъ утопій, и ни одна не волновала общество такъ серьезно, не поднимала такой бури сочувствія и протестовъ. Почему же такая судьба выпала на долю толстовства?

Скажу больше: было много послѣдователей, сумѣвшихъ почерпнуть изъ ученія Л. Толстого не одну крупицу чистаго золота. Это—морально-чуткія натуры, способныя ощутить подъ высказанными формулами драгоцѣнное невысказанное. Они чувствовали *всего* Толстого, улавливали его истинный духъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ учитель погрѣшалъ противъ него, усердно вытравляя его изъ себя. Въ этихъ морально одаренныхъ натурахъ было такъ много *своего* свѣта, *своей* любви и заботы о ближнемъ, что они мгновенно передѣлывали на живой ладъ формулы алгебраической морали, подставляя подъ A, B, C реальныхъ людей. Они брали скорлупу и, силой своего духовнаго твор-

чества, вкладывали въ нее жизненное содержаніе, оживляли отвлеченную схему теплотой собственнаго сердца, заполняли пустырь своей богатой внутренней жизнью, давно готовой и ожидающей только толчка, чтобы придти въ движеніе.

Такіе послѣдователи, имѣющіе мало общаго съ форменнымн толстовцами, всегда были, есть и будутъ. Люди эти, насколько я знаю изъ собственныхъ наблюденій, пережили нѣчто подобное тому, что пережилъ самъ Л. Толстой: съ дѣтства были религіозны, потомъ утратили вѣру, но сохранили смутную жажду ея, а главное,—всегда были полны нравственными запросами и нигдѣ не встрѣчали удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Ученіе Толстого подкупаетъ ихъ потому, что оно—не теорія только, а «дѣло жизни» самого учителя, величавый образъ котораго придаетъ каждой буквѣ ученія особую авторитетность и ореолъ. Такіе послѣдователи-идеалисты, для которыхъ память о Л. Толстомъ навсегда останется священной, любятъ его самого, *цѣлаго*, а не формулы, вышедшія изъ-подъ его пера. Ихъ они принимаютъ не догматически, какъ рабскіе исполнители, а въ связи со всей глубокой и сложной душой ихъ автора. Они видятъ противорѣчія, ускользающія отъ слѣпыхъ обожателей, но противорѣчія не закрываютъ для нихъ настоящаго смысла его истинъ. Для слѣпыхъ толстовцевъ онъ безошибоченъ, для зрячихъ онъ правъ даже въ своихъ ошибкахъ, ибо подъ ними заложено искреннее, упорное и страстное стремленіе къ правдѣ, добру, идеалу.

Кромѣ людей, моральная жизнь которыхъ прямо или косвенно, но всегда ощутительно связана съ именемъ Льва Толстого, есть еще неопредѣленное множество такихъ, которые, не раздѣляя его взглядовъ, даже протестуя противъ нихъ, обязаны, тѣмъ не менѣе, своимъ внутреннимъ переустройствомъ именно его вліянію. Кто можетъ опредѣлить, сколько такихъ моральныхъ залежей вызвалъ Л. Толстой на свѣтъ, сколько нравственныхъ силъ пробудилъ отъ дремоты и сколько еще пробудитъ?..

Да, по истинѣ, судьба его ученія такъ же странна и противорѣчива, какъ вся его личность. Формулы его трещатъ по швамъ, а то, что скрыто подъ ними, быть можетъ, непрерывно ростетъ и крѣпнетъ. Жить и вліять будетъ не содержаніе формулъ, а скрытый источникъ ихъ, не скорлупа, а зерно, не толстовство, а Л. Толстой.

XI.

УЧЕНІЕ И ЛИЧНОСТЬ.

Онъ долго не могъ понять умомъ того, что постепенно открывалось ему въ чувствѣ. (Громека о Толстомъ).

Подлинную основу истины всегда составляетъ наша импульсивная вѣра, а наша выраженная въ словахъ философія — это лишь рядъ формулъ.

Догматы могутъ быть полны какихъ-угодно нелѣпостей; энтузіазмъ облечетъ ихъ непоколебимой достовѣрностью. (Джемсъ: Многообразіе религіознаго опыта).

Если бы мы познакомились съ ученіемъ Л. Толстого, не имѣя ни малѣйшаго понятія о немъ, какъ о человѣкѣ и художникѣ, то сводъ его моральныхъ законовъ и воззрѣній на жизнь показался бы намъ ничѣмъ инымъ, какъ покушеніемъ съ явно негодными средствами: это—ученіе о жизни безъ жизни, проповѣдь любви безъ любви, торжество свободнаго разума, уничтожающаго свою свободу, оптимизмъ, сотканный изъ самыхъ пессимистическихъ оцѣнокъ и настроеній, логика, построенная на нелогичности. Ученіе это чуждо интеллигенту, еще болѣе чуждо простолюдину. И если бы намъ вздумалось, на основаніи этого ученія, нарисовать себѣ обликъ его творца, онъ представился бы намъ, какъ педантически-разсудочный резонеръ, запутавшійся въ паутинѣ отвлеченностей, или какъ близорукій педагогъ, лишенный воспитательнаго такта, наивно вѣрующій въ силу предвзятыхъ педагогическихъ теорій, или какъ одинъ изъ тѣхъ самодовольныхъ и жестокихъ моралистовъ, что привыкли презирать человѣка за его несовершенство и мстить всѣмъ за собственную добродѣтель. Да,—именно, жестокимъ: кто, какъ не онъ, подрываетъ у людей корни непосредственной жизни, отравляетъ

глумленіемъ наивныя вѣрованія и чувства, не спрашивая себя, чѣмъ заполнитъ онъ зіяющую брешь? Вѣдь это все равно, что пробуравливать дно корабля, не заботясь о томъ, можно ли будетъ остановить течь? Нечеловѣческимъ холодомъ вѣетъ отъ прямыхъ линій его морали, отнюдь не желающей входить въ положеніе ближняго, на котораго она все время возлагаетъ «бремена неудобоносимыя». Она твердитъ только: «воздерживайся отъ заблужденій!» и знать не хочетъ, что скрывается за этимъ «воздержаніемъ», какія непосильныя муки, ужасы, истязанія, какая моральная и нервная агонія. Быть можетъ, онъ не злой, но онъ жестокъ, какъ дѣти, что такъ беззаботно обрываютъ крылья у бабочекъ и разоряютъ птичьи гнѣзда.

Но мы знаемъ, что Л. Толстой совсѣмъ не жестокъ, не педантиченъ и менѣе всего самодоволенъ. Мы знаемъ также, что его жизнепониманіе вскормлено соками пережитаго, опытами прежнихъ лѣтъ, и потому насъ прежде всего должно поразить полное несоотвѣтствіе его формулъ съ его личностью. Никакой переворотъ не могъ вынуть изъ Толстого его живую, широкую, многогранную натуру и вставить новую, способную помѣститься въ орѣховой скорлупѣ разсудочности. Если мы вспомнимъ, что онъ во всемъ, что писалъ, стремился выявить *себя*, свою душу, намъ придется признать, что его ученіе есть своего рода кривое зеркало, исказившее до неузнаваемости подлинную личность Л. Толстого. Виновата въ этомъ, конечно, не личность, а формулы ученія.

Человѣку присуща потребность осознать и формулировать то, чѣмъ живетъ его внутреннее «*я*», и Толстой добивался этого всѣми способами: сначала—какъ художникъ *), потомъ—какъ философъ. Но сдѣлать это несравненно труднѣе, чѣмъ кажется, такъ какъ наше «*я*» всѣми корнями уходитъ въ глубь подсознательнаго. Духовный капиталъ человѣка скрытъ въ его темныхъ подвалахъ, и требуется не мало усилій, чтобы дорыться до этихъ сокровищъ. На поверхность души, т-.е, въ сознаніе, попадаютъ, въ лучшемъ случаѣ, только проценты съ капитала, остальное продолжаетъ покоиться въ нѣдрахъ подсознательнаго: тамъ

*) Исканіе самого себя, своего подлиннаго «*я*», есть самая характерная черта его героевъ—особенно Олешина и Пьера Безухова.

хранятся всѣ «впечатлѣнья бытія», зрѣютъ сѣмена будущаго, происходитъ непрерывная подпочвенная работа, незримые процессы созиданія и разрушенія, подготовляющіе всѣ такъ называемые внутренніе перевороты.

Хотя мы всего непосредственнѣе знаемъ собственную душу, однако знаніе это далеко не полное и не исчерпывающее: какъ чувственные органы передаютъ намъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра искаженными до неузнаваемости, такъ и подлинное ядро нашей души застилается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ случайными настроеніями, увлеченіями, остротой различныхъ переживаній, взаимно противоположными склонностями, психическими привычками, которыя часто сходятъ за натуру, пестростью всевозможныхъ видовъ и формъ и тысячью всякихъ примѣсей и перекрестныхъ вліяній. Не скоро вылущишь зерно изъ-подъ груды напосной шелухи. Въ результатѣ, нами осознается далеко не все наше «*я*», а въ формулахъ удается выразить только часть этого осознаннаго: вѣдь слова всегда очень условны и приблизительны*). Чѣмъ яснѣе мысль, чѣмъ точнѣе высказана въ словахъ, тѣмъ меньше соотвѣтствуетъ она дѣйствительно пережитому, что такъ хотѣлось бы выразить. Все самое живое въ нашей умственной и сердечной жизни составляетъ содержаніе нашихъ неясныхъ мыслей, не поддающихся формулировкѣ; ясныхъ же мыслей надо, по мнѣнію Метерлинка, добиваться затѣмъ, «чтобы онѣ разбудили въ душѣ какъ можно больше неясныхъ». *(Мудрость и судьба)*.

Все это подтверждается на примѣрѣ Л. Толстого: формулы его отразили, быть можетъ, лишь одну сотую его души и личности. «Каждая мысль теряетъ свой смыслъ, когда берется *одна*, безъ того сцѣпленія, въ которомъ она находится. Само же сцѣпленіе составлено не мыслію, а чѣмъ-то другимъ, и выразить основу этого сцѣпленія непосредственно словами нельзя»... Такъ говоритъ самъ Толстой въ письмѣ къ Страхову по поводу *Анны Карениной*; но это примѣнимо и къ его ученію, потому что не было еще, кажется, болѣе субъективнаго мыслителя, чѣмъ Л. Толстой.

---

*) «Самая живая мысль замерзаетъ, будучи вложена въ необходимую для нея формулу. Слово обращается противъ идеи, буква убиваетъ духъ». *(Бергсонъ: Творческая эволюція)*.

Формулы его надо разсматривать не какъ логическіе выводы изъ моральныхъ аксіомъ, не какъ объективныя истины, а лишь какъ попытки выразить то, что происходитъ въ скрытомъ подсознательномъ самого Л. Толстого: онъ то вѣритъ, то сомнѣвается, то радуется, то отчаивается—и все это находитъ выраженіе въ его правилахъ, афоризмахъ, парадоксахъ. Вдругъ охладѣваетъ къ евангелію—и затѣмъ снова восхищается имъ; вотъ онъ такъ ясно видитъ близкое торжество истины, а вотъ уже съ горечью думаетъ, что никому до нея дѣла нѣтъ. Проповѣдуетъ безличное Божество—и тутъ же завидуетъ простымъ людямъ, вѣрующимъ въ живого Бога... Въ тѣ моменты, когда въ немъ шевелится сомнѣніе въ истинѣ своихъ формулъ и осуществимости своихъ заповѣдей, онъ усиленно старается не думать о послѣдствіяхъ и результатахъ своей дѣятельности. Въ немъ снова оживаетъ измучившій его вопросъ: «Зачѣмъ?», вѣрнѣйшій признакъ пониженнаго уровня жизни. «Зачѣмъ я буду учить, если это—не христіанское дѣло? Зачѣмъ буду вмѣшиваться въ чужую жизнь, впадать въ «соблазнъ устроительства?» И вотъ уже готова формула: «Одинъ человѣкъ не можетъ знать и всегда будетъ заблуждаться относительно того, что именно нужно для жизни другихъ людей» (*В. Ѳ. Булгаковъ: Жизнепониманіе Л. Н. Толстого*). А давно ли, кажется, онъ зналъ это такъ твердо и несомнѣнно? Давно ли указывалъ людямъ, не колеблясь, куда надо идти и какъ идти? Мѣняется настроеніе,—и, въ связи съ этимъ, мы видимъ на его душевномъ экранѣ новый рисунокъ, не похожій на прежніе. То все такъ ясно, холодно, плоско,—и вдругъ картина измѣнилась: жизнь и душа кажутся бездонно — глубокими, полными и ясныхъ мыслей, желаній, неразрѣшимыхъ противорѣчій и тайнъ...

Иногда онъ самъ выворачиваетъ передъ читателемъ субъективную подкладку своихъ мыслей. Посмотрите, какъ онъ доказываетъ необходимость безсмертія: «Если бы человѣкъ зналъ навѣрное, что жизнь его кончается этой жизнью, то что бы сталъ онъ дѣлать на закатѣ жизни, какъ я? Дѣла всѣ здѣшнія перешли уже въ другія, болѣе молодыя руки, а что же дѣлать ему?» (*Для чего мы живемъ*).

Или какъ онъ, напримѣръ, пришелъ къ открытію, что никакого закона развитія нѣтъ и быть не можетъ?

Что принудило его разувѣриться въ такомъ законѣ: какіе-нибудь новые научные факты или философскія соображенія? Да вовсе нѣтъ! А просто, «ростъ во мнѣ прекратился,—я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ» (*Исповѣдь*). Вѣдь это все равно, какъ если бы ослѣпшій сталъ утверждать, что солнце отжило свой вѣкъ и погасло. Собственное старѣющееся тѣло заставляетъ его называть все тѣлесное «поганымъ», «мерзостью», видѣть въ немъ чуть ли не главный источникъ моральнаго зла, относиться къ половой любви только какъ къ низменной, грубой похоти... Итакъ, формулы его это—показатели его настроеній: онѣ важны не для познанія объективной истины, а для познанія самого Л. Толстого—да и то съ большими поправками, потому что крикливый голосъ разсудка часто заглушаетъ въ немъ другіе голоса...

Вмѣсто того, чтобы пристально разбираться въ своемъ подсознательномъ, бережно распутывая его многочисленные узлы, Толстой, уставъ отъ постояпной двойственности и внутренней дисгармоніи *), взялъ и разрубилъ ихъ однимъ взмахомъ, т.-е. отшвырнулъ отъ себя все, что не умѣщается въ строго и плоско опредѣленной формулѣ. Онъ поступилъ, какъ человѣкъ, примѣнившій къ реальнымъ предметамъ, ради простоты и наглядности, не три, а только два измѣренія, и у него, вмѣсто подлинной души, жизни, природы, получились какія-то стропила...

Но мы не станемъ прилагать его метода къ оцѣнкѣ его собственной личности и дѣятельности: намъ нужна не формула, а весь спектръ его души, не то, чему онъ училъ въ своихъ заповѣдяхъ, а то, что онъ чувствовалъ, дѣлалъ, къ чему всей душой стремился и что лежитъ въ основѣ его моральныхъ императивовъ. «Вѣрить или не вѣрить—это неважно», говоритъ Метерлинкъ: «важны безкорыстіе, чистота, правда и глубина тѣхъ основаній, по которымъ вы вѣрите или не вѣрите». (*Мудрость и судьба*). Душа Л. Толстого неизмѣримо шире и глубже его догматовъ: она не умѣщается въ нихъ, какъ не умѣщается религія въ любомъ каменномъ храмѣ, даже

*) «Такъ мучительна, такъ глубока у людей потребность найти себѣ точку опоры, что они всѣмъ жертвуютъ, все забываютъ, лишь бы спастись отъ сомнѣній . (*Л. Шестовъ*: *Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Ницше*).

самомъ величавомъ. Онъ самъ чувствовалъ это, самъ только и дѣлалъ, что опровергалъ собственное ученіе или, по крайней мѣрѣ, истолковывалъ свои догматы такъ, что они переставали быть догматами.

Только что, напримѣръ, я съ удивленіемъ узнаю, что нашъ разумъ открываетъ въ себѣ готовую истину, какъ Толстой спѣшитъ пояснить, что познаніе истины никогда не бывало и не будетъ полнымъ, а «постоянно увеличивается по мѣрѣ движенія человѣчества: чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ яснѣе мы познаемъ волю Бога и, слѣдовательно, то, что должны дѣлать для исполненія ея» (*О разумѣ и религіи*).

Итакъ, далеко не вся истина открыта намъ. Ее надо еще открывать, уяснять усиліями разума, двигаться впередъ, мѣняться и мѣнять свои воззрѣнія. Слѣдовательно, когда мы глубже постигнемъ истину, всѣ теперешнія заповѣди и моральныя предписанія могутъ быть замѣнены новыми, болѣе согласными съ божественной волей. Никакой абсолютной истины нѣтъ: все дѣло—«въ достиженіи болѣе совершенной истины... въ постоянномъ приближеніи къ ней» (*О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ*). И христіанство есть прежде всего *движеніе* (*Община и міръ*), приближеніе къ идеалу (*Единая заповѣдь*). Толстой считается и съ историческими условіями, признавая постепенность въ раскрытіи христіанскихъ истинъ. Такъ, въ письмѣ къ Сабатье онъ говоритъ совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какъ въ прежнихъ трактатахъ: «*Въ чемъ моя вѣра*» и «*О жизни*»: «Настоящее христіанское ученіе въ эпоху, когда оно появилось, будучи гораздо выше способности пониманія толпы (гдѣ же его «общедоступность»?), было принято въ настоящемъ его смыслѣ только самымъ незначительнымъ меньшинствомъ... Это продолжалось вѣками, но съ просвѣтительнымъ прогрессомъ вообще настоящій духъ христіанства, сокрытый подъ завѣсами, прикрываемыми церковью, все болѣе и болѣе пробивался на свѣтъ»... Здѣсь уже, вмѣсто прежняго «все или ничего», признается эволюція истины, а это открываетъ передъ нами перспективы, вовсе не предусмотрѣнныя толстовскими формулами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Толстой обнаруживаетъ самую широкую терпимость ко всѣмъ религіознымъ воззрѣніямъ, не совпадающимъ съ его символомъ вѣры: «Всѣ мы видимъ одного и того же Бога, всѣ живемъ

по Его волѣ и всѣ можемъ, глядя на Него съ разныхъ сторонъ, исполнять Его главный законъ... несмотря на различіе нашего на него воззрѣнія (*О вѣрѣ и невѣріи*). Онъ, глумившійся прежде надъ вѣрованіями правовѣрныхъ, сознаетъ теперь, что «жестоко — осуждать самое драгоцѣнное для человѣка: его вѣру» (*Два письма о православіи*), что нельзя «отрицать огуломъ ту религію, въ которой онъ родился и воспитывался» (*Къ М. М. Крымбаеву*), что лично онъ никому не навязываетъ своихъ взглядовъ, потому что «у каждаго есть свое длинное духовное прошедшее, есть свой процессъ познанія истины» (*Къ православному священнику*). Онъ даже допускаетъ извѣстный смыслъ въ «стояніи на столбу, ухожденіи въ пустыню и житіи въ общинѣ» (*Мысли о совершенствованіи*). Онъ понимаетъ и старуху Матрену съ ея самой первобытной вѣрой и молитвой, видитъ много субъективно-цѣннаго въ религіозномъ багажѣ, давно отброшенномъ самимъ Толстымъ (*Къ старообрядцу Рукавишникову*). Скажу больше: онъ прямо высказывается противъ догматическаго отношенія къ моральнымъ формуламъ и предписаніямъ. Есть, напримѣръ, такіе интимные семейные вопросы, «разрѣшеніе которыхъ не можетъ быть дано извнѣ, посредствомъ правила или предписанія, а каждый рѣшаетъ ихъ по своимъ силамъ». Въ такихъ случаяхъ нельзя «слишкомъ прямолинейно понимать слова евангелія»; а такъ какъ всѣ вопросы, гдѣ замѣшано чувство, принадлежатъ именно къ такимъ, то мы въ правѣ, съ благословенія самого Л. Толстого, взглянуть на его моральные императивы только какъ на вѣхи, разставленныя по пути къ землѣ обѣтованной. «Человѣкъ постоянно растетъ, измѣняется, и потому должно измѣняться и уясняться его отношеніе къ Богу» (*Путь жизни*). Эта мысль, высказанная Л. Толстымъ въ самомъ концѣ его проповѣднической дѣятельности, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ не признавалъ своихъ формулъ за абсолютныя истины, не требовалъ, чтобы къ нимъ относились догматически.

Его натура, вообще, не терпитъ педантизма. Въ мемуарахъ людей, лично знавшихъ Толстого, можно встрѣтить множество примѣровъ этого. Я бы сказалъ, что у Л. Толстого, параллельно съ формулированнымъ, есть еще свое эзотерическое ученіе, если бъ можно было вообще назвать

ученіемъ рядъ разбросанныхъ или, просто, случайно оброненныхъ мыслей. «Всякій по себѣ знаетъ, какъ трудно измѣнить свою жизнь и стать такимъ, какимъ хотѣлъ бы быть,—говоритъ онъ въ *Пути жизни*, какъ бы примѣнительно къ себѣ самому.—Когда же дѣло идетъ о другихъ, то, кажется, что стоитъ только приказать и припугнуть, и другіе сдѣлаются такими, какими мы хотимъ, чтобы, они были». Этотъ взглядъ онъ много разъ высказываетъ и подтверждаетъ, сталкиваясь съ людьми и съ различными житейскими вопросами. Прежде всего, онъ несравненно больше, чѣмъ его ученіе, считается съ человѣческой природой. Отказъ отъ воинской повинности, гоненія, тюрьма—все то, что для автора *Въ чемъ моя вѣра* было только «воздержаніемъ отъ заблужденій»,—оказывается въ глазахъ Толстого дѣломъ не только не легкимъ, но даже страшнымъ, отъ котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, даже позволительно «уклониться». Мало того: онъ, просто, никакъ не можетъ представить себѣ чувства, съ которымъ человѣкъ идетъ на отказъ: вѣдь онъ молодой,—у него «такъ много впереди» (*Дневникъ В. Ѳ. Булгакова*). Онъ, вообще, боится за людей, «которые сразу такъ горячо берутся»: у него не хватитъ силъ, и онъ будетъ обвинять ученіе, которое хотѣлъ исполнить (*Н. Н. Гусевъ*). Толстой видитъ на пути этого исполненія безчисленное количество препятствій, и они побуждаютъ его дѣлать безпрестанныя уступки человѣческой слабости. Онъ уже допускаетъ всякую службу (даже «сборщикомъ податей»), вѣнчаніе въ церкви, владѣніе собственностью: всякій стремится къ идеалу, насколько ему позволяютъ его разумѣніе и силы. Вѣдь жизнь гораздо сложнѣе любой теоріи: у каждаго можетъ быть своя «дилемма», т.-е., такое положеніе, изъ котораго не такъ-то легко выдти.. по крайней мѣрѣ, на практикѣ.

Хоть человѣкъ и есть существо духовное, однако вліяніе физическихъ условій на него несомнѣнно. Толстой по себѣ знаетъ, что на душу дѣйствуетъ не только состояніе физическаго здоровья, но даже погода. Какъ ни отмахивайся отъ внѣшняго міра, онъ цѣпко держитъ въ своей власти душу и тѣло человѣка. Толстой негодуетъ на такую обидную зависимость, но не можетъ не признавать ея...

Не разъ вноситъ онъ также поправки въ свое установившееся отношеніе къ наукѣ, искусству. Оказывается, онъ не отрицаетъ астрономіи, отдаетъ должное гуманитарнымъ наукамъ, считаетъ воспитаніе дѣтей вопросомъ крайне важнымъ и дѣло учителя очень нужнымъ; его глубоко волнуетъ музыка, живопись... даже стихи, законность которыхъ онъ тоже признаетъ: «я вижу, что это бываетъ вслѣдствіе высокаго духовнаго подъема, который человѣкъ не умѣетъ выразить» (*Записки Гусева*).

Не церемонится онъ и съ идолами, которыхъ самъ понастроилъ себѣ. Истинной вѣры въ простомъ русскомъ народѣ никогда не было или почти не было, да и вообще русскій народъ ничѣмъ не лучше другихъ: «каюсь и готовъ отречься отъ этого» (*Дневникъ В. Ѳ. Булгакова*). Также и съ «общедоступностью»: «Для чего идти за большинствомъ? Большинство большею частью бываетъ менѣе добро и менѣе умно» (*Записки Н. Н. Гусева*). И хваленая «простота» оказывается не однимъ изъ показателей истины, а скорѣй—«признакомъ невѣжества». Что касается физическаго труда, то стоило Л. Н. всмотрѣться въ работу мужиковъ, разбивающихъ камень, чтобы ужаснуться и пожалѣть, что она выполняется не машиной, а руками живыхъ людей. Даже къ насилію, самому своему больному мѣсту, онъ относится порой проще, человѣчнѣе: насиліе, произведенное сгоряча, не будетъ насиліемъ,—вотъ скверно, «когда это возводится въ систему».. (*Тамъ же*). И вообще, Толстой, по его собственному заявленію, «врагъ всякаго доктринерства», ибо «всякое правило, всякая буква мѣшаютъ свободному развитію» (*Дневникъ В. Ѳ. Булгакова*).

Таковъ былъ онъ и въ жизни: неутомимый работникъ, усердно призывающій къ недѣланію; отшельникъ, вѣчно окруженный людьми; предостерегающій противъ «соблазна устроительства» и всегда кого-нибудь или что-нибудь устраивающій. Считаетъ деньги зломъ—и раздаетъ пятачки нищимъ, странникамъ..«Ни одинъ человѣкъ не призванъ къ тому, чтобы поучать другихъ», пишетъ онъ священнику, поучая его. Отстаиваетъ въ теоріи принципъ невмѣшательства, а на практикѣ то и дѣло вмѣшивается въ жизнь, потому что органически не можетъ быть пассивнымъ и безстрастнымъ Увѣряя себя и другихъ, что только «единое есть на потребу», онъ продолжаетъ интересоваться жизнью въ самыхъ разно-

образныхъ ея проявленіяхъ: восхищается природой, дѣлаетъ большія прогулки верхомъ, причемъ бываетъ радъ заблудиться и воображать себя гдѣ-нибудь далеко отъ дома; онъ плачетъ отъ музыки, охотно слушаетъ фонографъ, балалаечниковъ, цыганскіе романсы; его занимаетъ все, начиная съ психіатрической лечебницы, народныхъ спектаклей и кончая гонкой автомобилей. Умственные интересы его поражаютъ разнообразіемъ: тутъ и религіозные, соціальные, экономическіе вопросы, и современное искусство, и исторія, и журналы, и браминское доказательство пиѳагоровой теоремы... да всего не пересчитаешь!

Но что дороже всего въ немъ, это—вѣчныя заботы о другихъ, часто о совершенно чужихъ людяхъ. Онъ учитъ, что страданія, лишенія нужны человѣку, но это не мѣшаетъ ему спѣшить на выручку постигнутаго бѣдой *). Въ теоріи рекомендуетъ не думать о послѣдствіяхъ своей дѣятельности, а когда арестовали Гусева, онъ публично укоряетъ виновниковъ ареста: «Люди служатъ, получаютъ за это жалованье, и дѣлаютъ то, что полагается дѣлать. О томъ, же что можетъ выйдти изъ ихъ дѣятельности и справедлива ли она... никто не даетъ себѣ труда думать».

Логика его принципа «неучастія» повелѣвала оцѣпенѣть въ ширванѣ, подобно крайнему буддисту, а натура влекла къ живымъ впечатлѣніямъ, творчеству, борьбѣ... Въ чемъ же выразилось полнѣе его основное «*я*»: въ разсудочныхъ теоріяхъ—или въ жизненной практикѣ, гдѣ проявлялась «совокупность всѣхъ его силъ»?

Существуетъ интересный документъ, въ которомъ какъ нельзя лучше отразилось это его основное «*я*» во всей своей фатальной двойственности. Мечта о новомъ религіозномъ ученіи зародилась въ Толстомъ очень давно. Былъ даже намѣченъ планъ осуществленія «великой, громадной мысли». «Мысль эта», писалъ онъ въ дневникѣ 1855 г.,— «основаніе новой религіи... религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущаго блаженства, но дающее блаженство на землѣ». Въ этомъ замыслѣ сказался весь Л. Толстой:

*) Ему, вѣчно хлопотавшему за кого-нибудь, приходилось обращаться съ просьбами къ вліятельнымъ лицамъ, т.-е. къ людямъ своей среды, и я самъ видѣлъ, что ему порой это было столь же тягостно, какъ кн. Нехлюдову въ *Воскресеніи*.

раціоналистъ и позитивистъ, грезящій о созданіи новой религіи... да еще религіи Христа! Религіозная натура, которой претятъ вѣра и таинственность, т.-е. самая душа религіи, и которая почти тутъ же проситъ Бога помочь ему, «напутствовать его для достиженія вѣчной и великой, невѣдомой... цѣли бытія»!

Такъ кто же, наконецъ, Левъ Толстой?

На этотъ вопросъ отвѣчу словами Громеки: «Я убѣжденъ, что гр. Толстой—*человѣкъ*, и человѣкъ въ такихъ предѣлахъ, что немногіе могли и могутъ съ нимъ сравниться. И въ этомъ человѣкѣ, котораго душу я вижу или, по крайней мѣрѣ, стараюсь видѣть въ цѣломъ, не отдирая отъ нея ничего по кусочкамъ, я никакъ не могу отдѣлить его глубокой мысли отъ его глубочайшаго чувства. Онъ для меня художникъ и мыслитель, и я только счастливъ, что и то, и другое исчезаетъ у него совершенно въ его человѣкѣ, который такъ необыкновенно далекъ отъ всѣхъ профессіональныхъ названій»...

XII.

КАКЪ НАДО ПОДХОДИТЬ КЪ УЧЕНІЮ Л. ТОЛСТОГО?

Всякая мысль ложна и справедлива. Ложна односторонностью, по невозможности человѣка обнять всей истины, и справедлива по выраженію одной стороны человѣческихъ стремленій (*Люцернъ*).

Неподвижная праведность фарисея ниже движенія кающагося разбойника на крестѣ (*Первая ступень*).

Мнѣ вотъ 80 лѣтъ, а я до сихъ поръ только ищу истину (*Л. Толстой въ Запискахъ Н. Н. Гусева*).

Проф. Козловъ утверждаетъ, что ученіе Л. Н. Толстого никакъ нельзя назвать философіей: его нельзя пріурочить ни къ какому философскому направленію, а автора—ни къ какой философской школѣ. Все это совершенная правда, какъ и то, что автору недостаетъ «систематическаго изученія науки въ тѣсной связи съ предшественниками». Но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ видѣть въ Толстомъ истиннаго философа, философа «въ корнѣ», невольно направляющаго мысль, съ первыхъ проблесковъ сознательной жизни, къ самымъ основнымъ вопросамъ бытія. Онъ даже началъ свою очень раннюю литературную дѣятельность, по его собственному признанію, съ философскаго трактата... Его молодой, еще не созрѣвшій умъ уже способенъ смѣло пробиваться сквозь густую чащу условностей, ходячихъ мнѣній и предразсудковъ, искать подъ слоемъ сомнительныхъ цѣнностей абсолютное, чутко прислушиваться, среди разноголосицы современной жизни, къ неподкупному голосу истины, которая для него обязательнѣе самыхъ дорогихъ сердцу, «насъ возвышающихъ обмановъ». Когда, со смертью брата, вся жизнь начинаетъ ему казаться «дичью, обманомъ», правда, какъ бы ни была она ужасна, продолжаетъ

привлекать его: «это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать» (*Изъ письма къ Фету*). И этой правды онъ жадно ищетъ всю жизнь, до послѣдняго вздоха.

Его злой фатумъ въ томъ, что на пути къ правдѣ онъ самъ безпрестанно мѣшаетъ себѣ. Крайняя впечатлительность и страшная сила воображенія мечутъ его изъ стороны въ сторону. И это вполнѣ естественно, такъ какъ «мышленіе человѣка органически связано со всѣмъ его существомъ» (*В. Джемсъ*).

Среди «соблазновъ», мѣшавшихъ ему въ достиженіи добра и истины, Толстой проглядѣлъ одинъ, очень важный: это—«соблазнъ схемы». Вдругъ вся интеллигенція предстанется ему въ образѣ самодовольнаго, самонадѣяннаго матеріалиста, не желающаго признавать ничего, кромѣ физіологическихъ процессовъ, высмѣивающаго всякіе вопросы о Богѣ, о душѣ, о смыслѣ жизни,—и вотъ Толстой съ негодованіемъ опрокидывается на ненавистный типъ, созданный на половину его воображеніемъ, и уже не видитъ въ это время подлинной души русскаго интеллигента, не замѣчаетъ въ ней тѣхъ же самыхъ исканій, порывовъ и мукъ совѣсти, что такъ дороги и близки ему... Или увѣрится вдругъ, что представители науки признаютъ только молекулу, бациллу и относятся съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ религіи, духу, третируютъ съ тупой самоувѣренностью или дѣтскимъ легкомысліемъ самое важное и священное: вѣроятно, передъ его глазами навязчиво мелькаетъ при этомъ самонадѣянная физіономія какого-нибудь знакомаго ученаго, съ которымъ онъ спорилъ и на котораго разсердился,—и онъ невольно обобщаетъ въ этомъ образѣ *всю* науку, *всѣхъ* ученыхъ, тогда какъ множество изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ этой схемой *).

Ему черезъ чуръ трудно отрѣшиться отъ себя и принять истину, противорѣчащую личному чувству. Онъ съ такой силой переживаетъ всѣ моменты жизни, отъ самыхъ важныхъ до ничтожныхъ, что уже не можетъ вырваться изъ-подъ власти своего субъективнаго настроенія. Вѣдь чело-

---

*) Довольно указать на книгу: „*А. Г. Табрумъ. Религіозныя впрованія современныхъ ученыхъ*“, изъ которой видно, что большинство крупныхъ и наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ очень серьезно считались и считаются съ вопросами религіи.

вѣкъ бываетъ иногда слабъ не потому, что онъ такой по существу, а потому, что его большія силы тащутъ его въ разныя стороны. Такъ было все время съ Толстымъ: сила воображенія подставляла ногу мысли, вовсе не слабой и не шаткой. Въ цѣпь его умозрѣній ворвется внезапно яркая картина, которой онъ спѣшитъ воспользоваться для выясненія своей идеи; но картина тотчасъ же порабощаетъ его и ведетъ за собой идею, куда ей вздумается. Такими картинами, сравненіями, образами испещрены всѣ его статьи и трактаты, такъ что нѣтъ надобности въ отдѣльныхъ примѣрахъ...

Увлеченіе схемой заставляетъ Толстого противопоставлять борьбу въ природѣ борьбѣ среди людей и восклицать: «когда въ людяхъ будетъ то же, что въ природѣ?» Въ природѣ все—на ножахъ, все полно хищничества и страха, все пожираетъ другъ друга, но борьба эта—«честная, простая, красивая», а людская борьба—«подлая». Волкъ раздираетъ ягненка, кошка «играетъ» съ мышью, хищникъ пьетъ теплую кровь жертвы, судорожно бьющейся въ его когтяхъ... Что тутъ, спрашивается, «красиваго»?

Повторяю: схемы то и дѣло искажаютъ передъ нимъ дѣйствительность, художникъ мѣшаетъ мыслителю, импульсивность натуры препятствуетъ осторожному обращенію съ истиной. И тѣмъ не менѣе Толстой, по исконнымъ стремленіямъ своего духа,—въ высшей степени философъ, способный пожертвовать, ради своей истины, многимъ и очень многимъ, остаться вѣрнымъ ей, хотя бы всѣ и все были противъ нея. Истина эта насъ не удовлетворяетъ—пусть такъ; но гдѣ же та философская истина, которая дала бы намъ полное удовлетвореніе, и возможно ли это? Гдѣ мыслитель, признанный безспорнымъ образчикомъ философскаго склада? И имѣемъ ли мы право устанавливать обязательныя примѣты для философа, какъ это дѣлаетъ проф. Козловъ? Такія претензіи указывали бы только на наше пристрастіе къ схемамъ, отъ котораго такъ пострадалъ Л. Толстой. Ради этихъ схемъ, намъ пришлось бы исключить и Ницше изъ строя философовъ. Оба они—и Толстой и Ницше—философы на свой ладъ, и не признать Л. Толстого философомъ значило бы, по вѣрному замѣчанію Л. Шестова, «отнять у философіи одного изъ виднѣйшихъ ея дѣятелей».

«Ученіе Л. Н. Толстого и не религія», говоритъ проф. Козловъ. Да, это правда: въ немъ не хватаетъ существенныхъ звеньевъ, чтобы стать религіозной системой въ полномъ смыслѣ слова. Но самъ Толстой—въ высокой степени религіозная натура, всю жизнь стремившаяся, сознательно и безсознательно, привести собственную волю въ гармонію съ Высшей, понять и оцѣнить существующее съ точки зрѣнія религіознаго идеала. И здѣсь опять главной помѣхой для него является онъ же самъ: его слишкомъ трезвая мысль, крѣпко пришитая къ эмпирической дѣйствительности, къ факту, привыкшая недовѣрчиво коситься на все сверхчувственное, сверхсознательное, и его неутомимая, неугомонная воля, для которой необходимо было самой всего достичь и притомъ сейчасъ же, не сходя, такъ сказать, съ мѣста. Правда, онъ непомѣрно сузилъ область религіозныхъ настроеній и достиженій, но въ этой суженной области онъ десятки лѣтъ жилъ и работалъ ради своего религіознаго идеала, отдавая ему все, что онъ въ силахъ былъ отдать. Этимъ, быть можетъ, и объясняется прежде всего тотъ фактъ, что Л. Толстой съ такой силой всколыхнулъ въ широкой массѣ общества религіозные и этическіе вопросы.

Я считаю это огромной заслугой. Люди, не признающіе за упомянутыми вопросами глубокаго жизненнаго значенія, забываютъ, что въ душевной жизни человѣка все связано органически: настроенія и поступки, разсматриваемые обыкновенно, какъ результаты ближайшихъ поводовъ, на самомъ дѣлѣ выростаютъ изъ глубокихъ подпочвенныхъ корней, изъ сферы подсознательнаго. А тамъ происходитъ неопредѣленное множество смутныхъ переживаній, въ связи съ вопросами жизни и смерти; складывается неосознанное отношеніе къ этимъ вопросамъ, которое придаетъ извѣстную окраску многимъ душевнымъ движеніямъ и поступкамъ. Это «подпочвенное» не поддается формулировкѣ, даже обычно не замѣчается, пока какая-нибудь внутренняя катастрофа не взволнуетъ душу до дна: тогда на поверхность всплываютъ роковые вопросы, и человѣкъ съ удивленіемъ чувствуетъ, что они для него не совсѣмъ новые, что онъ безсознательно много разъ прикасался къ нимъ.

Я знаю людей, которыхъ къ Толстому приводила какая-

нибудь внутренняя трагедія. Всѣ эти его религіозныя, моральныя, метафизическія проблемы, представлявшіяся такими далекими, чуждыми, вдругъ оказывались необыкновенно близкими, какъ будто давно сжился съ ними, только не узналъ ихъ въ лицо. А можете ли вы почувствовать, какъ близкое, то, чего никогда не бывало у васъ въ душѣ? Вопросы жизни, души, смысла могутъ уходить съ поля сознанія у отдѣльнаго человѣка или цѣлаго общества, но они всегда сидятъ тамъ, въ глубинѣ, и неощутимо дѣлаютъ свое дѣло: они никогда не старѣютъ, не изживаются. Если бы можно было пролить достаточный свѣтъ на тайники подсознательнаго, мы увидали бы съ изумленіемъ, какими безчисленными нитями связана наша повседневная жизнь съ нашимъ неосознаннымъ ощущеніемъ роковыхъ вопросовъ. Громека, ясно сознававшій глубокое жизненное значеніе «общихъ вопросовъ», доказываетъ въ своей книгѣ о Толстомъ, что то или другое отношеніе къ нимъ играетъ въ исторіи «неизмѣримо важнѣйшую роль, чѣмъ это теперь принято у насъ думать», что съ ними связаны и гражданская, и политическая, и частная жизнь, что «способы рѣшенія этихъ вопросовъ отражаются на нравственныхъ мѣркахъ, на ближайшихъ идеалахъ, на средствахъ къ ихъ достиженію». Словомъ, «они даютъ тонъ всему остальному». Они же кладутъ свой отпечатокъ на «общее чувство бытія», составляющее, по словамъ Рибо, «основу личности»: «это общее чувство..., на которое большинство людей не обращаетъ вниманія и изученіемъ котораго пренебрегали слишкомъ многіе психологи, служитъ главной опорой нашей душевной жизни». *(Наслѣдственность душевныхъ свойствъ)*.

Да, Л. Толстой сдѣлалъ великое дѣло, выдвинувъ лишній разъ на первый планъ глубочайшія стороны внутренней жизни человѣка. Будь онъ болѣе умѣлымъ, но безстрастнымъ мыслителемъ, у насъ, вѣроятно, не нашлось бы столько серьезныхъ возраженій противъ его доводовъ и выводовъ, но зато онъ не разворошилъ бы такъ современную душу, не поднялъ бы въ ней такого роя вѣчныхъ тревожныхъ вопросовъ. Для этого нужны были, помимо громкой извѣстности Толстого, его страстная, воинствующая натура, безудержный радикализмъ, потребность плыть противъ теченія, упрямое преслѣдованіе своей цѣли и привычка тотчасъ же переходить отъ слова къ дѣлу. Нужна

была его наивная, чисто юношеская вѣра въ могущество мысли, въ непреодолимую силу истины («отвлеченная истина будетъ истиной и въ дѣйствительности»), въ безграничное творчество человѣческаго духа, благодаря которому всѣ могутъ быть мудрыми, добрыми, самоотверженными, въ возможность осуществленія здѣсь, на землѣ, царства Божія...

Трудно рѣшить, что важнѣе: дать ли крупицу неоспоримой истины—или путемъ своихъ мучительныхъ блужданій подстрекнуть людей самихъ приняться за поиски, вызвать къ жизни нужныя для этого, но дремлющія силы, пробудить сознаніе личной моральной отвѣтственности? Самъ Толстой, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что «весь смыслъ и радость жизни» заключаются въ «личномъ усиліи къ совершенству» *(О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ)*, что «блаженство есть дѣланіе своего блаженства». Чѣмъ больше человѣкъ узнаетъ истину, тѣмъ больше ему нужно знать, и потому онъ «постоянно чувствуетъ свое незнаніе». *(Предисловіе къ дневнику Аміеля)*. Искать, вѣчно искать, неустанно домогаться—вотъ послѣднее слово Л. Толстого. Страшна неподвижность, самодовольство, увѣренность, что обладаешь истиной; еще страшнѣе неискренность, лицемѣріе передъ самимъ собой, когда заставляешь себя итти туда, куда не лежитъ сердце: «Къ Богу, въ родѣ того, какъ жениться, надо итти только тогда, когда и радъ бы не пойти, да не могу. И потому всякому не то что скажу: «иди въ соблазны нарочно»; а тому, кто такъ ставитъ вопросъ: «а что, не прогадаю ли я, если пойду не къ чорту, а къ Богу?» закричу во все горло: «иди, иди къ чорту, непремѣнно къ чорту!» Во сто разъ лучше обжечься хорошенько на чортѣ, чѣмъ стоять на распутьи или лицемѣрно итти къ Богу». *(Кругъ чтенія*, II-й томъ).

Мы видимъ, что, при всемъ пристрастіи къ дидактикѣ, Толстой самъ возстаетъ противъ догматизма. Мораль его, напримѣръ, безпощадно бичуетъ всякаго рода опьяненіе, но самъ Толстой «любитъ пьяницъ». *(Дневникъ Булгакова* и *Записки Гусева)* *). Съ высоты его ученія, люди кажутся ему нравственно ничтожными, но стоитъ ему спуститься

*) Самое доброе, совершенное и милое существо въ морѣ это—пьяный на первомъ взводѣ мужикъ». *(Письма гр. Л. Н. Толстого къ женѣ*, № 198; ср. № 209).

съ высотъ, и онъ уже понимаетъ ихъ, сочувствуетъ, прощаетъ. «Выйдешь къ нимъ (босякамъ), не можешь удержаться отъ непріятнаго чувства», говорилъ Л. Н. Булгакову, «а когда вникнешь»... Вотъ это «*когда вникнешь*» чрезвычайно характерно для Толстого: толстовецъ помнитъ лишь свою формулу и не вникаетъ, а Л. Толстой вникаетъ и, вникая, забываетъ формулу.

Поступимъ и мы такъ же съ его ученіемъ: забудемъ о формулахъ и вникнемъ въ то, что скрывается подъ ними. Попробуемъ подойти къ этому ученію съ его закулисной стороны, которая лишь изрѣдка просвѣчиваетъ сквозь толщу моральныхъ формулъ, и вскрыть живое подсознательное, притаившееся подъ гладкимъ льдомъ толстовской разсудительности. Вѣдь если бы дѣло шло только о разсудительности, развѣ у Льва Толстого хватило бы терпѣнья упорно твердить десятки лѣтъ все однѣ и тѣ же поучительныя фразы? И откуда бы взялась та почти фанатическая страстность, которой часто дышитъ его проповѣдь?

«Разумная любовь» Толстого, принятая формально, безъ существенныхъ поправокъ, можетъ сдѣлать наше сердце анемичнымъ. Но попытаемся предварительно прокорректировать ее непосредственнымъ чувствомъ, и она утратитъ свою нивеллирующую силу. Вѣдь самъ же Толстой говоритъ, что человѣкъ думаетъ то, «чего желаетъ его сердце». (*Дневникъ* 1896 г.). Послѣдуемъ его мысли—и мы нащупаемъ подъ формулами отвлеченной любви живую правду. Мы, конечно, не полюбимъ всѣхъ одинаково, вплоть до Ирода, но въ нашемъ сознаніи можетъ зародиться протестъ противъ привязанности исключительно къ близкимъ, лишній разъ блеснуть идеалъ всечеловѣческой любви, братства, равенства. Именно, этотъ идеалъ, брезжившій всю жизнь передъ Л. Толстымъ, побуждалъ его еще въ 1885 году писать: «Любовь очень опасное слово. Вы знаете, что во имя любви къ семьѣ совершаются самые злые поступки, во имя любви къ отечеству—еще худшіе, а во имя любви къ человѣчеству—самые страшные ужасы». *(Къ Энгельгардту)*. Ему хочется найти неразрушимый, неизмѣнный фундаментъ для *истинной* любви, *истиннаго* братства. За одно это чистое, святое желаніе можно простить ему всѣ ошибки. Вѣдь такъ нужны всѣмъ намъ великія идеи, даже великія мечты... даже простое напоминаніе о нихъ! Это особенно

важно, какъ противовѣсъ грубому національнизму, шовинизму, кастовымъ суевѣріямъ. Идея широкой, общечеловѣческой любви дорога, какъ волна свѣжаго воздуха, хлынувшая въ тѣсную, задхлую конуру крошечныхъ, но острыхъ личныхъ чувствъ, волненій, заботъ.

По ученію Толстого, надо спасаться отъ всего личнаго, обуздывать въ себѣ личность, вытравить ее по возможности, какъ помѣху для истинной жизни, для истиннаго блага. Получается абсурдъ: если каждый сведетъ свою личность къ нулю, то въ результатѣ будетъ какой-то огромный «разумный» нуль, а по отношенію къ нулю, какимъ бы совершеннымъ онъ ни былъ, у насъ не можетъ остаться ни малѣйшаго интереса. Вспомните самоотверженную Соню въ «*Войнѣ и мирѣ*»: личность ея совершенно растворилась въ окружающихъ, и потому всѣ ея добродѣтели теряютъ цѣну въ глазахъ и автора, и читателей. Нуль, хотя бы онъ былъ идеально «круглымъ», математически совершеннымъ, все-таки есть ничто. Если апоѳеозъ безличности и импонируетъ на иныхъ приверженцевъ Л. Толстого, то потому только, что онъ исходитъ отъ крупной, ярко выраженной личности.

Но забудьте о формулѣ и вспомните, какъ отравляетъ сплошь и рядомъ человѣка его «личное». Тогда вы почувствуете правду въ словахъ Толстого: «Жизнь для себя — мука: все равно, какъ одѣвать и кормить тѣнь» (*Для чего мы живемъ*). «Избавленіе отъ личности» вы истолкуете, какъ избавленіе отъ тупика, куда заводитъ человѣка безпросвѣтный эгоизмъ узкихъ личныхъ интересовъ, какъ призывъ къ духовному простору, къ расширенію и росту личности: вѣдь только широкая и развитая личность способна вмѣстить идеалы возвышенной любви, всеобщаго равенства и братства. Даже къ отреченію отъ самой себя, свободному и сознательному, можетъ придти лишь очень крупная и богатая духомъ личность. Безличности могутъ покорно и добросовѣстно отбывать всѣ религіозныя и моральныя повинности, но велика ли цѣна этого? Вѣдь и для Толстого были интересны люди, мыслящіе, чувствующіе, стремящіеся, а не граммофонныя пластинки, удачно подражающія человѣческому голосу.

То же и съ догматомъ непротивленія. Попробуемъ подойти къ нему просто, по-человѣчески, не дѣлая изъ него идола, и мы тотчасъ почувствуемъ правду, притаившуюся

за спиной догмата. Я знаю людей, относящихся совершенно отрицательно къ этой догмѣ Толстого и, въ то же время, восторженно привѣтствующихъ его горячій протестъ противъ насилія. Они сами насмотрѣлись на всевозможныя возмутительныя формы насилія, сами успѣли возненавидѣть его, и потому имъ передалось съ такой силой чувство Л. Толстого, породившее его математическую формулу,—чувство глубоко правдивое, глубоко человѣчное. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не видимъ на каждомъ шагу, какую страшную порчу причиняетъ насиліе въ политикѣ, воспитаніи, семьѣ, школѣ, во всѣхъ формахъ и видахъ людскихъ отношеній? И развѣ не великъ Л. Толстой уже однимъ тѣмъ, что столько лѣтъ громко и упорно, на весь міръ, позорилъ и проклиналъ насиліе?

Въ наше время, когда человѣческая жизнь такъ обезцѣнена, душа находится въ такомъ забросѣ,—намъ долженъ быть особенно дорогъ голосъ Л. Толстого, неустанно напоминающій, что «человѣческая жизнь выше чудесъ техники», что человѣка «надо почитать, какъ самый священный предметъ, который только есть на свѣтѣ». Въ эпоху, когда свирѣпствуютъ произволъ и насиліе, лучше протестовать противъ *всякаго* насилія, чѣмъ оправдывать его «разумными основаніями», такъ возмущавшими Толстого...

Государство, правительство, общественная дѣятельность, значеніе реформъ, цивилизація, роль науки, искусства—по всѣмъ этимъ вопросамъ мы можемъ открыть у Л. Толстого долю настоящей, жизненной правды, если только на мѣсто его математики подставимъ его интунцію, которую онъ тщетно пытался втиснуть въ параграфы своего моральнаго устава: чтобы достать зерно, надо разбить скорлупу...

Толстовецъ, стремящійся жить по его Уложенію моральныхъ законовъ, отстоитъ несравненно дальше отъ истиннаго духа своего учителя, чѣмъ тѣ, которые, высоко цѣня личность Л. Толстого, живутъ, безпрестанно противорѣча его формуламъ, но оставаясь вѣрными своей основной индивидуальности. «Быть самимъ собой»—вотъ заповѣдь, какъ нельзя болѣе отвѣчающая подлинному духу Л. Толстого...

XIII.

ПОДВИГЪ.

Зачѣмъ все такъ прекрасно, ясно у меня на душѣ и такъ безобразно выходитъ на бумагѣ и вообще въ жизни, когда я хочу примѣнить къ ней что-нибудь изъ того, что думаю? (*Юность*)

Мнѣ 82 года, но и мнѣ предстоитъ много работы надъ собой. Мое положеніе представляется мнѣ иногда, какъ положеніе землекопа передъ огромной кучей, массой еще не тронутой земли (*Л. Толстой въ Дневникѣ Булгакова*).

Л. Толстой не открылъ намъ никакихъ новыхъ истинъ, не далъ новой религіозно-философской системы, логически стройной, убѣдительной, и проф. Козловъ имѣетъ полное право упрекать его въ необоснованности, предвзятости и архаическомъ догматизмѣ философскихъ воззрѣній. Мало того: Толстому не удалось преодолѣть даже двойственности, терзавшей его, какъ мы видѣли, всю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, вѣчно томиться жаждой единства, цѣльности, гармоніи—и кончить зіяющимъ дуализмомъ: матерія—и Богъ, плоть—и разумное сознаніе, какъ два врага, животное начало—и духовное начало, эти два медвѣдя въ одной берлогѣ, истинный разумъ—и ложный разумъ, т.-е., плюсъ-разумъ и минусъ-разумъ... Относиться такъ скептически къ философской мысли—и броситься въ объятія самой примитивной философіи; чутко прислушиваться всю жизнь къ голосамъ стихійныхъ силъ, передъ которыми въ страхѣ отступаютъ усилія человѣческаго ума и воли,—и потомъ, въ угоду разсудочному сознанію и «вопреки стихіямъ», совершенно забыть о нихъ; благоговѣть передъ правдой— и такъ рѣшительно перешагнуть черезъ нее! Развѣ все это не трагическая иронія?

Протопопъ Аввакумъ умеръ «за одинъ азъ». Съ точки зрѣнія утилитарной цѣлесообразности, это—не болѣе, какъ безуміе; а между тѣмъ тутъ—громадная моральная сила, тутъ—подвигъ. Нравственная истина не есть какая-нибудь готовая формула, которою можно обогатить себя за чужой счетъ, и нравственное величіе оцѣнивается не по какимъ-либо осязательнымъ практическимъ результатамъ: «Дѣло истинной жизни, чѣмъ настоящѣе оно, тѣмъ отдаленнѣе его послѣдствія, и не только отдаленны, но безконечны послѣдствія истинной жизни, и потому увидать ихъ нельзя». *(Для чего мы живемъ)*. Тутъ ошибки могутъ быть иногда дороже самыхъ наглядныхъ истинъ. Герой самоотверженной любви, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, оплошностяхъ, даже паденіяхъ, все-таки ближе къ истинѣ, чѣмъ любой благоразумный обыватель, осторожно избѣгающій ошибокъ. Это «ни тепелъ, ни холоденъ» всегда было не по нутру Толстому: еще въ *Люцернѣ* онъ обрушивается горячей тирадой на «дешевое обывательское благоразуміе» съ его «жалкимъ счастіемъ».

Есть гармоническія, уравновѣшенныя натуры, которыя идутъ по житейскому пути, какъ по рельсамъ. Внутренняя цѣльность, согласіе съ собой даны имъ готовыми. Они такъ легко, безъ усилій и любятъ, и вѣрятъ. Если имъ удается попасть въ благопріятное теченіе, оно незамѣтно приноситъ ихъ къ желанному берегу; а если такого теченія не случится, они идутъ впередъ собственной дорогой, всегда вѣрныя себѣ, простыя, ясныя, прочныя. Но есть другого рода натуры: съ вѣчнымъ разладомъ въ душѣ, съ постоянной внутренней борьбой. Онѣ движутся не по рельсамъ, а по буеракамъ, и каждый шагъ дается имъ съ бою. Жаждутъ вѣрить, любить—и не могутъ, потому что многое внутри нихъ самихъ мѣшаетъ этому.

Къ такому типу принадлежитъ Л. Толстой: въ немъ заложены неизмѣримыя духовныя богатства,—но что за хаосъ, за дисгармонія! Одно «*я*» стремится всѣхъ растолкать и все захватить себѣ, другое «*я*» чувствуетъ отвращеніе къ этому, силится забыть о себѣ, отдать себя и все свое чужимъ. Первое—инстинктивный мизантропъ, второе—возвышенный человѣколюбецъ; первое жадно требуетъ личнаго счастья, наслажденья, второе всю жизнь тоскуетъ по высшему, по неличному. Какое же изъ нихъ слѣдуетъ признать «истиннымъ *я*»?

Во всякомъ случаѣ, второе, высшее «*я*» столь же искренне и подлинно, какъ и первое, потому что оно въ теченіе долгихъ лѣтъ непрерывно подаетъ свой властный голосъ. Если въ гармоническихъ натурахъ насъ восхищаетъ духовная красота, то въ такихъ, какъ у Л. Толстого, насъ подкупаетъ величіе—по той упорной, гигантской работѣ, какую совершило его высшее «*я*».

Толстого привыкли считать необыкновеннымъ счастливцемъ. Даже переворотъ, постигшій его, объясняютъ именно этимъ. По мнѣнію Громеки, напримѣръ, пресыщеніе индивидуальнымъ счастіемъ ускорило въ Толстомъ переворотъ. Таковъ, на его взглядъ, психологическій законъ: прежде, чѣмъ постигнуть общее, мы должны пережить все индивидуальное, отжить все личное, эгоистическое. Но былъ ли въ самомъ дѣлѣ Толстой такимъ счастливцемъ? Здоровье, обезпеченность, слава, любимый трудъ, широкая дѣятельность, семья—все это не безъ основанія признается условіями счастливой жизни, и все это было у Толстого. Но вѣдь счастье есть не что иное, какъ *ощущеніе* счастья: здоровый, полный жизни ребенокъ можетъ иногда, при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, быть веселымъ, жизнерадостнымъ, тогда какъ меланхоликъ не перестанетъ мучиться въ идеально счастливой обстановкѣ. Дѣло, значитъ, не столько въ объективныхъ условіяхъ, сколько въ *способѣ* воспринимать ихъ.

Дѣтство Л. Толстого было на рѣдкость счастливое. Да и вообще, здоровый физически, онъ выросъ въ обстановкѣ, гдѣ могъ сберечь полноту силъ: не было ни нужды, ни изсушающихъ сердце заботъ, ни первыхъ надрывовъ, какъ у Достоевскаго, ни «кладбищенскаго духа», отъ котораго такъ пострадали Помяловскій, Успенскій и многое множество другихъ. Въ Толстомъ сохранилась тѣлесная жизнерадостность, поддерживаемая здоровыми привычками, жизнью въ деревнѣ, свободой, независимостью; но того беззаботнаго, бездумнаго наслажденія жизнью, какое свойственно непосредственнымъ натурамъ, для него не существовало, какъ только онъ вышелъ изъ дѣтства.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, какъ онъ самъ говоритъ, появляется въ немъ способность и склонность смотрѣть на себя со стороны. Николенька Иртеньевъ страстно любилъ мать, и тяжело ему было разставаться съ нею въ пер-

вый разъ въ жизни: «Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляли мнѣ удовольствіе и отраду». Даже когда она умерла, онъ не могъ воздержаться отъ рисовки и самолюбованія: «Прежде и послѣ погребенія я не переставалъ плакать и былъ грустенъ, но мнѣ совѣстно вспомнить эту грусть, потому что къ ней всегда примѣшивалось какое-нибудь самолюбивое чувство. Я презиралъ себя за то, что не испытывалъ исключительно одного чувства горести и старался скрывать всѣ другія. Сверхъ того, я испытывалъ какое-то наслажденіе, зная, что я несчастливъ, старался возбуждать сознаніе несчастія, и это эгоистическое чувство больше другихъ заглушало во мнѣ истинную печаль».

Позже, въ юности, черта эта особенно обострилась: хвастливость и рисовка примѣшивались ко всѣмъ интересамъ, увлеченіямъ. Даже на исповѣди, въ припадкѣ религіознаго умиленія, Иртеньевъ думаетъ о томъ, что, навѣрно, духовникъ никогда не встрѣчалъ и не встрѣтитъ такой прекрасной души, какъ у него; даже передъ извозчикомъ ему нестерпимо хочется похвастать своими добродѣтелями.

Отъ такой раздвоенности вѣетъ скорѣе Достоевскимъ, чѣмъ Толстымъ. Самолюбованіе во время религіозныхъ порывовъ или въ самомъ разгарѣ душевныхъ мукъ и презрѣніе къ себѣ за него, рисовка, подчасъ истерическая, ложь, уживающаяся бокъ-о-бокъ съ искренностью и самобичеваніемъ, наслажденіе отъ сознанія своего несчастія и паденія—все это характерные мотивы Достоевскаго. Перечитайте страницы изъ «Дѣтства и отрочества», посвященныя описанію вечера послѣ того, какъ «я» получилъ единицу: вѣдь это «Записки изъ подполья»! Вспомните изъ «Юности», какъ Иртеньевъ, чувствуя себя мучительно неловко у кн. Корнаковой, страстно хочетъ уѣхать—и не можетъ: «Я до конца вечера мрачно простоялъ на одномъ мѣстѣ, и только когда всѣ, разъѣзжаясь, столпились въ передней и лакей надѣлъ мнѣ шинель на конецъ шляпы, такъ что она поднялась, я сквозь слезы болѣзненно засмѣялся и, не обращаясь ни къ кому въ особенности, сказалъ-таки: «Comme c'est gracieux!»» Можно подумать, что это герой «Подполья» затесался въ аристократическій домъ и испытываетъ тамъ тѣ же муки, какія испыталъ на прощальномъ обѣдѣ, когда битый часъ ходилъ вдоль стѣнки.

Сравнивая Николеньку Иртеньева съ братомъ Володей или Сережей Ивинымъ, сразу видишь, что онъ, рядомъ съ ними,—мученикъ: они могутъ такъ легко, непосредственно наслаждаться, а онъ, живущій въ тѣхъ же условіяхъ, тотчасъ самъ сдѣлаетъ для себя изъ удовольствія пытку, какъ умѣлъ дѣлать это Левинъ, въ противоположность непосредственному Стивѣ Облонскому. Толстой самъ мѣшалъ себѣ болѣзненнымъ самолюбіемъ, мнительностью, привычкой разсматривать себя со стороны и непомѣрно преувеличивать все, подобно «подпольнымъ людямъ» Достоевскаго.

Съ этой несчастной особенностью соединялась другая, совершенно ненормальная для отрока: нездоровая рефлексія, нездоровый скептицизмъ, чуть не доведшій мальчика до сумасшествія. Результатами этихъ несчастныхъ свойствъ были, по словамъ Толстого, изворотливость ума, ослабленіе воли, привычка къ постоянному моральному анализу, утрата свѣжести чувства и ясности разсудка. Все это страшно портило ему радость жизни и прежде, и послѣ, и всегда... «Вопросы: «зачѣмъ? ну, а потомъ?» всегда жили въ вашей душѣ... выражались во всей вашей дѣятельности, во всей вашей жизни»,—говоритъ Громека, обращаясь къ Левину-Толстому. «А когда вы были Пьеромъ Безухимъ, такъ вы и тогда даже тѣ *вопросы* задавали себѣ именно теперешними словами: *Къ чему? зачѣмъ? что такое творится на свѣтѣ?*»

Можно ли назвать такую натуру «счастливой», если Толстой никогда, даже въ ранней юности, не могъ отдаваться впечатлѣніямъ жизни безъ оговорокъ, безъ оглядки? Хоть онъ, по словамъ Д. Д. Оболенскаго, и «увлекался всегда во всю», однако въ сердцевинѣ каждаго увлеченія таился червь, подтачивавшій смыслъ и радость бытія.

Возможна ли настоящая жизнерадостность, когда передъ тобой вѣчно носится призракъ смерти, какъ это было съ Толстымъ? Тутъ—не боязнь за свою драгоцѣнную жизнь, свойственная мнительнымъ эгоистамъ, а непрестанное ощущеніе тщеты и бренности всего существующаго. Бездна, куда стремительно несется все живое, всегда стояла передъ нимъ, заставляя его содрогаться, и онъ инстинктивно метался, чтобы не замѣчать ея. «И стоитъ ли того мучиться, когда жить остается одну секунду въ сравненіи съ вѣч-

ностью?» думалъ Пьеръ. Развѣ можетъ что бы то ни было въ мірѣ сдѣлать человѣка менѣе подверженнымъ злу и смерти? «Умрешь—все кончится».—«Да что же? я не перестаю думать о смерти», говорилъ Левинъ. «Когда поймешь, что нынче-завтра умрешь и ничего не останется, то такъ все ничтожно. Такъ и проводишь жизнь, развлекаясь охотой, работой, чтобы только не думать о смерти». И Пьеръ Безухій такъ же: «Слишкомъ страшно было быть подъ гнетомъ этихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ жизни, и онъ отдавался первымъ увлеченіямъ, чтобы только забыть ихъ. Онъ ѣздилъ во всевозможныя общества, много пилъ, покупалъ картины и строилъ, а главное—читалъ». Всѣ люди представлялись ему спасающимися отъ жизни: «кто честолюбіемъ, кто картами, кто писаніемъ законовъ, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми. Нѣтъ ни ничтожнаго, ни важнаго, все—равно: только бы спастись отъ нея, какъ умѣю».

Вѣроятно, люди, кутившіе съ Пьеромъ, считали его жизнерадостнымъ. Такую же ошибку дѣлаютъ, усматривая въ Толстомъ радость бытія. Вѣдь наружное обманчиво, и подъ самымъ цвѣтущимъ видомъ скрывается иногда серьезный недугъ. Толстой, съ его страстнымъ темпераментомъ, могъ увлекаться, влюбляться, наслаждаться, но вѣдь въ человѣкѣ, кромѣ темперамента, есть душа, а въ душѣ, рядомъ съ любовью къ красотѣ, гармоніи, силѣ, движенію, можетъ звучать несмолкающій голосъ: «Все—тщета и суета и ничтожество!» Можно увлекаться страстными порывами—и, въ то же время, сознавать съ горечью кратковременность и иллюзорность переживаемаго, такъ ясно видѣть безотрадный конецъ всего, что сейчасъ занимаетъ и волнуетъ тебя. Толстой могъ бы замереть отъ ужаса въ неподвижномъ созерцаніи бездны (временами онъ и замиралъ), но его выручали порывистая, неусыпная воля, заставлявшая его всю жизнь кипѣть въ рабочемъ котлѣ, и огромная впечатлительность, благодаря которой онъ инстинктивно отзывался на живые голоса жизни. Однако, никакія увлеченія не въ силахъ были заслонить отъ него страшной бездны. Онъ могъ бы сказать про себя словами кн. Андрея Болконскаго:—«Я вижу, что сталъ понимать слишкомъ много. А не годится человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла».

Другая мука всей его жизни это—вѣчное грызущее недовольство самимъ собой, доходившее временами до отвращенія къ себѣ. Когда онъ удивлялся, какъ это люди не видятъ въ немъ слабостей и пороковъ, удивленіе его было совершенно искреннимъ: такъ мучительно ощущалъ онъ въ себѣ черты, всегда ненавистныя для него! Онъ ловилъ себя на несоотвѣтствіи между словомъ и дѣломъ, проповѣдью и жизнью, и въ глубинѣ души шевелилось сомнѣніе: вполнѣ ли я искренень? люблю ли я по настоящему свой идеалъ, если продолжаю жить въ противорѣчіи съ нимъ? Вѣдь есть же люди, жертвующіе всѣмъ для своего идеала!.. «Я думаю», говорилъ онъ *В. Ѳ. Булгакову*, «что всякій думаетъ: «проклятый старпкашка, говоритъ одно, а дѣлаетъ другое и живетъ иначе: пора тебѣ подохнуть, будетъ фарисействовать-то!» Въ этомъ выразилось его собственное чувство, терзавшее его,—чувство, которое онъ испытывалъ на протяженіи всей сознательной жизни: только что, бывало, рѣшитъ окончательно и безповоротно быть трудолюбивымъ, нравственно-чистымъ, христіанскикроткимъ, какъ вдругъ рпнется въ бездну распущенности, страстей, азарта, гордости, запальчивости,—и снова презираетъ, и снова бичуетъ себя...

Но если бы и не существовало этихъ двухъ гарпій—страха смерти и муки недовольства собой—онъ все-таки не чувствовалъ бы себя счастливымъ: слишкомъ ужъ высокъ и недоступенъ былъ его идеалъ, отдѣленный отъ дѣйствительности зіяющей пропастью. Другіе могутъ, хоть на время, удовлетворяться суррогатами, успокаиваться на разныхъ общественныхъ, политическихъ, просвѣтительныхъ начинаніяхъ; атмосфера партіи или кружка единомышленниковъ смягчаетъ для нихъ удары безпощадной дѣйствительности, создаетъ иллюзію какого-то общаго, крупнаго, живого дѣла,—а Толстого не удовлетворяли и не успокаивали ни въ какой степени суррогаты дѣла, жалкія подобія добра и правды. Онъ всю жизнь стоялъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ партій и общественныхъ вѣяній, лицомъ къ лицу съ неумолимой правдой жизни, съ повелительными требованіями идеала, которымъ не могли удовлетворить никакія «маленькія дѣла». Эта черта рѣзко выступаетъ во всѣхъ его любимыхъ герояхъ, проходитъ яркой полосой по всей жизни самого Льва Толстого.

Человѣкъ, котораго коробитъ отъ малѣйшаго диссонанса

между идеаломъ и дѣйствительностью, какъ внѣшней, такъ и внутренней, не можетъ быть счастливъ въ обычномъ смыслѣ этого слова: музыкантъ съ необычайно тонкимъ слухомъ, обреченный внимать фальшивымъ нотамъ, едва ли способенъ чувствовать себя хорошо...

Но кромѣ внутреннихъ особенностей, и во внѣшнихъ условіяхъ было для Л. Толстого немало мучительнаго. Начавъ свою моральную проповѣдь, Толстой оказался въ очень невыгодномъ положеніи: слишкомъ многое въ жизни успѣлъ уже онъ развѣнчать, слишкомъ многое разрушить въ себѣ самомъ разсудочно-скептической мыслью. Движимый настойчивымъ стремленіемъ къ святости да непоколебимымъ сознаніемъ нравственнаго долга, онъ судорожно карабкается на отвѣсъ, въ тщетномъ усиліи придать настоящія плоть и кровь своему отвлеченному Богу и разуму. Ради этого, онъ готовъ отдать всѣ силы, всѣ земныя блага, какъ евангельскій купецъ—ради пріобрѣтенія драгоцѣнной жемчужины.

Положеніе отягчается еще условіями личной жизни, совсѣмъ не благопріятными для успѣха проповѣди. Все то, что онъ такъ восхвалялъ,—«работа на другихъ, бѣдность, униженіе, безправіе»—было всю жизнь слишкомъ далеко отъ него, а то, что казалось теперь «дурнымъ и низкимъ»,—богатство, собственность, права и разнаго рода земныя блага—съ дѣтства стало для него привычнымъ. Онъ былъ опутанъ по рукамъ и ногамъ тѣми условіями, противъ которыхъ горячо возставалъ въ своей проповѣди. Сколько силъ было потрачено ужъ на одно то, чтобы выбиваться изъ этой сѣти!

Его со всѣхъ сторонъ упрекали: зачѣмъ онъ не роздалъ имущества, не ушелъ въ бѣдную, трудовую жизнь? Въ упрекѣ этомъ много несправедливаго: развѣ, кромѣ матеріальныхъ жертвъ, нѣтъ другихъ, не менѣе важныхъ и трудныхъ? А Толстой безпрестанно приносилъ такія жертвы: онъ не почивалъ на лаврахъ, не сибаритствовалъ,а жертвовалъ ради своего Бога и нравственнаго долга спокойствіемъ, досугомъ, здоровьемъ. Мы можемъ не принимать его истины, но мы должны признать, что жизнь его послѣ переворота вся окрашена подвижничествомъ во имя этой истины. Вѣдь онъ принужденъ былъ бороться на два фронта: съ окружающимъ и съ самимъ собой. Трудно представить, какую внутреннюю ломку онъ пережилъ, сколько не-

человѣческихъ усилій долженъ былъ употребить, чтобы «переплавить» себя. Съ какимъ героическимъ напряженіемъ силился онъ вытравить изъ своего сердца самолюбіе, необузданность, страстность, можно видѣть изъ *Отца Сергія* и многихъ другихъ произведеній. Въ 1910 году онъ говорилъ *В. Ѳ. Булгакову*, что лишь какихъ-нибудь полтора года, какъ онъ избавился отъ «соблазна славы мірской».

Если вспомнить, что ему приходилось плыть противъ теченія, рѣзко противоставлять свое «*я*» окружающему, то станетъ ясно, что сама жизнь была способна скорѣй обострять, чѣмъ смягчать присущія ему нетерпимость и прямолинейность: черты эти какъ бы оттачивались непрерывно объ окружающую обстановку. Невольно подивишься той доли самообладанія, какой достигъ онъ упорной работой надъ собой.

Идеалъ потребовалъ отъ него особенно тяжелой жертвы: отреченія отъ себя какъ отъ художника,—и онъ повиновался. Какъ непосильно трудна такая жертва для человѣка, успѣвшаго органически срастись съ искусствомъ*), видно изъ того, что Толстой, отказавшись отъ художественнаго творчества, неоднократно возвращался къ нему, много разъ томился желаніемъ написать то или другое, а когда думалъ, что пришла смерть, жалѣлъ объ одномъ «художественномъ замыслѣ», который долженъ остаться невыполненнымъ. *(Записки Н. Н. Гусева)*.

Но была съ его стороны еще одна жертва, о которой подозрѣваютъ лишь немногіе. Жертва эта—незримая, не поддающаяся никакому учету, но, быть можетъ, наиболѣе тяжкая, и Л. Н. годами, сознательно или безсознательно, приносилъ ее. Я имѣю въ виду настоятельную потребность въ самоуглубленіи, которую Толстой ощущалъ все сильнѣе. Такъ хотѣлось, такъ нужно было уйти на время въ тишину, «въ пустыню», пожить глазъ на глазъ со своимъ Богомъ, ощутить его въ уединеніи полнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ это можно сдѣлать, живя на людяхъ, заглянуть поглубже въ свое истинное «*я*», пожить тѣмъ «нижнимъ, глубокимъ теченіемъ истинной жизни», о которомъ онъ писалъ въ дневникѣ 1901 года, выздоравливая отъ тяжкой болѣзни.

---

*) «Какъ бы я отдохнулъ на такой работѣ! пишетъ онъ женѣ (1882 г.).—Какъ задумаю объ этомъ, такъ точно какъ задумаю о лѣтнемъ купаньѣ».

XIV.

«НИЖНЕЕ ГЛУБОКОЕ ТЕЧЕНІЕ».

Если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни. (Война и миръ).

Я понялъ недавно, какъ важно въ моемъ положсніи, теперешнемъ, недѣланіе Т.-е., ничего не дѣлать, ничего не предпринимать. (Л. Толстой въ Дневникѣ Булгакова).

Истинное наше рожденіе происходитъ въ тотъ день, когда мы въ первый разъ глубоко почувствумъ, что въ жизни есть нѣчто важное и неожиданное. (Метерлинкъ: Глубокая жизнь).

«Нижнее глубокое теченіе» пробивается, иногда съ большой силой, уже въ первыхъ вещахъ Л. Толстого. *Дѣтство и отрочество*, *Метель*, *Альбертъ*, *Люцернъ*, эти, какъ мнѣ кажется, недостаточно оцѣненныя произведенія, заключаютъ въ себѣ немало жемчужинъ, извлеченныхъ авторомъ изъ глубины мудраго подсознательнаго, со дна своей мистически чуткой души. Вспомните, напр., мечты Иртеньева: «что-то говорило мнѣ, что *она*, съ обнаженными руками и пылкими объятіями,—еще далеко-далеко не все счастіе, что и любовь къ ней—далеко-далеко еще не все благо; и чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій, полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались мнѣ выше и выше, чище и чище, ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего прекраспаго и благого»... и т. д. Изъ той же глубины звучитъ для него «благой, отрадный голосъ», что столько разъ смѣло возставалъ въ немъ противъ моральной неправды. *(Юность)*. Оно же, это «нижнее, глубокое теченіе», приноситъ съ собой «инстинктивныя, блаженнѣйшія первобытныя потребности добра», заглушаемыя «воображаемымъ знаніемъ» *(Люцернъ)*, которое впослѣдствіи пре-

вратилось для Толстого въ «ложное пониманіе жизни». Мы встрѣчаемъ это проявленіе инстинктивной потребности добра даже въ засушенномъ формалистѣ, Каренинѣ; и тамъ оно заглушается «выдуманной высотой», сознательной схемой святости.

Но особенно даетъ себя знать это подпочвенное теченіе въ романѣ *Война и миръ*. Подъ видными и всѣми признаваемыми причинами историческихъ событій Толстой непрерывно ощущаетъ дѣйствіе незримыхъ силъ, безсознательнымъ орудіемъ которыхъ служитъ человѣкъ. Жизнь строится и разрушается не планами, разсчетами и сознательными усиліями человѣка, а дѣйствіемъ высшей, непостижимой для насъ воли: происходитъ только то, что *должно* было произойти, а люди при этомъ играютъ роль невольныхъ исполнителей невѣдомыхъ для нихъ предначертаній. Вліяніе непостижимой силы проявляется какъ въ судьбахъ цѣлыхъ государствъ и народовъ, такъ и въ жизни отдѣльныхъ людей. Идея предопредѣленія чудится Толстому въ смерти Андрея Болконскаго и графини Безухой, во многихъ неожиданныхъ встрѣчахъ, совпаденіяхъ и кажущихся случайностяхъ, брезжитъ въ разнаго рода предчувствіяхъ, предощущеніяхъ, символическихъ снахъ, знаменательныхъ происшествіяхъ, предостереженіяхъ. Подобно графинѣ Ростовой, авторъ склоненъ видѣть за кулисами эмпирической дѣйствительности скрытую отъ взгляда человѣка «Всемогущую руку».

Какъ въ жизни «только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды», такъ и въ душѣ: истина ускользаетъ отъ сознательной мысли и открывается какой-то иной духовной силѣ, независимой отъ ума и знанія. Всякій разъ, какъ человѣкъ силится понять ее разсудочнымъ сознаніемъ, онъ «поражается безплодностью». Всѣ, разсуждавшіе «дѣльно и умно», ошибались; истину учуялъ одинъ Кутузовъ, презиравшій и знаніе, и умъ, умѣвшій отрекаться отъ личной воли, отъ дѣятельнаго участія въ событіяхъ. Такъ же и Пьеръ: когда онъ добивался истины упорными усиліями сознательной мысли, онъ пришелъ лишь къ тому грустному заключенію, что «знать мы можемъ только то, что ничего не знаемъ»; истина начинаетъ пріоткрываться ему лишь тогда, когда жестокія испытанія, разомъ отмѣнившія всѣ усилія его сознательной мысли и воли, поста-

вили его лицомъ къ лицу съ подлинной правдой жизни *). Ему казалось при этомъ, что онъ ни о чемъ не думаетъ, но «далеко и глубоко гдѣ-то что-то важное и утѣшительное думала его душа»...И князя Андрея, очень умнаго, образованнаго, энергичнаго, приводитъ къ прозрѣнію истины не сила личной воли и мысли, а все то же «нижнее глубокое теченіе»; оно скрыто отъ насъ, пока мы напрягаемъ свои сознаніе и волю, и обнаруживается передъ нами, какъ только мы добровольно или поневолѣ отрѣшаемся отъ личной безпокойной воли и мысли. Порой это случается даже во снѣ, какъ у Пьера: точно «кто-то внѣ его» нашептывалъ ему рядъ необычныхъ мыслей.

Да, въ Толстомъ, рядомъ съ разсудочностью, всегда сидѣло непстребимое ощущеніе какой-то огромной, таинственной жизни, то, что Метерлинкъ называетъ «сознаніемъ невѣдомаго» и что, на его взглядъ, придаетъ нашей жизни особенное значеніе. Разъ зашавъ въ душу, сознаніе это не покидаетъ Толстого. «Жалкая, ничтожная пружина моральной дѣятельности—умъ человѣка!» восклицаетъ авторъ «*Дѣтства и отрочества*». «Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое»... признается авторъ *Исповѣди*, разсказывая о своемъ переворотѣ. Это «что-то» въ немъ знаетъ и любитъ и вѣритъ, т.-е. хочетъ, во что бы то ни стало, любить и вѣрить, и называется у Толстого «чувствомъ сердца», «совокупностью всѣхъ душевныхъ силъ», «стремленіемъ всего существа», «какой-то духовной способностью, высшей, чѣмъ разумъ», «сознаніемъ, не подлежащимъ разуму»... Это таинственное «что-то» можетъ поднимать душу на такую высоту, «которой она никогда и не понимала прежде и куда разсудокъ уже не поспѣвалъ за нею» (*Анна Каренина*). «Тайна Бога», «тайна вѣры», «тайна жизни», нѣчто, не разложимое на сознательные элементы и необъяснимое для разсудка, выглядываетъ на насъ со страницъ «*Войны и мира*»; оно стоитъ за кулисами *Анны Карениной*, высовываясь по временамъ то въ видѣ грознаго библейскаго образа, то въ видѣ кошмарнаго лохматаго мужичка, который, «приговаривая что-то, работаетъ надъ желѣзомъ», то въ

*) Онъ искалъ успокоенія и согласія съ самимъ собой путемъ мысли, „и всѣ эти исканія и попытки, всѣ обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ это... только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что онъ понялъ въ Каратаевѣ“.

протестахъ Левина противъ «гордости ума», неспособнаго охватить тайну жизни. Чудится оно и въ «Чѣмъ люди живы» и въ «Воскресеніи», проскальзываетъ въ статьяхъ, дневникахъ и письмахъ Л. Толстого.

«Онъ жилъ, не сознавая этого, тѣми духовными истинами, которыя онъ всосалъ съ молокомъ, а думалъ, нетолько не признавая этихъ истинъ, но старательно обходя ихъ». Толстой говоритъ такъ про Левина, но, въ сущности, онъ говоритъ это про самого себя. Да, онъ жилъ этими истинами до самой смерти, тщетно силясь найти для нихъ подходящія формулы и только упорно искажая ихъ. «Мысль человѣческая, — говоритъ Метерлинкъ. — создана, скорѣе, объяснять, обсуждать и приводить въ порядокъ то, что уже было»; но она безсильна создать что-либо новое или заглянуть въ будущее. *(Правосудіе)*.

Дѣти «любятъ и знаютъ то, что долженъ любить человѣкъ, и то, что даетъ счастіе» (*Люцерн*). Агафья Михайловна и Кити «несомнѣнно знали, что такое была жизнь и что такое была смерть» (*Анна Каренина*). И художникъ (который—«какъ дитя») знаетъ нѣчто такое, чего другіе не видятъ и не знаютъ *)... Ясно, что здѣсь Толстой имѣетъ въ виду не разсудочное знаніе, а *интуицію*, когда человѣкъ, по его же выраженію, «думаетъ сердцемъ», чувствуетъ всѣмъ своимъ подсознательнымъ, знаетъ въ *«глубинѣ души»* (*Путь жизни*). Не такого ли рода познаніе разумѣетъ Толстой, утверждая, что законъ и смыслъ жизни *знаютъ всѣ люди*, начиная отъ старца и кончая глупымъ ребенкомъ? Если такъ, то вся его религіозно-философская математика можетъ предстать передъ нами въ совершенно иномъ освѣщеніи, болѣе соотвѣтствующемъ подлинному образу учителя. Но къ такому выводу приводитъ насъ не ученіе Толстого, а его живая индивидуальность **).

Этому проникновенному познанію все время мѣшалъ самозванецъ-разсудокъ, стремившійся стать высшей инстанціей, но интуиція неудержимо просачивалась сквозь

---

*) „Зналъ“ и Кутузовъ, презирающій знаніе, и Андрей Болконскій въ предсмертномъ бреду; зналъ и Николай Ростовъ „не по разсужденію, а по чему-то сильнѣйшему, чѣмъ разсужденіе“.

**) „Все, чѣмъ жива жизнь, для Толстого лежитъ на какомъ-то совсѣмъ другомъ уровнѣ, а не на томъ, гдѣ люди оперируютъ словами и оформленными мыслями“ (*В. Вересаевъ: Живая жизнь*).

плотину «разумнаго сознанія». Некогда было прислушаться внимательнѣе къ ея голосу: нравственный долгъ побуждалъ отдавать время и силы на работу для блага людей; безпокойная воля не терпѣла остановокъ: скорѣй, скорѣй къ дѣлу, къ осуществленію идеала! Смутное сознаніе подсказывало Толстому, что вѣдь, въ сущности, всѣ и все противъ него; ему, рвущемуся неудержимо впередъ, окружающее казалось стоячимъ болотомъ, которое необходимо какъ можно скорѣй расшевелить, - разворошить. Тутъ непростительно сидѣть, сложа руки: надо торопиться, будить спящихъ, вскрывать ненавистную ложь, пользоваться каждымъ поводомъ для борьбы.

Мнѣ случалось наблюдать, какъ во время дружеской бесѣды со дна души его всплывали глубоко жизненныя истины, пережитыя всѣмъ существомъ, и онъ говорилъ, вдумчиво всматриваясь въ нихъ, провѣряя и какъ бы вновь переживая; но едва появлялись посѣтители и возникали споры, какъ онъ превращался въ задорнаго раціоналиста и начиналъ рубить топоромъ, а потомъ у него оставался непріятный осадокъ, иногда—рѣжущее недовольство собой. «Никогда не надо спорить», говорилъ онъ.

Ему хотѣлось молчать, но онъ «не могъ молчать»; онъ мечталъ о «недѣланіи»—и не въ силахъ былъ прожить дня безъ кипучей работы. Его все волнуетъ, и на все ему хочется отозваться. Взгляните на перечень его статей за послѣдніе годы жизни: китайцы, поляки, индусы, скопцы, министры, тифлисскія барышни, трансваальская война, духоборы, кишиневскій погромъ, гурійцы, японцы, ручной трудъ, кооперативное движеніе... цѣлый энциклопедическій словарь!

Посѣтители, письма, просьбы порой страшно утомляютъ его, пестрота жизни мучительно тяготитъ. «Ушелъ бы въ монастырь»! вздыхаетъ онъ, но не уходитъ, а продолжаетъ стоять на своемъ посту.

Если бы Толстой могъ угомонить свою тревожную волю и пожить въ тиши уединенія, безъ людей и статей, то—какъ знать? быть можетъ, въ немъ рѣшительно возобладало бы присущее ему «нижнее глубокое теченіе»? «Чтобы возродиться духовно», говоритъ *Джемсъ* (*Многообразіе религіознаго опыта*), «достаточно только дать покой своему

малому, обособленному, безпокойному «*я*» и этимъ путемъ познать въ себѣ присутствіе высшаго «*я*»».. То же самое чувствовалъ и Л. Толстой, настаивая на «недѣланіи» и отказѣ отъ личной воли.

Существуетъ взглядъ, будто бы онъ пришелъ въ концѣ концовъ къ высшей гармоніи и духовной безоблачной радости. Нѣтъ, онъ не помирилъ въ себѣ сердца съ разсудкомъ, анализа съ интуиціей, раціоналистическихъ абстракцій съ живыми силами, толстовца съ Толстымъ... Быть можетъ, онъ былъ на пути къ обѣтованной землѣ, но не вошелъ въ нее, а продолжалъ нести тяжелый крестъ своей неизбывной раздвоенности, подъ бременемъ котораго изнемогалъ всю жизнь...

Когда слышишь его увѣренія, что ему «хорошо, радостно», это надо понимать, какъ и формулы его, очень условно. Клеветы, поношенія, веревка, которую присылаютъ ему по почтѣ, чтобы онъ скорѣй повѣсился, страданія отъ семьи и за семью—все хорошо, потому что учитъ терпѣнію, прощенію. Хорошо даже подавленное состояніе, мучащее его, потому что «есть, съ чѣмъ бороться» (*Записки Н. Н. Гусева*). «Не надо жаловаться... Все хорошо», говоритъ онъ съ страдальческой улыбкой (*Тамъ же*). Но порой не выноситъ и жалуется: «Да, тяжело жить въ тѣхъ нелѣпыхъ, роскошныхъ условіяхъ, въ которыхъ мнѣ привелось прожить жизнь, и еще тяжелѣе умирать въ этихъ условіяхъ» (*Тамъ же*). Во всякомъ случаѣ, у счастливца, добившагося невозмутимой ясности и гармоніи духа, не вырывалось бы такихъ, напримѣръ, словъ: «Кто живетъ вполнѣ духовной жизнью, тому жизнь здѣсь становится такъ не интересна и тяжела, что легко разстаться съ нею»...

Одно для меня несомнѣнно: несмотря на то, что Л. Толстой такъ долго и упорно искалъ истину, его духовная эволюція осталась незавершенной, прерванной на полпути. Онъ ушелъ, не додумавъ, не дочувствовавъ, не договоривъ... Всю жизнь онъ былъ негармоничнымъ, противорѣчивымъ, мечущимся,—такимъ и остался до конца. Въ этомъ какой-то фатумъ Толстого... Но эта негармоничность дороже любой гармоніи, эта неудача выше всякихъ успѣховъ: «Духовное взвѣсить нельзя, надо его чувствовать»...

Есть у Л. Толстого рядъ мыслей и настроеній, позволяющихъ намѣтить конечную точку, къ которой шла

его эволюція. Точка эта, засвѣтившись для него первоначально въ сознаніи, т.-е. на поверхностномъ слоѣ души, постепенно уходитъ въ глубь, приближаясь къ «нижнему подсознательному теченію». Вмѣстѣ съ тѣмъ, углубляется и его взглядъ на человѣческую душу, а слѣдовательно,— и на все живое. Такъ ясно было для него прежде, гдѣ истина и какъ ее усвоить, а теперь душа кажется ему похожей на стаканъ: пока онъ не перевернется, вода никакъ не проникнетъ внутрь; «нужно, чтобы стаканъ перевернулся, а почему онъ переворачивается, это тайна» (*Записки Н. Н. Гусева*). Да, у души есть своя особая логика, не совпадающая съ разсудочной,—логика, которая много разъ открывалась его художественной интуиціи и давно еще заставила его признать, что самымъ вѣрнымъ признакомъ истины является «несообразность между положеніемъ человѣка и его моральной дѣятельностью». По этой особой логикѣ, кратчайшимъ путемъ къ истинѣ оказывается далеко не всегда прямая линія: чтобы попасть на другой берегъ рѣки, надо не бросаться вплавь по прямой (снесетъ теченіемъ или, просто, утонешь), а сдѣлать обходъ и перейти черезъ мостъ. Тутъ дѣло не въ «дешевомъ благоразуміи», а въ томъ, что духовная эволюція совершается не по математически правильнымъ линіямъ, а часто—«окольнымъ путемъ» (*Путь жизни*). Намъ кажется, что преграды, соблазны, испытанія, сворачивающіе насъ съ прямой линіи, задерживаютъ, нарушаютъ «дѣло Божье», а между тѣмъ «оно, можетъ быть, этимъ-то и дѣлается». (*Для чего мы живемъ*). И нельзя предрѣшить съ увѣренностью: помѣха ли это для самосовершенствованія, или «широкая ступень, подставляющаяся тебѣ подъ ноги, чтобы ты поднялся?» (*Тамъ же*). Только заднимъ числомъ, долгое время спустя, сознаніе постигаетъ смыслъ того, что давно подсказывала несравненно болѣе чуткая интуиція. Намъ досадно, что приходится идти къ истинѣ такими извилистыми путями, дѣлать такіе ужасающіе зигзаги, а между тѣмъ таковъ, быть можетъ, законъ человѣческой природы, чтобы блуждать, залѣзать въ дебри и, бродя ощупью, спотыкаясь, падая, успѣхами, муками добывать крупицу истины... «Я ищу ближайшихъ послѣдствій и огорчаюсь, что не вижу ихъ, а не знаю тѣхъ послѣдствій, въ милліонъ разъ большихъ, которыя достигаются этими обходами» (*Для чего мы*

жизнемъ). Не то же ли самое имѣетъ въ виду Метерлинкъ, считая характернымъ свойствомъ истинной мудрости то, «что она дѣлаетъ тысячи вещей, которыя разумъ отрицаетъ или признаетъ лишь долгое время спустя?» (*Мудрость и судьба*).

Противорѣчія, казавшіяся Толстому прежде результатомъ недомыслія или логической ошибки, онъ уже склоненъ разсматривать, какъ «муки рожденія къ новой жизни» (*Путь жизни*), и вообще права разсудочной логики все больше отступаютъ для него передъ ощущеніемъ непостижимыхъ тайнъ жизни и смерти. Раньше, говоря о безсмертіи души, онъ категорически заявлялъ, что она сольется съ океаномъ Вѣчнаго; потомъ его отношеніе къ этому вопросу нѣсколько иное: «или то, что мы считали собой, перейдетъ въ другое отдѣльное существо, или мы перестанемъ быть отдѣльными существами и сольемся съ Богомъ» (*Тамъ же*). Какъ и прежде, онъ не признаетъ и не желаетъ личнаго безсмертія, въ смыслѣ сохраненія *эмпирической* личности, но онъ считаетъ возможнымъ и желательнымъ безсмертія личности *измѣненной*, т.-е. истинной, не искаженной земными условіями существованія: «То, что совершенствуется, не можетъ уничтожиться: оно только *измѣняется*». (*Тамъ же*). Онъ жаждетъ другого, болѣе свойственнаго душѣ, отношенія къ міру и увѣренъ, что «способовъ отдѣленія существъ отъ міра можетъ быть безчисленное количество». По прежнему онъ стоитъ на томъ, что «смерть освобождаетъ душу изъ предѣловъ личности», но это не звучитъ для него непремѣнно, какъ исчезновеніе личности; индивидуальность, бывшая въ его глазахъ лишь проводникомъ лучей истины, все настойчивѣй заявляетъ его чувству о себѣ, какъ объ особой таинственной и неразрушимой величинѣ, скрытая сущность которой проявляется лишь послѣ освобожденія отъ физическихъ условій существованія: «совершается нѣчто похожее на развитіе бабочки изъ гусеницы. Мы здѣсь гусеницы: сначала родимся, потомъ засыпаемъ въ куколку. Бабочкой же мы сознаемъ себя въ другой жизни» (*Тамъ же*).

Л. Толстой не сказалъ послѣдняго, рѣшающаго слова. Борьба между «разсуждающимъ умомъ и чувствующимъ сердцемъ», о которой говорилъ Громека, такъ и осталась незаконченной, но побѣда видимо клонилась на сторону послѣдняго...

XV.

НЕ ОТЪ МІРА СЕГО.

Проживя подъ 50 лѣтъ, я убѣдился, что земная жизнь ничего не даетъ (*Записная книжка 1874 года*).

Это заглядыванье „за предѣлы жизни" стало скоро для Л. Н. почти постояннымъ настроеніемъ души. (*П. Бирюковъ: Біографія Л. Н. Толстого*).

.. Смотрѣть на эту игру жизни можно, пока не скучно. А скучно,— можно уйти, убить себя.. (*О жизни.*).

Въ *Исповѣди* Л. Толстой говоритъ, что жить можно только до тѣхъ поръ, пока «пьянъ жизнью». Настоящее, полное опьяненіе жизнью имѣетъ мѣсто лишь въ раннемъ дѣтствѣ, и только этотъ возрастъ, когда разумное сознаніе еще не проснулось, Толстой принимаетъ цѣликомъ, безъ всякихъ сомнѣній и оговорокъ. Во всѣ періоды жизни, начиная съ молодости и кончая глубокой старостью, онъ вспоминаетъ о дѣтствѣ не иначе, какъ съ восторгомъ и грустью о невозвратимости дѣтскихъ лѣтъ и чувствъ... Передъ лицомъ смерти, когда кн. Андрей приходитъ въ себя послѣ мучительной операціи, ему прежде всего вспоминается «самое дальнее дѣтство, когда его раздѣвали и клали въ кроватку... когда онъ чувствовалъ себя счастливымъ *однимъ сознаніемъ жизни*» *). Даже Иванъ Ильичъ, въ глазахъ котораго недугъ омрачилъ все прошлое, останавливается съ отраднымъ чувствомъ лишь на дѣтскихъ воспоминаніяхъ. *(Смерть Ивана Ильича)*.

Ко всѣмъ остальнымъ моментамъ и формамъ жизни Толстой относится съ недовѣріемъ, сознательнымъ или безсознательнымъ. Счастливыя полосы его жизни—это опять-таки полосы опьяненія: природой, кутежами, опас-

*) Курсивъ мой.

постями, любовью, творчествомъ, славой. Жизнь захватываетъ его, увлекаетъ, но вотъ онъ опомнился, оглянулся на себя внимательнымъ, трезвымъ взоромъ, и нелена спадаетъ съ иллюзіи, обнажается остовъ. Тутъ уже нѣтъ сплошной линіи, какъ въ дѣтствѣ: тутъ только отдѣльные моменты, отдѣльные оазисы; проходитъ опьяненіе, и оазисъ оказывается миражемъ, въ дѣйствительности же существуетъ одна безконечная пустыня. Выйдя изъ дѣтства, Толстой слишкомъ рано начинаетъ подозрѣвать какой-то обманъ въ наслажденіяхъ жизни, что-то непрочное, неясное, мутное; потомъ подозрѣніе переходитъ въ постоянное смутное чувство, примѣшивающееся ко всякимъ переживаніямъ, и наконецъ, укореняется въ немъ, какъ сознаніе иллюзорности всего видимаго, осязаемаго, тѣлеснаго, «мірского», хотя онъ не перестаетъ говорить объ *этой* жизни, объ *этой* дѣйствительности, которую хочетъ сдѣлать идеальной.

Здѣсь передъ нами одна изъ тайнъ человѣческой души. Чтобы пролить на нее свѣтъ, надо спуститься глубже, въ бездонныя душевныя шахты, гдѣ уже не можетъ быть рѣчи о геніальности, величіи, заслугахъ, а лишь объ *особенностяхъ*, гдѣ Толстой, Сократъ, Шекспиръ разнятся другъ отъ друга и остальныхъ людей только этими особенностями душевнаго склада.

Есть два типа людей. Одни поглощены реальной жизнью, реальными наслажденіями, заботами, интересами. Если дѣйствительность не удовлетворяетъ ихъ, то потому только, что на ихъ долю выпали формы ея, мало соотвѣтствующія ихъ индивидуальности: имъ нужны иныя формы той же реальной жизни. Прибавьте Стивѣ Облонскому жалованья, заплатите за него долги, и онъ будетъ удовлетворенъ, счастливъ. А Долли надо, чтобы мужъ любилъ ее, не измѣнялъ ей, чтобы дѣти были здоровы и хорошо воспитаны. Эти «земныя» натуры могутъ быть совершенно не похожи одна на другую, какъ Стива и Долли; могутъ быть грубыми эгоистами, хищниками, животными, погрязать въ страстяхъ или, наоборотъ, обладать тонкой организаціей, презирать все низменное, примитивное, предпочитать, въ духѣ истинныхъ эпикурейцевъ, духовныя наслажденія физическимъ; могутъ даже съ аппетитомъ поститься,

каяться, продѣлывать аскетическія упражненія, налагать на себя эпитиміи. Взгляды и вкусы ихъ могутъ мѣняться, но они всегда будутъ любить *эту* жизнь, тянуться къ ней, и только къ ней.

Другіе, «не отъ міра сего», живутъ съ смутнымъ ощущеніемъ призрачности, обманчивости, непрочности реальнаго. Все кажется, что *эта* жизнь загораживаетъ передъ ними нѣчто болѣе цѣнное, значительное. Реальная красота представляется имъ суррогатомъ истинной и поэтому возбуждаетъ въ нихъ чувство неопредѣленной грусти, томительнаго стремленія куда-то. Реальная радость быстро смѣняется горькимъ сознаніемъ ея непрочности, иллюзорности и побуждаетъ мечтать о невѣдомомъ прочномъ и полномъ благѣ. Краски дѣйствительности, пестрота впечатлѣній только волнуютъ, дразнятъ душу, какъ намеки на что-то настоящее, подлинное, и никогда не насыщаютъ. Онѣ воспринимаются, только какъ символы, какъ таинственные гіероглифы иной формы жизни, единственно достойной и прекрасной. Реальныя истина, добро, красота— не что иное, какъ испорченныя отраженія идеальныхъ; это не живыя существа, близкія сердцу, а старые, выцвѣтшіе, мало похожіе портреты, способные дать только отдаленное напоминаніе.

Натуры «не отъ міра сего» похожи на растенія съ на половину выдернутыми корнями, готовыя перемѣститься на иную почву, какъ будто вѣчно ожидающія этого; между тѣмъ какъ «земныя» стараются пустить корни поглубже, чтобы впитать въ себя какъ можно больше жизненныхъ соковъ. Это невольное смотрѣніе «сквозь жизнь» обрекаетъ «не земныя» натуры на особаго рода отчужденность отъ реальнаго міра, порождая въ нихъ «чувство страха спротивости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь». *(Исповѣдь)*.

Въ сущности, это смотрѣніе сквозь жизнь присуще, быть можетъ, вообще человѣку, но у «земныхъ» натуръ оно проявляется лишь въ исключительные моменты или въ виду близкой смерти, да и то—мимолетно, едва ощутимо, а у «не земныхъ» это невольное заглядываніе за перегородки дѣйствительности примѣшивается нерѣдко къ самымъ реальнымъ переживаніямъ. Они могутъ жить внѣшне такъ же, какъ и «земные», отдавая дань всевозможнымъ иллюзіямъ

и увлеченіямъ, но для нихъ дѣйствительность, какъ бы она ни была заманчива, никогда не представляетъ послѣдняго слова жизни: его они ощущаютъ и ищутъ «за предѣлами».

Надо прежде всего отрѣшиться отъ общепринятыхъ банальныхъ представленій, обыкновенно очень мало соотвѣтствующихъ истинѣ. Мы привыкли воображать натуры «не отъ міра сего» какими-то чахлыми, не жизнеспособными, болѣзненно-мечтательными, бредящими загробной жизнью. Но это—только грубая олеографія. На дѣлѣ, подъ такой неземной наружностью скрываются сплошь и рядомъ чисто земные аппетиты: «на небо поглядываютъ, а на землѣ пошариваютъ». Такими, напримѣръ, оказались, въ глазахъ Пьера, масоны: проповѣдовали нравственное самосовершенствованіе, погруженіе въ высшія тайны жизни, любовь къ смерти, а сами отдавались, какъ ни въ чемъ ни бывало, свѣтскимъ удовольствіямъ и погонѣ за мірскими выгодами. «Люди житейскіе, сколько они не говори о Богѣ, непріятны нашему брату»,—писалъ Толстой Фету въ 1876 г.

Особенность, выражаемая словами «не отъ міра сего», не связана непремѣнно съ малокровіемъ, блѣднымъ, задумчивымъ лицомъ, неспособностью увлекаться красками жизни, практической безпомощностью. Черта эта лежитъ гораздо глубже, въ самой сердцевинѣ души, и сказывается въ томъ, что человѣкъ не можетъ отдаться всецѣло какой-либо формѣ земной дѣйствительности, а всегда ощущаетъ за нею, смутно или явственно, нѣчто высшее, болѣе дѣйствительное, чѣмъ *эта* дѣйствительность.

Любимые герои Толстого отличаются отъ положительныхъ, земныхъ натуръ тѣмъ, что не могутъ остановиться ни на какой опредѣленной формѣ дѣйствительности, не могутъ, подобно Алеко, успокоиться окончательно на какомъ бы то ни было реальномъ дѣлѣ или благѣ. На днѣ души ихъ лежитъ всегда готовое, но глубоко скрытое презрѣніе къ мірскимъ благамъ, ко всякимъ опредѣленнымъ рамкамъ жизни, какъ бы красивы онѣ ни были. Пьеру такъ отрадно было сознавать, что всѣ эти блага—«удобства жизни, богатство, даже самая жизнь—есть вздоръ, который пріятно откинуть, въ сравненіи съ чѣмъ-то»... Цѣна этихъ приманокъ только въ томъ наслажденіи, съ какимъ «все это можно бросить». Толстой называетъ презрѣніе «ко

всему условному, искусственному, человѣческому, ко всему тому, что считается большинствомъ людей высшимъ благомъ міра», исключительно русскимъ чувствомъ *). (*Война и миръ*): это—чувство, «вслѣдствіе котораго человѣкъ, совершая (въ пошломъ смыслѣ) безумныя дѣла, какъ бы пробуетъ свою личную власть и силу, заявляя присутствіе высшаго, стоящаго внѣ человѣческихъ условій. суда надъ жизнью». (*Тамъ эксе*).

Передъ лицомъ таинственнаго Безконечнаго, земная дѣйствительность представляется уродливой, грязной и ничтожной. «Пьеръ, только глядя на небо, не чувствовалъ оскорбительной низости всего земного въ сравненіи съ высотой, на которой находилась его душа». И князь Андрей находитъ для себя высшую радость и успокоеніе лишь въ этомъ «высокомъ, вѣчномъ небѣ», даже въ простомъ воспоминаніи о немъ. Лямка реальной жизни, со всѣми ея практическими интересами, какъ ни старается онъ уйти въ нее съ головой, не даетъ ничего, кромѣ маеты и душевной тяжести: «какъ будто тотъ безконечный, удаляющійся сводъ неба, стоявшій прежде надъ нимъ, вдругъ превратился въ низкій, опредѣленный, давившій его сводъ, въ которомъ все было ясно, но ничего не было вѣчнаго и таинственнаго». Онъ добросовѣстно отбываетъ дѣловыя повинности, но сердце остается пустымъ, разумъ—неудовлетвореннымъ. «Главное, о чемъ ему хотѣлось плакать, была вдругъ живо сознанная имъ страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно великимъ и неопредѣлимымъ, бывшимъ въ немъ, и чѣмъ-то узкимъ и тѣлеснымъ, чѣмъ онъ былъ самъ и даже была она (Наташа)». Въ этихъ строкахъ Толстой дастъ психологію того глубокаго, но смутнаго стремленія «за предѣлы», какое составляетъ характерную черту натуръ «не отъ міра сего».

Онѣ только выносятъ, скрѣпя сердце, дѣйствительность: она тягостна для нихъ не потому, что дурна, а потому, что она есть дѣйствительность, т. е., нѣчто осязаемое, ограниченное. Если не испытываешь хандры, отвращенія къ жизни, то это значитъ только, что болѣзнь «вогнана внутрь», какъ было съ Пьеромъ, котораго, среди всѣхъ занятій и

*) Невольно приходитъ на память взглядъ Достоевскаго на миссію русскаго человѣка, высказанный въ знаменитой рѣчи о Пушкинѣ.

развлеченій, непрестанно грызло сознаніе безсмыслицы жизни. Мучило оно и кн. Андрея—даже тогда, когда онъ отбросилъ всѣ «вопросы» и какъ будто успокоился въ кипучей дѣятельности.

Относясь враждебно или презрительно къ такимъ насквозь земнымъ, равнодушнымъ «къ небу» людямъ, какъ Наполенъ, Бергъ, Друбецкой, авторъ *Войны и мира* съ особенной любовью останавливается на моментахъ, когда передъ человѣкомъ вдругъ вскрывается призрачность всего, чѣмъ онъ раньше мучился, волновался, восхищался. Такое настроеніе переживаетъ кн. Андрей въ вечеръ накануѣ Бородинскаго сраженія: все, что прежде казалось ему прекраснымъ, таинственнымъ—«слава, общественное благо, любовь къ женщинѣ, самое отечество», теперь, при холодномъ свѣтѣ истины, принимаетъ видъ дурно намалеванныхъ картинъ. Все, въ сущности, такъ грубо, условно, ложно. То, что обыкновенно принимаютъ за жизнь, есть только «искусственный призракъ жизни», и нѣтъ въ ней ничего, чѣмъ стоило бы по-настоящему дорожить. Однако Андрей Болконскій, рѣшившій, что «теперь все равно», чувствуетъ, что ему жаль разстаться съ жизнью, что есть въ ней что-то, ускользающее отъ его пониманія. Только на краю смерти въ душѣ его расцвѣлъ «цвѣтокъ любви вѣчной, свободной, не зависящей отъ этой жизни», и онъ всѣмъ существомъ понялъ, гдѣ иллюзія, гдѣ истина, гдѣ притаилась подлинная дѣйствительность.

Да, въ жизни есть огромная цѣна, несопзмѣримая ни съ какими земными цѣнностями: въ ней высшій смыслъ и интересъ человѣческаго существованія. Графиня Марья, любящая, любимая и счастливая, невольно вздыхаетъ объ иномъ счастьѣ, высшемъ, «недостижимомъ въ этой жизни». Душа ея всегда стремилась къ «безконечному, вѣчному и совершенному и потому никогда не могла быть покойна»: вотъ, отчего въ глазахъ ея тихая грусть, въ лицѣ—«строгое выраженіе затаеннаго высокаго страданія души, тяготящейся тѣломъ».

Указанная черта свойственна въ сильной степени натурѣ самого Л. Толстого. Съ перваго взгляда это можетъ показаться неожиданнымъ и страннымъ: ужъ слишкомъ жизненнымъ, реальнымъ рисуется намъ его обликъ—и въ личной жизни, и въ художественномъ творчествѣ. Но

это представленіе, съ которымъ мы такъ свыклись, есть такая же ошибка, какъ и признаніе Толстого необыкновеннымъ счастливцемъ. Если мы судимъ о человѣкѣ съ утилитарной точки зрѣнія, мы разсматриваемъ результаты его поступковъ и значеніе ихъ для общества; если хотимъ сдѣлать оцѣнку объективнымъ истинамъ, которыя далъ намъ мыслитель или ученый, мы провѣряемъ его ученіе научнымъ критеріемъ. Но когда рѣчь идетъ о познаніи *самой личности человѣка*, его подлинной индивидуальности, характерными являются не столько его слова и поступки, сколько то, что Рибо называетъ «общимъ чувствомъ бытія», основное настроеніе, которое проходитъ красной линіей по всей внутренней жизни человѣка, даетъ ей тонъ, примѣшивается, чаще всего безсознательно, къ многимъ отдѣльнымъ моментамъ и переживаніямъ. Взгляды и настроенія Толстого мѣнялись безчисленное количество разъ, въ зависимости отъ возраста, состоянія здоровья, условій жизни, вліяній извнѣ, но среди этого калейдоскопа какая-то точка внутри него оставалась устойчивой: вотъ это и есть его основная индивидуальность, сердцевина его глубокаго «*я*». Точка эта отражается въ способѣ чувствовать жизнь, осмысливать, оцѣнивать ее—и не по какимъ-либо предвзятымъ схемамъ или чужимъ мѣркамъ, а по собственному непосредственному, непроизвольному чувству. Толстой, напримѣръ, могъ временно, подъ вліяніемъ Шопенгауера, придти къ отрицанію жизни, но самъ-то онъ—его подлинное «*я*»—ни на минуту не переставалъ вѣрить въ жизнь, если не въ *эту*, то въ какую-то другую.

Это—та точка, къ которой, какъ къ центру, сводятся, въ концѣ концовъ, всѣ многочисленные и разнообразные радіусы психической жизни, одни раньше, другіе—позже, одни—сознательно, другіе—безсознательно. Недовѣріе къ *этой* жизни и глубокая, непоколебимая вѣра въ какую-то иную, непрерывное ощущеніе ея, осознаваемое лишь въ отдѣльные моменты,—вотъ чѣмъ окрашивалось для Толстого «нижнее глубокое теченіе истинной жизни». Какъ подземный родникъ, какъ нѣчто, заложенное глубоко подъ порогомъ сознанія, оно уже даетъ себя знать маленькому Левочкѣ мучительно-сладкими или тоскливо-жуткими чувствами, непомѣрно волнуетъ его неясными, огромными, не по силамъ ребенку, вопросами и мыслями.

Толстой разсказываетъ въ *Первыхъ воспоминаніяхъ*, какъ его, почти младенца, перевели внизъ, къ старшимъ мальчикамъ. Обыкновенно дѣти въ подобныхъ случаяхъ бываютъ радостно взвинчены: ихъ интересуетъ всякая перемѣна, всякая новая форма жизни, они гордятся сознаніемъ, что становятся большими. А вотъ Левочку впервые мучитъ чувство сиротливости и одиночества, «горе о безвозвратности утраченнаго». «Я зналъ,—говоритъ Толстой,—что я безвозвратно терялъ невинность и счастье». Да, то было темное предчувствіе, что непосредственная живая жизнь кончается для него, что отнынѣ сквозь всѣ ея впечатлѣнія будетъ «просвѣчивать», и чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

А вотъ другое дѣтское воспоминаніе: проводы буфетчика, который навсегда уходилъ изъ дома Толстыхъ. Маленькій Толстой тогда въ первый разъ испыталъ «ужасъ и страхъ передъ непостоянствомъ жизни». Кажется, событіе, само по себѣ, не представляетъ ничего ужаснаго, но для ребенка въ немъ столько безсознательнаго символизма: просвѣчиваетъ суровый законъ жизни, какое-то Гераклитовское «все течетъ». Впослѣдствіи это непонятное жуткое было осмыслено, вошло въ философское міропониманіе Л. Толстого, но началось оно еще тогда, при прощаніи съ буфетчикомъ Васпліемъ. Быть можетъ даже, это глубоко запавшее въ дѣтскую душу такъ и осталось не сознаннымъ до дна...

Мысль о призрачности внѣшняго міра брезжила въ немъ, какъ странная ребяческая фантазія, еще въ отрочествѣ, когда онъ внезапно обертывался, воображая увидѣть застигнутую врасплохъ пустоту. И не это ли ощущеніе иллюзорности жизни заставило автора «*Дѣтства*», молодого, полнаго жизни, сказать по поводу смерти Натальи Савишны: «Она совершила лучшее и величайшее дѣло въ жизни—умерла безъ сожалѣнія и страха»?

Несмотря на все желаніе, онъ долго не можетъ стать «положительнымъ, практическимъ» человѣкомъ, найти для себя въ жизни опредѣленное мѣсто и дѣло, долго слываетъ «пустячнымъ малымъ» и удивляетъ всѣхъ чудачествами. Никакъ не можетъ приспособиться, прильнуть къ дѣйствительности, потому что сквозь стѣны ея для него просвѣчиваетъ что-то незримое, чего словами не передашь, какая-то совершенно иная жизнь, внѣ времени и пространства, на фонѣ вѣчнаго, абсолютнаго. Все ближайшее, житейское

кажется такимъ ненужнымъ, мизернымъ, по сравненію съ неясными перспективами, открывающимися въ безконечной дали, Это—то, о чемъ онъ самъ позже говоритъ совершенно опредѣленно въ письмѣ къ Страхову: «Признаніе мірской разумности злomъ и мірской нелѣпости добромъ—вотъ гдѣ начало критическаго отношенія ко всему окружающему и зарожденіе религіознаго сознанія». Такого рода религіозное сознаніе живетъ въ немъ, съ малыхъ лѣтъ, а критическое отношеніе выражается въ глухомъ, не осознанномъ еще протестѣ противъ «мірской разумности». «Мірское» уже тогда берется подъ подозрѣніе...

«Только въ 80 лѣтъ я вполнѣ ясно понялъ, какое значеніе для жизни имѣетъ *memento mori*», говорилъ Толстой своему секретарю Гусеву. Но это *memento* звучало для него всю жизнь, начиная съ отрочества, когда его преслѣдовали навязчивыя мысли о смерти. Оно то и дѣло подаетъ свой голосъ чуть не во всѣхъ его произведеніяхъ. Въ этомъ «помни, что ты умрешь» давалъ себѣ знать не одинъ страхъ смерти, но и непрестанное ощущеніе иллюзорности всего земного. Можетъ быть, и холодъ-то смерти былъ слишкомъ ощутителенъ для него потому, что теплота земной, непосредственной жизни никогда не могла прогрѣть его насквозь, и на днѣ души его всегда оставался слой нерастаявшаго льда. А происходило это оттого, что Толстой не могъ прилѣпиться вплотную ни къ чему «здѣшнему», тщету и призрачность котораго онъ слишкомъ осязательно чувствовалъ. Паутина «мірского» не въ состояніи была заслонить отъ него картины всеобщей бренности и ничтожества. Вся земная жизнь представляется ему «маленькой плѣсенью, которая наросла на крошечной планетѣ». *(Левинъ)*.Съ какой бы стороны мы ни вдумывались въ жизнь, мы непзбѣжно «въ послѣднемъ анализѣ приходимъ къ кругу вѣчности»... *(Война и миръ)*.

Передъ этимъ кругомъ, уничтожается все отдѣльное, ограниченное, стирается всякая индивидуальность. Жизнь можетъ имѣть смыслъ только какъ частица безконечнаго цѣлаго. Все личное, обособленное есть призракъ, который долженъ разсѣяться при первомъ лучѣ дневного свѣта. Чтобы спастись отъ неминуемой гибели, отъ безпрерывной жуткой мысли о ней, надо слиться съ океаномъ великаго безличнаго, которое одно безсмертно, раствориться въ

немъ безъ остатка. «Мнѣ хотѣлось слиться съ существомъ всеобъемлющимъ,—пишетъ Толстой въ дневникѣ 1851 года.—Какъ странно мнѣ было смотрѣть на всю мелочную, порочную сторону жизни!» Эта жажда сліянія съ природой, небомъ, съ невѣдомымъ Безконечнымъ, просвѣчивающимъ сквозь наше ограниченное земное, то и дѣло прорывается въ немъ по всевозможнымъ поводамъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Вы встрѣтите это и въ *Юности*, и въ *Козакахъ*, и въ *Трехъ смертяхъ*. Оно сказалось и въ Богѣ Каратаева съ благообразіемъ его безличной любви и его философскаго безразличія, и въ мечтѣ Пьера сдѣлаться простымъ солдатомъ, «войти въ эту общую жизнь всѣмъ существомъ», и въ желаніи Левина опроститься, стать, какъ всѣ въ деревнѣ. «Если бы я былъ одинъ,—писалъ Л. Толстой Страхову въ 1877 г.,—я бы не былъ монахомъ, я бы былъ юродивымъ, т.-е., не дорожилъ бы ничѣмъ въ жизни и не дѣлалъ бы никому вреда».

Его художественныя произведенія окрашены особаго рода возвышеннымъ безстрастіемъ, даже какъ бы безразличіемъ. Толстой точно смотритъ черезъ головы своихъ героевъ и видитъ тамъ, вдали, нѣчто такое невыразимо громадное, передъ которымъ жизнь, изображаемая имъ, и вообще, все земное начинаетъ казаться, несмотря на свои яркія краски, мимолетной тѣнью, а отдѣльныя личности, со всѣми ихъ мудрыми разсчетами, усиліями ума и воли, становятся похожи на быстро смѣняющіяся волны безпредѣльнаго океана.

Война и миръ, эта громадная эпопея человѣческой жизни, съ ея землей и небомъ, съ «мірскимъ» и вѣчнымъ, со всѣми роковыми вопросами бытія, насквозь пронизана ощущеніемъ безсилія отдѣльной личности, всего личнаго, затеряннаго среди безликихъ стихійныхъ силъ. Личность, съ ея самосознаніемъ и неискоренимымъ себялюбіемъ,—не что иное, какъ сплошная тревога, мука неудовлетворенія, ибо истина отъ нея ускользаетъ, счастіе обманываетъ. Мірскія блага, ради которыхъ «всякій бьется изъ всѣхъ силъ», это — сплошная галлюцинанія, поддерживаемая круговой порукой людей. Корень зла—не въ волѣ человѣка, а въ заблужденіи его разума, одурманеннаго иллюзіями, развращеннаго мірскими соблазнами, ослѣпленнаго своимъ маленькимъ, самоувѣреннымъ «я». Пропо-

вѣдуя впослѣдствіи вѣру въ разумъ, какъ въ высшій критерій истины, Толстой продолжаетъ имѣть въ виду не личное сознаніе, а общій всѣмъ безличный разумъ, познающій своимъ особымъ путемъ законы вѣчнаго.

Пестрота дѣйствительности, загораживающая передъ нами эти законы, была несносна для разума Толстого, который терялся среди ея капризовъ, противорѣчій и нелѣпыхъ зигзаговъ, какъ Николай Ростовъ, послѣ разъ навсегда установленной, строго опредѣленной жизни въ полку, чувствовалъ себя растерянным среди «житейской путаницы», со всѣми ея дѣлами, ссорами, интригами, любовью. Вопросъ: «что же это на свѣтѣ творится?» всегда готовъ былъ сорваться съ его устъ... Л. Шестовъ правъ, утверждая, что Ницше и Толстой, при всемъ различіи ихъ натуръ, оба «прятались отъ дѣйствительности». Толстой, въ самомъ дѣлѣ, инстинктивно боялся неприкрытой реальщины, какъ щекотки, и чувствовалъ возможность жизни только тогда, когда сознавалъ, что есть сила вѣчная, непреходящая, неизмѣнная, во власти которой онъ находится. *(Исповѣдь)*. Въ ней, и только въ ней одной,—вся истина, вся сила и возможность успокоенія. Земная дѣйствительность, сотканная изъ борьбы враждующихъ личностей, это—только какое-то тяжелое недоразумѣніе. Вѣдь заботиться о себѣ—все равно, что кормить и одѣвать «собственную тѣнь»...

И Толстой, какъ его герои, старался спастись отъ муки личнаго въ рабочемъ котлѣ, въ служеніи ближнему: только бы не чувствовать, не сознавать себя, «скинуть съ себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внѣшняго человѣка» *(Пьеръ Безухій)*, т.-е., все личное, остро и безплодно волнующее, и жить тѣмъ вѣчнымъ, единственно сущимъ, что брезжитъ передъ человѣкомъ въ исключительные, проникновенные моменты...

Тутъ—нѣчто напоминающее нирвану. Жажда ея поселилась въ душѣ Толстого очень давно: «что-то особенно сладкое и великое есть въ равнодушіи къ жизни, и я наслаждаюсь этимъ чувствомъ»,—писалъ онъ въ дневникѣ, находясь подъ Севастополемъ. Не она ли, эта нирвана, навѣяла ему впослѣдствіи, незамѣтно для него самого, мысли о непротивленіи, недѣланіи, невмѣшательствѣ? Не она ли заставляла его преклоняться передъ всѣми этими *не... не... не?*

Живя внѣшне полной жизнью, Толстой внутренне уже давно-давно началъ отрѣшаться отъ нея. Какъ воздухоплаватель, стремящійся подняться выше., выбрасываетъ балластъ, такъ и онъ откидывалъ прочь жизненный багажъ, чтобы достигать все большей и большей высоты. По временамъ, изнемогая отъ пустоты и холода, царящихъ въ заоблачной выси, онъ начиналъ спускаться къ земной поверхности, но тотчасъ же съ новой силой чувствовалъ: «не то, не то... не того мнѣ нужно!»

«Я чувствую, что я живу напрасно такъ долго. Репутація моя установилась такая, что она гораздо ближе шла бы къ умершему». *(Записки Гус ва)*. А вѣдь онъ и въ глубокой старости былъ молодъ душой и самъ высказывалъ, что чувствуетъ себя такимъ. Онъ не отжилъ, не одряхлѣлъ, какъ это бываетъ иной разъ съ молодыми; но онъ давно уже началъ выростать изъ *этой* формы жизни, давно рвался изъ нея и жадно «заглядывалъ за предѣлы»; наконецъ, до такой степени переросъ ее, что ему «и умиленіе-то надоѣло». *(Тамъ же)*. «Одно только утѣшеніе, что смерть близко... Чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ лучше... Прямо, хочется уйти... Радъ буду, когда отпустятъ... Какая ужасная жизнь! Бѣдность, развращенность... Поскорѣй бы уйти отсюда». *(Тамъ же)*. Земное всегда казалось ему уродливымъ и жалкимъ передъ лицомъ «вѣчнаго неба», но прежде безобразіе и ничтожество было прикрыто дымкой, «покрываломъ Майи», туманомъ иллюзій; туманъ мало-по-малу разсѣивался, и вотъ взорамъ открылась вся зіяющая противоположность между «землей и небомъ». «Тѣлесное», всегда казавшееся Толстому подозрительнымъ, лукавымъ, теперь становится ненавистнымъ, какъ цѣпь, приковывающая къ «этой ужасной жизни»... «Чѣмъ хуже становится человѣку тѣлесно, тѣмъ лучше ему становится духовно,—говоритъ онъ въ *Пути жизни*, запечатлѣвая такимъ афоризмомъ собственное самочувствіе.—Для служенія Богу не только не нужно тѣлесной силы, но напротивъ, слабость тѣла только поощряетъ это служеніе».

Черта, которую я назвалъ «не отъ міра сего», проливаетъ новый свѣтъ на святая святыхъ души Л. Толстого: на его отношеніе къ Богу и на любовь къ людямъ.

Среди натуръ «не отъ міра сего» наиболѣе счастливыми слѣдуетъ признать тѣхъ, для которыхъ здѣшній міръ

съ избыткомъ возмѣщается потусторонним. Они такъ непосредственно, по-дѣтски вѣруютъ въ «небо», что оно становится для нихъ гораздо болѣе реальнымъ, чѣмъ земная дѣйствительность. Толстого и тутъ нельзя назвать счастливымъ: въ немъ не было такой наивной вѣры, не допускающей и тѣни сомнѣнія. Онъ могъ только рваться всей душой къ подобной вѣрѣ, мечтать о ней, завидовать вѣрующимъ, къ которымъ относился, какъ Андрей Болконскій—къ сестрѣ: «Хорошо бы это было, ежели бы все было такъ ясно, просто, какъ оно кажется княжнѣ Марьѣ. Какъ хорошо бы было знать, гдѣ искать помощи въ этой жизни и чего ждать послѣ нея тамъ, за гробомъ»! Вмѣсто живой, не подернутой никакими сомнѣніями вѣры, у него только «гармоническая потребность вѣчнаго и безконечнаго» (*Люцернъ*); вмѣсто живого Бога,—лишь неутолимая потребность въ немъ, жажда преклоненія передъ высшимъ. «Богъ, котораго можно просить и которому можно служить, есть выраженіе слабости ума», заноситъ онъ въ дневникъ въ 1860 г. «Да онъ и не существо: онъ—законъ и сила», т.-е. опять-таки нѣчто безличное, стихійное, какая-то бездна, гдѣ безслѣдно тонетъ все человѣческое. «Ничего, ничего вѣрнаго, кромѣ ничтожества всего, что мнѣ понятно, и величія чего-то непонятнаго, но важнѣйшаго!» думалъ съ отчаяніемъ Андрей Болконскій...

Если Толстой всю жизнь искалъ Бога, тянулся къ Нему, но не могъ ощутить его такъ непосредственно, какъ иные наивно вѣрующіе; если разумъ всегда настойчиво признавалъ Его и сердце вѣчно томилось по Немъ, а все-таки не хватало настоящей живой вѣры,—то какъ надо понимать въ Толстомъ эту трагическую двойственность? Было ли это въ немъ религіозной вѣрой, или упорнымъ самообманомъ?

Вопросъ интересенъ уже по одному тому, что въ данномъ случаѣ въ положеніи Толстого находится не мало людей: ищутъ вѣры, жаждутъ ея, но... чего-то не хватаетъ. Толстой всю жизнь *ощущаетъ* небо, отдаетъ ему, въ послѣдней оцѣнкѣ, рѣшительное предпочтеніе передъ землей; всѣ наиболѣе глубокія движенія души освѣщаются для него непзмѣнно отблескомъ «потусторонняго»; онъ живетъ въ здѣшнемъ мірѣ не какъ на материкѣ, а какъ на крошечномъ островѣ, все время помня объ окружающемъ его

безграничномъ океанѣ, который вотъ-вотъ поглотитъ ничтожный островокъ. Въ его ушахъ, сквозь «однозвучный шумъ жизни», непрерывно звучитъ мощный, повелительный голосъ этого океана, и онъ силится вникнуть въ него, разгадать, перестроить себя, свою жизнь по его властнымъ завѣтамъ. Только передъ этой непостижимой Силой онъ преклоняется всѣмъ существомъ, только ее ищетъ до послѣдняго вздоха... Это невольно заставляетъ насъ признать, что тутъ не миражъ, не насильственное взвинчиванье себя, а дѣйствительная, глубоко заложенная вѣра, способная на жертвы и подвиги. Очевидно, кромѣ младенчески-наивной формы, вѣра можетъ принимать и другія, не наивныя и не дѣтскія, и оставаться все-таки подлинной вѣрой. Если въ душѣ первобытнаго человѣка вѣра способна вспыхнуть яркимъ пламенемъ, то въ современной душѣ, несравненно болѣе сложной, нажившей много новаго, тотъ же процессъ происходитъ иначе: нѣтъ прежней импульсивности, но зато больше глубины, вдумчивости, моральной чуткости. Скажу даже: здѣсь гораздо больше духовной силы, и подвигъ, на который способна современная душа,—неизмѣримо труднѣе, значительнѣе. Легче сгорѣть за своего Бога на кострѣ, чѣмъ десятки лѣтъ «переплавлять» себя въ духовномъ горнилѣ, какъ это дѣлалъ Л. Толстой...

То же надо сказать и о его любви къ людямъ. Если подъ любовью разумѣть непосредственную симпатію и заботу о каждомъ реальномъ человѣкѣ, то такой любви было мало въ Толстомъ, и недостатокъ этотъ коренится въ его отношеніи къ земному вообще. Разъ все тѣлесное, ограниченное, кажется ему ничтожнымъ въ сравненіи съ общей неизмѣнной сущностью, это чувство невольно распространяется и на каждую отдѣльную реальную человѣческую личность. Для Толстого, какъ для Каратаева, все равно, кто бы ни попалъ въ твою «паутину любви», лишь бы ощущать въ самомъ себѣ любовь, эту сущность жизни; отдай свое имущество, не разбирая, кому даешь,—«пусть онъ пропьетъ, это для тебя безразлично». (*Записки Гусева*). Тутъ проявилось не черствое, эгоистическое сердце, не равнодушіе къ людямъ, какъ у иного фарисея, раздающаго гроши нищимъ ради спасенія собственной души. Мы вѣдь знаемъ, сколько заботъ о людяхъ принялъ

на себя Толстой... Нѣтъ, въ этомъ отразилось, скорѣй, всегда глубоко сидѣвшее въ немъ презрѣніе къ мірскимъ благамъ. Былъ періодъ, когда онъ отдалъ дань заботамъ о «пріумноженіи», но именно эти-то заботы и сдѣлали для него потомъ особенно ненавистными пріобрѣтенныя блага...

Внутри Толстого любовь давно еще подраздѣлилась на *человѣческую* и *божескую*.

Первая, это—привязанность къ отдѣльному человѣку, личное чувство, вносившее въ возвышенное настроеніе кн. Андрея тревогу и муть, мѣшавшее ему ощутить всю полноту истины. Такая любовь была, конечно, знакома и Толстому, но и у него она сопровождалась тревогой, мутью, неудовлетвореніемъ. Чѣмъ больше обнажалась передъ нимъ подлинная истина жизни, тѣмъ меньше вѣрилъ онъ въ «человѣческую» любовь. Трудно любить реальнаго человѣка, если все содержаніе его жизни стало въ твоихъ глазахъ такимъ суетнымъ и ничтожнымъ, если вся реальная жизнь представляется какою-то «властью тьмы». Человѣкъ—«весь въ матеріальномъ», а Толстой презираетъ все матеріальное; человѣкъ поглощенъ земнымъ, а Толстой стремится прочь отъ этого земного; человѣкъ живетъ своимъ маленькимъ «*я*», а Толстой ненавидитъ въ себѣ самомъ это маленькое «*я*»... Онъ любитъ въ себѣ и другихъ большое «*я*», любитъ въ человѣкѣ лучъ высшаго, преломляющійся въ немъ, «божественную сущность», эту ложку меда въ бочкѣ земного, тѣлеснаго, мірского дегтя. Реальный человѣкъ возбуждаетъ въ немъ невольную вражду, потому что мѣшаетъ идеальному—подобно тому, какъ земная, суетная дѣйствительность заслоняетъ идеалъ Вѣчнаго.

Эта любовь къ большому «я», въ ея чистомъ, полномъ проявленіи, и есть та «божеская» любовь, которую испыталъ Андрей Болконскій передъ смертью. Характерные признаки ея—«отчужденность отъ всего земного и радостная, странная легкость бытія». «Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви значило—никого не любить, значило—не жить этою земной жизнью. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая (безъ любви) стоитъ между жизнью и смертью.» (*Война и Миръ*). Процессъ перерожде-

нія человѣческой любви въ божескую пережилъ самъ Толстой и результаты своей духовной эволюціи закрѣпилъ въ формулахъ ученія. Кто имѣетъ дѣло съ одними формулами, тому кажется, что Толстой, какъ кн. Андрей, «съ трудомъ поднималъ все живое»; но когда видишь передъ собой *всего* Толстого, тогда убѣждаешься, что живое никогда не было для него чуждымъ: если онъ, какъ Андрей Болконскій, не понималъ живого, то «не потому, что онъ былъ лишенъ силы пониманія, но потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые и что поглощало его всего»... (*Война и Миръ*), когда то, что вызываетъ у людей тоску и слезы, кажется такимъ легкимъ, простымъ, радостнымъ.

Внутренняя драма идейныхъ героевъ Л. Толстого заключается, именно, въ конфликтѣ этихъ двухъ видовъ любви: человѣческой и божеской. «Въ Нехлюдовѣ, какъ и во всѣхъ людяхъ, было два человѣка. Одинъ—духовный, ищущій блага себѣ, только такого, которое было бы благомъ и другимъ людямъ, и другой—животный человѣкъ, ищущій блага только себѣ и для этого блага готовый пожертвовать благами всего міра». (*Воскресеніе*). Побѣда первой любви ведетъ къ моральному паденію, т.-е., къ смерти; побѣда второй приводитъ къ моральному воскресенію, т.-е. къ жизни...

Фатальная двойственность самого Толстого, отъ которой не оказались свободными его религіозная вѣра и любовь къ людямъ, дѣлаетъ его одновременно и пессимистомъ, и оптимистомъ. Онъ—пессимистъ потому, что смотритъ съ недовѣріемъ, даже враждой, на земную жизнь, на *эту* дѣйствительность; но онъ—оптимистъ, такъ какъ «совокупностью всѣхъ силъ» ощущаетъ необходимость и возможность иныхъ формъ жизни, добрыхъ, разумныхъ, идеальныхъ. Онъ страстно любитъ жизнь, все живое, ненавидитъ смерть и всякую мертвечину; но любитъ онъ не *эту* жизнь, не нашу, земную. Ученіе его хочетъ насадить Царство Божіе здѣсь, на землѣ, но если бы это совершилось, онъ повернулся бы къ нему спиной и сталъ бы проповѣдовать отрѣшеніе отъ этого царства, ради иного, высшаго. Вѣдь жизнь, о которой онъ мечтаетъ, лежитъ для него «внѣ времени и пространства» и представляетъ лишь непрерывное движеніе впередъ, къ недостижимому

идеалу. Значитъ, тутъ дѣло не столько въ улучшеніи формъ *этой* жизни, въ прекращеніи войнъ и уничтоженіи земельной собственности, сколько въ замѣнѣ *этой* жизни иною, не имѣющей съ ней ничего общаго. *Эта* жизнь есть въ глазахъ Толстого «только частичное проявленіе всей жизни», неизмѣримо малый атомъ безконечнаго, и потому она до такой степени ничтожна, что странно было бы видѣть высшую цѣль человѣческаго существованія въ ея упорядоченіи...

И людей онъ любилъ, но не тѣхъ, что жили и умирали вокругъ него, а иныхъ, очищенныхъ, просвѣтлѣнныхъ, одухотворенныхъ. Какъ жизнь, способная удовлетворить его, ни въ чемъ не напоминаетъ земной жизни, такъ и тѣ существа, свѣтлой природой которыхъ онъ любуется, мало похожи на реальныхъ людей. Онъ любитъ и цѣнитъ въ человѣкѣ то, что, на его взглядъ, составляетъ *сущность* человѣка, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ; любитъ оригиналъ, а не ту грубо намалеванную копію, какою является здѣсь, на землѣ, человѣческое существо. Онъ любитъ любовь, умиленіе, прощеніе, красоту чувства, его идеальную форму. Человѣкъ, въ своей будничной, неприкрашенной дѣйствительности, оскорбляетъ въ немъ идеалъ духовной красоты своимъ «погапымъ» тѣломъ и суетной душою; но неутолимая потребность въ нравственно-прекрасномъ, побуждаетъ его игнорировать реальнаго человѣка, т.-е. «гнуснаго звѣря», и восхищаться, черезъ его голову, разумнымъ и добрымъ существомъ, этимъ «духомъ Божіимъ въ тѣлѣ» (*Путь жизни*), подставлять на мѣсто Ивана или Петра идеальный образъ, просвѣчивающій сквозь неприглядную реальную оболочку. Онъ не обманываетъ себя: человѣкъ на самомъ дѣлѣ представляется ему *такимъ*; все недоброе, неразумное, уродливое—это только какой-то случайный налетъ, который можно счистить...

Здѣсь передъ нами встаетъ вопросъ, аналогичный вопросу о религіозной вѣрѣ Л. Толстого: подлинно ли любилъ онъ людей или только *заставлялъ* себя полюбить?

Любовь сказывается въ желаніи ближнему блага, въ служеніи этому благу. Толстой видѣлъ «благо» не въ «мірскихъ» цѣнностяхъ, а въ приближеніи къ Небу; естественно, что онъ не могъ горячо отзываться на цѣлый рядъ человѣческихъ стремленій, «суетныхъ и ложныхъ», такъ какъ не

считалъ этого благомъ для человѣка. «Не огорчаться, а радоваться я долженъ и лишеніямъ, и униженіямъ, и враждебности», говоритъ онъ про самого себя. (*Для чего мы живемъ*). Если онъ, несмотря на это, принимаетъ къ сердцу лишенія и униженія, постигающія ближняго, то тутъ заявляетъ о себѣ голосъ *человѣческой* любви, никогда не замиравшій въ немъ; для *божеской* же любви даже «не нужно предмета»; «любить дорогого человѣка можно человѣческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской». (*Война и миръ*). Въ глазахъ этой высшей любви дорого и цѣнно лишь нравственное совершенство человѣка, и ничтожными являются всѣ личныя, земныя вожделѣнія и скорби. Такая любовь отъединяла Толстого отъ людей, отдаляя его все больше отъ ихъ житейскихъ интересовъ; но она, въ то же время, соединяла его съ людьми, непрерывно напоминая ему о единомъ, общемъ Духѣ, лежащимъ въ основѣ каждаго человѣческаго существа. Особенности этой любви выражены имъ въ слѣдующихъ строкахъ *Пути жизни:* «Забыть о людяхъ, не думать о томъ, чтобы соединяться съ ними, а думать о томъ, чтобы соединяться съ тѣмъ единымъ духовнымъ существомъ, которое живетъ во мнѣ и во всѣхъ людяхъ».

Въ такихъ натурахъ, какъ Л. Толстой, заложенъ колоссальный запасъ любви къ людямъ, ко всему живому, но такъ страшно глубоко, что ей трудно, почти невозможно пробиться на свѣтъ. Пусть въ Толстомъ мало непосредственной привѣтливости, ласки,—зато въ глубинѣ его чувствующаго «Я» всегда сидитъ заботливая мысль о человѣкѣ. Люди въ родѣ Толстого, непрерывно ощущаютъ *всю* жизнь, жизнь всего человѣчества. Пускай временами онъ чувствуетъ непріязнь, даже отвращеніе къ реальнымъ людямъ,—быть можетъ, въ этомъ сказывается все та же любовь къ человѣку, та же не покидающая его забота о красотѣ и благородствѣ человѣческаго существа. Почему мы такъ увѣрены, что любовь выражается только въ привычныхъ для насъ формахъ: въ ласковыхъ словахъ, добрыхъ дѣлахъ и проч? Вѣдь горячее, страстное сердце, какъ у Толстого, проявляетъ себя и въ негодованіи, гнѣвѣ, возмущеніи. Кто возьмется рѣшить, гдѣ больше настоящей любви: въ кроткой снисходительности—или въ той «кипящей злобѣ негодованія», какая бушевала въ Толстомъ про-

тивъ сытыхъ людей, обидѣвшихъ голоднаго пѣвца? (*Люцернъ*). Мы слишкомъ еще мало знаемъ эту «глубокую душу», чтобы прилагать къ ней обычныя мѣрки. Если въ человѣкѣ всю жизнь живетъ неутолимое желаніе любить, если ради этого онъ всю жизнь ломаетъ и перекраиваетъ себя, не указываетъ ли это на то, что его глубочайшее «Я» любитъ, что въ немъ есть органическая потребность проявить эту любовь, что внутри человѣка схоронено много непроявленнаго?

Временами Толстой чувствуетъ, что и въ простой, человѣческой любви есть что-то божеское, и онъ жаждетъ именно такого чувства: земного, теплаго, непосредственнаго. Ему оно извѣстно по собственному опыту, и онъ много разъ съ грустью, съ умиленіемъ возвращается къ мыслямъ о настоящей сердечной любви, которая бываетъ «чаще всего только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ» (*О жизни*). «Сухое, разумное довольство» представляется такимъ холоднымъ, придуманнымъ въ сравненіи съ этимъ «блаженнымъ чувствомъ». Цѣнить, воздавать должное—все это хорошо, но еще лучше видѣть все «насквозь съ любовью»... Толстой признается, что ему случалось, хоть и рѣдко, «дѣлать добро отъ жалости, настоящее» (*Дневникъ* 1896 года); ему хотѣлось *такъ* любить, *такъ* жалѣть, потому что «по настоящему любишь только тогда, когда не знаешь, зачѣмъ и для чего» (*Путь жизни*). И онъ сдѣлалъ для этого все, что отъ него зависѣло и что, вообще, можетъ сдѣлать человѣкъ: онъ жилъ и поступалъ такъ, какъ будто любилъ теплой, сердечной любовью. Онъ старался нащупать въ душѣ каждаго, даже самаго отталкивающаго человѣка благородную искру, которая, вспыхнувъ вдругъ пламенемъ, «сдѣлаетъ изъ него героя» (*Севастопольскіе разсказы*). Вынуть изъ себя сердце и вставить новое онъ не могъ. Никто не имѣетъ права требовать отъ него большаго, чѣмъ тотъ духовный подвигъ, который онъ совершилъ...

Л. Толстой разъединялся съ людьми, чтобы соединиться съ Богомъ, удалялся отъ человѣческаго, стремясь приблизиться къ божескому. Онъ слишкомъ благоговѣлъ передъ великимъ, чтобы искренне уважать малое; слишкомъ любилъ совершенство, чтобы горѣть любовью къ несовершенному; слишкомъ насмотрѣлся на вѣчное, чтобы не видѣть ничтожества ограниченнаго...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Развѣ я не жилъ тогда, когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь и цѣловалъ грудь и смѣялся и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ! Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣталъ такъ много, такъ быстро, что во всю остальную жизнь я не пріобрѣлъ и одной сотой доли того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня—только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго—страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго — пучина. (Л. Толстой: Первыя воспоминанія).

Рѣдко, кто чувствовалъ такъ глубоко все значеніе инстинктивнаго, безсознательнаго, какъ Л. Толстой, и рѣдко, кто былъ одаренъ въ такой степени этой безсознательной мудростью, какъ онъ. Никто лучше него не понималъ, что корни жизни лежатъ въ подсознательномъ, въ органическихъ стремленіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ. *Собственная* душа человѣка, ея подлинное ядро, проявляется въ наболѣе чистомъ, искреннемъ, если такъ можно выразиться, видѣ не въ разумномъ сознаніи, а въ инстинктивномъ, непроизвольномъ, и потому яснѣе вскрывается на зарѣ жизни, чѣмъ на закатѣ. Впослѣдствіи въ нее войдетъ много чужого, «постороняго», отклонитъ ее отъ свойственнаго ей русла: она будетъ, незамѣтно для себя и другихъ, щеголять въ чужомъ нарядѣ, усвоитъ несродную ей манеру жить и дѣйствовать. Потомъ начнетъ чувствовать, что тутъ «что-то не то», спрашивать себя:—«гдѣ же, наконецъ, мое настоящее «Я»?—примется искать его, какъ искалъ всю жизнь Толстой...

Для опознанія индивидуальности, для ея діагноза и прогноза, какія-нибудь дѣтскія шалости, игры имѣютъ несравненно больше значенія, чѣмъ цѣлая серія чужихъ

словъ и мыслей, усвоенныхъ ребенкомъ: вѣдь «разумное сознаніе» бываетъ обыкновенно лишь складомъ чужихъ истинъ. Важно не то, *что* ребенокъ выучилъ или воспринялъ, а *какъ* это сдѣлалъ. Важны проявленія собственной натуры, невольныя, необдуманныя, потому что здѣсь-то именно и раскрывается *онъ самъ*, настоящій, не переряженный.

П. Бирюковъ разсказываетъ въ *Біографіи*, какъ маленькій Левочка «только для того, чтобы сдѣлать что-нибудь необыкновенное и удивить другихъ, задумалъ выпрыгнуть въ окошко изъ второго этажа. Влѣзъ на отворенное окно мезонина и выпрыгнулъ на дворъ», гдѣ и былъ поднятъ въ безсознательномъ состояніи. На такія выходки смотрятъ обыкновенно, какъ на чудачество, баловство, но если взглянуть поглубже, то увидишь, что въ нихъ, быть можетъ, намѣчаются черты будущаго борца, реформатора или, вообще, какой-нибудь недюжинной натуры. Весьма возможно, что если бы маленькій Левочка не былъ способенъ выпрыгнуть изъ мезонина, то и старый Левъ Николаевичъ не рѣшился бы покинуть насиженныя мѣста и семью: могъ ясно сознавать необходимость этого шага, смотрѣть на него, какъ на выполненіе нравственнаго долга—и все же не «прыгнуть»...

Словомъ, между какой-нибудь ребяческой выходкой и геропзмомъ взрослаго можетъ существовать органическая связь. Она представляется намъ неожиданной и невѣроятной только потому, что мы не видимъ безчисленныхъ звеньевъ, смыкающихъ концы цѣпи, какъ не замѣчаемъ постепеннаго роста ребенка. Мы испытываемъ въ этихъ случаяхъ нѣчто подобное тому, какъ если бы, послѣ ряда лѣтъ, вдругъ увидали бывшаго младенца бородатымъ мужчиной: мы не узнаемъ, изумляемся, не вѣримъ глазамъ...

Толстой отлично зналъ эту истину: посмотрите, въ какой неприкосновенности проносятъ его герои чрезъ всю жизнь свою индивидуальность, т.-е., свои органическія особенности, несмотря на всѣ вліянія и перемѣны судьбы. «Все, что дается человѣку воспитаніемъ,—говорилъ онъ *В. Ѳ. Булгакову*,—въ сравненіи съ его характеромъ,—ничтожество, одна тысячная доля. Я сужу хотя бы по себѣ. Человѣкъ все всегда воспринимаетъ субъективно». Онъ

блестяще доказалъ это собственнымъ примѣромъ, пронеся свою индивидуальность черезъ всѣ перемѣны и перевороты.

Если онъ, ставъ философомъ, просмотрѣлъ въ себѣ подсознательное, этотъ источникъ жизни, и промѣнялъ свою мудрость на схемы разсудочной мысли, то это лишній разъ доказываетъ, до какой степени мы мало знаемъ самихъ себя. Толстой раздѣлилъ здѣсь общую человѣческую участь, причины которой коренятся въ самыхъ условіяхъ нашего познанія.

Какъ ребенокъ узнаетъ сначала обстановку дѣтской, вещи, лица, стѣны, ѣду, погремушки и потомъ ужъ, гораздо позже, приходитъ къ сознанію своего «Я», такъ и наше познаніе начинается съ периферіи и затѣмъ, углубляясь, подвигается, шагъ за шагомъ, къ своему центру. Вотъ, почему внутренность человѣческаго существа остается, подобно внутренности Африки, Австраліи, неизслѣдованной, тогда какъ снаружи многое успѣло уже освѣтиться свѣтомъ науки. «Человѣкъ,—говоритъ Л. Толстой,—всегда безсознательно направляетъ свое зрѣніе преимущественно на предметы, наиболѣе удаленные и потому кажущіеся ему самыми простыми по цвѣту и очертаніямъ: на небо, горизонтъ, далекія поля, лѣса. Предметы эти представляются тѣмъ болѣе опредѣленными и простыми, чѣмъ болѣе они удалены, и наоборотъ: чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ сложнѣе его очертанія и цвѣтъ».(*Два взгляда на жизнь*). Естественно, что самое близкое—собственную душу—мы знаемъ меньше, нежели внѣшній міръ.

Въ то же время, Л. Толстой, раздѣляя точку зрѣнія индусской религіозной философіи, убѣжденъ, что прежде всего и непосредственнѣе всего мы знаемъ собственную душу *) и что все остальное мы можемъ узнать, только исходя изъ самопознанія. *(Тамъ же)*. Но тутъ происходитъ нѣчто совсѣмъ неожиданное, обнаруживается во всей силѣ его роковая двойственность, какая-то органическая нелогичность натуры Толстого: начавъ съ самоуглубленія, онъ

---

*) Подобный взглядъ высказываетъ и Бергсонъ въ своей книгѣ «Творческая эволюція»: «Изъ всѣхъ вещей мы лучше всего знаемъ, безспорно, наше собственное существованіе; о всѣхъ другихъ предметахъ мы имѣемъ только представленія, которыя можно признать внѣшними и поверхностными, тогда какъ самихъ себя мы знаемъ внутренне и глубоко».

вслѣдъ за этимъ выскальзываетъ на поверхность, начинаетъ разсматривать собственную душу не *извнутри*, а со стороны, теряетъ изъ вида безчисленныя переживанія, извѣстныя ему по своему внутреннему опыту, и видитъ уже лишь *оболочку* души, форму ея. Какъ планета, при большомъ удаленіи отъ нея, представляется не шаромъ, а кругомъ, затѣмъ—точкой, такъ и душа, разсматриваемая со стороны или съ птичьяго полета, становится плоской, безсодержательной, одноцвѣтной. Вообразите, что нѣкто, не имѣющій никакого представленія о человѣческой жизни, смотритъ на нее со стороны и видитъ только непрерывную, утомительную смѣну дней, ночей, временъ года, поколѣній, рожденій и смертей. Какимъ скучнымъ, безсодержательнымъ, безсмысленнымъ должно показаться ему все, чѣмъ живетъ человѣчество, разъ отъ него ускользаетъ *внутреннее*, не видное со стороны, придающее всѣмъ однообразнымъ формамъ жизни особый смыслъ и цѣну!

Душа похожа на одну изъ тѣхъ плавающихъ ледяныхъ горъ, девять десятыхъ которыхъ находится подъ поверхностью воды. Чтобы получить о ней представленіе, надо измѣрять ее въ глубину, а Толстой посмотрѣлъ *снаружи, со стороны*, «съ вниманьемъ холоднымъ разсудка» на собственное «Я»,—слѣдовательно, и на все живое,—и жизнь представилась ему, какъ Лермонтову, «пустой и глупой шуткой»:—«жить для одного того, для чего мнѣ хочется, жить,—для счастья личности,—нелѣпо и невозможно; для разумнаго же сознанія и можно бы жить, да незачѣмъ и не хочется». (*О жизни*). Это и осталось бы послѣднимъ словомъ ученія Толстого, если бы, какъ я уже сказалъ, въ спектрѣ его души, кромѣ прямыхъ линій разсудка, не было иныхъ, образующихъ «нижнее глубокое теченіе».

Уклоненіе его отъ истины началось съ того момента, когда онъ взглянулъ на душу и жизнь *извнѣ*. Здѣсь-то, именно, надо искать точку, съ которой стали расходиться врозь стороны угла, т.-е., его ученіе съ его личностью. Здѣсь—корень, изъ котораго выросли ложныя представленія о человѣческой натурѣ, неправильныя оцѣнки душевныхъ движеній, ошибки въ выборѣ путей, ведущихъ къ истинѣ и идеалу.

Пустота, образовавшаяся при устраненіи индивидуальности, производитъ впечатлѣніе зіяющаго пробѣла въ

живой жизни. Методъ Л. Толстого, заставившій его опредѣлять жизнь, «какъ сознаніе неизмѣннаго духовнаго начала», очень благопріятствовалъ его вѣрѣ въ какую-то чуть не магическую силу *общихъ понятій* и его старинному, скорѣй органическому, чѣмъ сознательному пренебреженію ко всему отдѣльному, индивидуальному; но *сама личность* Л. Толстого опровергаетъ это всѣмъ существомъ. Какъ ни обрушивается онъ на индивидуальность, какъ ни старается стереть ее съ лица земли, мнѣ довольно вспомнить *живого* Толстого, чтобы тотчасъ же почувствовать все огромное значеніе и цѣну индивидуальности. Слова его рисуютъ человѣческую личность, какъ призракъ, какъ дымъ, а *самъ* онъ, *весь*, *цѣлый*, говоритъ безмолвно, но неотразимо убѣдительно: «нѣтъ, личность — это не какой-то телеграфный столбъ,служащій лишь для проведенія истины, а нѣчто гораздо болѣе значительное, творческое». Въ живомъ образѣ Толстого, кромѣ мыслей, составившихъ его ученіе, я чувствую глубокую, далеко не вполнѣ проявленную душу, вижу какъ всю жизнь порывается она раскрыться и, передъ этими упорными, геропческими усиліями, забываю о всѣхъ ошибкахъ и пробѣлахъ его ученія.

Эта глубокая, непроявленная душа принудила его, вопреки выводамъ «холоднаго разсудка», почувствовать и признать, подъ видимой «мірской» безсмыслицей, невидимый, сверхчувственный смыслъ бытія и высшую цѣну жизни. Съ нимъ произошло то же, что съ Шопенгауеромъ, вліяніе котораго оставило на немъ замѣтный слѣдъ: логика Шопенгауеровскаго разсудка требовала опредѣленно самоуничтоженія, а онъ, вмѣсто этого, повинуясь подспудпымъ силамъ, сталъ усердно доказывать ненужность и даже вредъ самоубійства. Но есть между ними и существенная разница: въ Шопенгауерѣ возобладала «воля къ жизни», слѣпая, безсмысленная, отъ которой, въ сущности, надо бы, во что бы ни стало, спасаться; въ Толстомъ же взяла верхъ «сила жизни», благая и мудрая, какъ подсказывало ему его подсознательное. Шопенгауеръ продѣлалъ надъ собой ловкій діалектическій фокусъ и остался жить, а Толстой не умеръ потому, что не позволилъ разсудку обмануть его своей мертвящей діалектикой. И въ этомъ смыслѣ Громека не напрасно торжествовалъ, видя въ Толстомъ борца противъ «могущественнаго раціонализма»: если Л. Толстой училъ,

какъ раціоналистъ, то жилъ, чувствовалъ и дѣйствовалъ, какъ человѣкъ интуиціи, вѣры...

Да, намъ дорога сама живая индивидуальность Л. Толстого, формулы котораго получаютъ свой надлежащій смыслъ только при свѣтѣ ея. Вѣдь голая мысль это—только вексель: вся цѣнность его зависитъ отъ одаренности автора и богатства его личнаго опыта. Афоризмъ, въ родѣ: «все—суета суетъ» или: «я знаю, что ничего не знаю», можетъ высказать философъ, умудренный размышленіемъ и опытомъ, но можетъ высказать и отрокъ, мысль и опытъ котораго находятся въ эмбріональномъ состояніи,—и одинъ и тотъ же афоризмъ будетъ звучать для насъ совершенно по разному. Тутъ дѣло не въ авторитетахъ, а въ глубинѣ невысказаннаго. Два одинаковыхъ на видъ свойства или поступка могутъ быть глубоко различны, если имѣть въ виду не формально-общіе признаки, а характерныя особенности. Это—какъ два совершенно схожихъ по виду водоема: по поверхности ихъ даже не отличишь одинъ отъ другого, но глубина перваго—1 аршинъ, а глубина второго—100 саженъ.

Только при такомъ «измѣреніи въ глубину» можно почувствовать все колоссальное значеніе Льва Толстого, все его не поддающееся учету дѣйствіе на умы и сердца. Ручьи, текущіе по поверхности, могутъ сливаться вмѣстѣ въ большія русла, въ цѣлыя огромныя рѣки и потомъ исчезать безслѣдно въ океанѣ забвенія; и чѣмъ шумнѣе, быстрѣе потокъ, тѣмъ раньше исчезнетъ онъ во всепоглощающей пучинѣ... Но есть другіе ручьи. Временами они появляются надъ поверхностью, пѣнятся, брызжутъ фонтанами и—снова скрываются подъ почву. Но они не изсякли, не остановились: продолжаютъ, незримые, бѣжать подъ землей, прорывая непрестанно глубокія борозды, растекаясь милліонами струй на необъятномъ пространствѣ. Ежечасно, ежеминутно выполняютъ они свою неутомимую работу, и лишь изрѣдка обвалы, оползни, взрывы и землетрясенія напоминаютъ объ ихъ всесокрушающей силѣ...

Съ кончины Л. Н., множество шумныхъ потоковъ прокатилось по землѣ и успѣло исчезнуть въ пучинѣ. Мы видимъ, какъ тамъ и сямъ возникаютъ все новые, но и они такъ же быстро пробѣгутъ по поверхности жизни, торопясь къ общему бездонному водоему.

А рядомъ съ ними, неисчислимое количество незамѣтныхъ струекъ безшумно просачивается подъ почву, все глубже и глубже, въ нѣдра народной души, и идетъ тамъ непрекращаемая работа внутренняго переустройства—та работа, что началась въ Толстомъ съ юныхъ лѣтъ и прекратилась только съ его послѣднимъ вздохомъ.

И когда ощутишь такъ ясно это непрерывное движеніе жизни, эту неустанную подпочвенную работу, особенно значительными и проникновенными покажутся слова Л. Толстого: «Я недавно сталъ чувствовать, что, когда умру, то нисколько не умру, но буду жить во всемъ другомъ» (*Для чего мы живемъ*), ибо «то разумное, свободное, нетѣлесное начало, которое живетъ во мнѣ, не можетъ умереть». (*Путь жизни*).

МОЕ ЛИЧНОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

I.

Начало моего знакомства съ Л. Н. относится къ 80-мъ годамъ.

Какими страшно далекими представляются мнѣ они! Сколько съ тѣхъ поръ пережили мы исканій, настроеній, разочарованій!..

Въ жизни русскаго общества это было, по истинѣ, глухонѣмое время: всѣ звуки какъ будто замерли, и пустыня оглашалась одними зловѣщими криками шакаловъ. Въ воздухѣ повисла какая-то оторопѣлость, на лицахъ лежала печать унылаго недоумѣнія. Жизнь словно остановилась... Отовсюду пахло кладбищемъ.

Но живыя силы, намѣренно погруженныя властной рукой въ летаргію, продолжали бродить въ глубокихъ нѣдрахъ общества и народа, перегорая безплодно въ душевномъ подпольѣ и судорожно порываясь наружу.

Однимъ изъ просвѣтовъ былъ въ то время домъ Толстого въ Хамовникахъ. Сюда и ринулась часть общества изъ мрачнаго склепа оцѣпенѣлой дѣйствительности.

Тогда ужъ дѣйствовала фирма Посредника, были выпущены въ милліонахъ экземпляровъ разсказы Л. Н.: «Чѣмъ люди живы», «Богъ правду видитъ»... и другіе. Тогда же Сытинъ, подъ вліяніемъ Л. Толстого, принялся за очистку своихъ Авгіевыхъ конюшенъ: передѣлывались

«Милорды» и «Гуаки», издавались брошюры въ духѣ Л. Н. Толстого.

Къ этой работѣ были привлечены многіе, въ томъ числѣ и я. Съ тѣхъ поръ мои отношенія со Л. Н. не прерывались до того времени, когда онъ окончательно переселился изъ Москвы въ Ясную Поляну.

Оглядываясь теперь на личность и дѣятельность Л. Н. за эти годы, я поражаюсь ея удивительной многогранностью. Не было, кажется, ни одной стороны жизни, ни одного вопроса, къ которымъ Л. Н. не приложилъ бы рукъ. Я не буду говорить о его дѣятельности въ голодовку 1891-2 гг. и о той горячей поддержкѣ, какую онъ оказывалъ сектантамъ, въ частности—духоборамъ: все это слишкомъ извѣстно и памятно.

Остановлюсь здѣсь на менѣе замѣтныхъ проявленіяхъ его всесторонней отзывчивости.

Въ Москвѣ былъ въ то время кружокъ, поставившій себѣ задачей—знакомиться съ литературой для народа и снабжать сельскія школы безплатными библіотеками. Кружокъ этотъ вошелъ потомъ въ обветшалый комитетъ грамотности и содѣйствовалъ его возрожденію. Л. Н. участливо слѣдилъ за дѣятельностью кружка, поддерживалъ его своимъ сочувствіемъ, самъ читалъ книги, давалъ отзывы, выбиралъ, рекомендовалъ, что хорошо бы перевести, передѣлать, издать, и самъ порой хлопоталъ объ изданіи.

Съ самымъ трогательнымъ уваженіемъ относился онъ къ безкорыстнымъ общественнымъ работникамъ: «Какъ это хорошо, что они дѣлаютъ незамѣтно свое скромное дѣло, не гоняясь за популярностью! Вотъ такъ и надо жить и дѣйствовать».

Случалось, онъ дѣятельно участвовалъ въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Когда брошюра Посредника: «Гоголь, какъ учитель жизни» возбудила среди интеллигенціи жаркіе дебаты, онъ горячо принялъ подъ свою защиту Гоголя, разыскалъ и передалъ мнѣ свою статью о «Перепискѣ Гоголя», не законченную потому, что Льву Н., по его собственнымъ словамъ, «не хотѣлось вступать въ полемику съ Бѣлинскимъ».

Много времени уходило у него и на возню съ самоучками, нахлынувшими къ нему во множествѣ, иногда очень издалека.

Онъ именно «возился» съ ними: читалъ и перечитывалъ по нѣскольку разъ ихъ рукописи, пристраивалъ, училъ авторовъ, какъ надо писать, заботился объ ихъ образованіи. Несмотря на высказанное имъ скептическое отношеніе къ художественной литературѣ и поэзіи, онъ начиналъ просвѣщеніе самоучекъ съ нашихъ классическихъ авторовъ.

— Вотъ далъ ему для почина Пушкина,—говорилъ онъ мнѣ какъ-то про одного крестьянина.—Потомъ дамъ ему еще кой-кого изъ нашихъ... Себя-то я подожду давать.

Онъ высоко цѣнилъ въ самоучкахъ (преимущественно изъ крестьянъ) то, что они «не сочиняютъ», а даютъ настоящую жизненную правду; но это не мѣшало ему жаловаться на нихъ: «Не хотятъ работать надъ своими произведеніями. Думаютъ: какъ написалось, такъ и ладно. А вѣдь надо безъ конца перерабатывать и брать каждое слово съ бою»... И при этомъ любилъ приводить слова Рѣпина: «Талантливый человѣкъ никогда не кончаетъ»...

Вниманіе общества того времени было устремлено на моральные и философскіе вопросы. Л. Н. тоже очень живо интересовался ими и штудировалъ цѣлыя горы книгъ. Покойный профессоръ Гротъ, ставшій близкимъ въ домѣ Толстого, нерѣдко велъ съ нимъ философскіе споры и удивлялся обстоятельности, съ какой Л. Н. изучилъ предметъ.

Работая надъ книгой объ искусствѣ, онъ перечиталъ цѣлую библіотеку, все передумалъ, провѣрилъ тщательно,—словомъ, поступилъ такъ, какъ поступаетъ добросовѣстный ученый, работая надъ диссертаціей. Корректуры онъ переправлялъ по семи и болѣе разъ—и все-таки оставался неудовлетвореннымъ, все хотѣлъ еще провѣрить, еще исправить, усовершенствовать...

Среди всевозможныхъ работъ и широкаго общенія съ людьми, Л. Н. успѣвалъ слѣдить за новостями литературы и науки, читалъ на нѣсколькихъ языкахъ и изумительно хорошо помнилъ прочитанное. Рядомъ съ этимъ, отъ его вниманія не ускользало ни одно общественное событіе или движеніе: комитетъ грамотности, научный съѣздъ, засѣданія психологическаго общества... даже балаганы на Дѣвичьемъ полѣ, для которыхъ ему все хотѣлось написать что-нибудь «путное»... «Этимъ положительно стоитъ заняться».

При изумительной разносторонности, Л. Н. за всякое дѣло брался не какъ баринъ-диллетантъ, а какъ настоящій труженикъ. Стремленіе дѣлать все, какъ слѣдуетъ, составляетъ, на мой взглядъ, его органическую потребность: и учиться, и работать, и жить, к а к ъ с л ѣ д у е т ъ!

Эта необычайная многогранность и рѣдкая работоспособность, серьезное отношеніе ко всякому дѣлу, даже незначительному, могли уживаться въ немъ съ внутренней скрытой тревогой и какимъ-то хроническимъ нетерпѣніемъ, которыя я постоянно ощущалъ въ немъ...

II.

Была еще черта, поражавшая меня въ Л. Н., да и не меня одного. Мнѣ приходилось нерѣдко слышать отъ лицъ, знакомыхъ съ нимъ, самые противорѣчивые отзывы. Одни, напримѣръ, находили, что Л. Н.—прежде всего аристократъ; другіе утверждали, что онъ любитъ поклоненіе и не выноситъ, чтобы при немъ кто-нибудь могъ «смѣть свое сужденіе имѣть»; третьи восторгались привѣтливостью и сердечностью Л. Н. Одни утверждали, что у Толстого прямо волчьи глаза, другіе находили въ нихъ ангельскую кротость...

Скажу больше: у одного и того же лица получались отъ него впечатлѣнія, которыхъ, повидимому, невозможно примирить между собой. И самъ я иногда на протяженіи одного вечера видѣлъ передъ собой двухъ, трехъ и больше Львовъ Николаевичей, не имѣющихъ какъ будто другъ съ другомъ ничего общаго: то это—человѣкъ, съ которымъ нельзя разговаривать, а надо лишь сидѣть и трепетно внимать его проповѣдямъ, какъ Моисей внималъ гласу Божьему на Синаѣ; то это—великій человѣколюбецъ, глубоко и ласково смотрящій въ вашу душу; то—любознательный ученикъ, который жадно разспрашиваетъ обо всемъ и удивляетъ своей почти дѣтской впечатлительностью.

Иныя странности, рѣзкости, головокружительные парадоксы, которые ставили въ счетъ Л. Н., объяснялись именно этой его страшной впечатлительностью. Порой какая-нибудь мелкая житейская подробность въ разсказѣ посѣтителя такъ поражала Л. Н., что онъ приходилъ въ непонятное для окружающихъ волненіе: вдругъ вспыхивалъ гнѣвомъ или

готовъ былъ заплакать. Очевидно, онъ въ одно мгновеніе ока рисовалъ себѣ цѣлую потрясающую картину жизни, и она всецѣло захватывала его.

Мнѣ думается, что этою же впечатлительностью объяснялись нѣкоторыя крутыя перемѣны въ его взглядахъ: весьма возможно, что здѣсь играли роль впечатлѣнія, запавшія когда-то глубоко въ душу Л. Н.

Для объясненія многихъ странностей и противорѣчій, приписываемыхъ ему, необходимо также принять во вниманіе, помимо сложной и, вмѣстѣ, стихійной натуры ЛьваН., помимо страшнаго броженія, какое онъ переживалъ въ описываемые годы, еще и своеобразную обстановку, въ которой приходилось ему жить и работать.

Вспоминаю теперь домъ Толстого, и передо мной вырисовывается какой-то невѣроятный калейдоскопъ. Самые разнообразные люди приходятъ, уходятъ, соединяются наверху у Л. Н. или внизу, въ столовой, въ гостиной въ чрезвычайно прихотливыя группы.

Тутъ—всѣ, начиная съ знатнаго иностранца, пріѣхавшаго въ щегольскомъ ландо, и кончая самоучкой-поэтомъ, который пришелъ пѣшкомъ за полтораста верстъ, чтобы показать Л. Н. свои «Пѣсни и думы».

Въ тѣ годы популярность Л. Н. росла съ каждымъ днемъ. Казалось, имъ полна была не только Москва, но и вся Россія. Паломники тянулись со всѣхъ концовъ въ Хамовническій переулокъ...

Многіе направлялись къ нему съ такимъ чувствомъ, съ какимъ правовѣрные шли къ оракулу.

Городская учительница отдастъ на рѣшеніе Л. Н. вопросъ: «выходить ли ей замужъ за простого мужика?», издатель покорнѣйше проситъ написать ему предисловіе къ книгѣ, гимназистъ приходитъ побесѣдовать о половой жизни и исповѣдаться передъ Л. Н., революціонеръ является поспорить о «непротивленіи», духовное лицо пытается вернуть Л. Н. въ лоно православія...

Какъ сейчасъ вижу передъ собой его низенькую комнату на антресоляхъ, уставленную старинной кожаной мебелью...

Собрались посѣтители. Самъ Л. Н. сидитъ за столомъ среди комнаты, накинувъ пледъ, потому что изъ окна поддуваетъ. Загородившись отъ стоячей лампы ладонью, Л. Н. смотритъ изъ-подъ щитка своими проницательными

глазами на собесѣдника, предводителя дворянства, пріѣхавшаго откуда-то издалека. Рядомъ съ нимъ—студентъ, который, идя къ Гроту, надѣваетъ манишку и сюртукъ, а, отправляясь отъ него къ Толстому, считаетъ долгомъ переодѣться въ блузу и высокіе сапоги. Вдоль стѣнки размѣстились земскіе врачи изъ Сибири, одинъ московскій ученый, еще кто-то, похожій съ виду на послушника, но отнюдь не послушникъ... Въ углу сидитъ пожилой купецъ изъ «раскаявшихся», цитирующій теперь Льва Николаевича, какъ прежде цитировалъ священное писаніе.

Входитъ старый знакомый Льва Н-ча, начинаются обычныя фразы о здоровьѣ и новостяхъ... «Ну, мы поиграли съ вами разговорнымъ мячикомъ,—говоритъ Л. Н.,—а теперь давайте о дѣлѣ»... И онъ тотчасъ же заговариваетъ о томъ, что его въ данный моментъ всего больше волнуетъ. Разговоръ мало-по-малу становится общимъ.

Врачи сообщаютъ о громадномъ впечатлѣніи, какое производятъ на народнаго читателя книжки Толстого: «Это громче всякихъ барабановъ, сильнѣе всякихъ пушекъ!» Бесѣда идетъ мирно, дружно,.. Но вотъ одинъ изъ врачей замѣчаетъ:

—Только зачѣмъ и вы, Левъ Николаевичъ, вывели ангела въ «Чѣмъ люди живы»? Безъ него еще лучше было бы. А то вѣдь это—мистицизмъ.

— Если бы я могъ безъ помощи ангела выразить свою идею, я бы сдѣлалъ это,—возражаетъ благодушно Л. Н.,—но я не знаю, какъ это сдѣлать, не умѣю. Напишите мнѣ то же самое безъ ангела, и я приду къ вамъ учиться...

Но собесѣдникъ не унимается: онъ начинаетъ доказывать, что не слѣдуетъ поддерживать въ народѣ «мистическихъ суевѣрій», что надо прививать ему научное міросозерцаніе... Тутъ Л. Н. не выдерживаетъ: вскакиваетъ съ мѣста и, почти бѣгая по небольшой комнатѣ, начинаетъ громить и науку, и медицину, и врачей, не боясь сильныхъ и очень щекотливыхъ выраженій*)...

Вы разрѣжете кусокъ мяса—и думаете, что познали и душу, и весь міръ. И страсть, какъ довольны собою: точно ребенокъ, разломавшій игрушку! Да вы слѣпые, слѣпые! Вы хуже слѣпыхъ!...

---

*) То, что гр. Софья Андреевна называла «нечистоплотными» словами.

Теперь онъ—уже не философъ, глядящій на все съ высоты птичьяго полета, а неукротимый боецъ, готовый ринуться въ свалку.

Но являются новые посѣтители, все съ новыми и все съ неотложными дѣлами, и Л. Н. радушно проситъ всѣхъ внизъ въ столовую пить чай.

А тамъ тоже сидятъ люди, въ ожиданіи Л. Н., и готовятъ для него новыя дѣла, новые вопросы...

Помню вечера, когда домъ Толстого становился буквально какимъ-то кинематографомъ: безпрестанно мелькали знакомыя и незнакомыя лица, смѣнялись посѣтители, дѣла, вопросы, разговоры... Въ глазахъ пестрѣло...

Л. Н. былъ положительно-мученикомъ своей популярности... Даже въ Преображенской больницѣ среди сумасшедшихъ шли бесѣды о немъ, и на Льва Н. возлагались особенныя надежды, какъ на могущественную свѣтлую силу, неподкупную, непогрѣшимую, способную разогнать всякій мракъ.

Одинъ мой знакомый, кліентъ Преображенской больницы, страдавшій буйнымъ помѣшательствомъ, даже писалъ оттуда Толстому, прося его убѣдить врачей, что онъ—вовсе не помѣшанный, тогда какъ они-то вотъ проявляютъ всѣ признаки умственнаго разстройства...

Другой мой знакомый, пьяница-босякъ, помню, говаривалъ въ свѣтлыя минуты:

— Уже не знаю, право, что дѣлать? Или покончить съ презрѣннымъ существованіемъ, или сходить къ Льву Николаевичу? Послѣдняя надежда!..

Въ виду такой популярности, не удивительно, что вокругъ Л. Н. создавалась порой неестественная атмосфера, въ которой онъ не могъ не испытывать неловкости, несмотря на весь свой умъ, тактъ и привычку быть среди людей.

Представьте, напримѣръ, такую картину. Гостиная полна народу... Пріѣхалъ Фетъ, старый пріятель Л. Н. Онъ разсказываетъ легкомысленные анекдоты, (какъ «Кавель убилъ Кавеля»...) напоминаетъ Толстому про общія старинныя проказы («какъ, бывало, шампанское-то тянули! Помните?»). Л. Н. невольно морщится,—не изъ лицемѣрія, а потому что это идетъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ его настроеніемъ, глубоко-вдумчивымъ и сурово-серьезнымъ.

Тутъ же—дама южнаго типа, появляющаяся всегда съ колоссальнымъ ридикюлемъ, набитымъ рукописями. Она читаетъ въ упоръ Л. Н. свою новую хвалебную статью о немъ, полную самыхъ необузданныхъ эпитетовъ въ честь Толстого. А раскаявшійся купецъ, сидя скромненько въ углу, гудитъ оттуда все время кстати и не кстати: «Главное дѣло—по-божески надо... чтобы, значитъ, все—по совѣсти, по правдѣ... Творить волю пославшаго».

Видно, что Л. Н. чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко: ему жаль обидѣть и Фета, и восторженную даму, и этого добродѣтельнаго дятла, выстукивающаго свое однотонное: «твори волю пославшаго... твори волю»,—а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ощущаетъ во всемъ этомъ что-то неладное, приторное.

Но вотъ дама, повторивъ нѣсколько разъ съ экзальтаціей: «нашъ геніальнѣйшій... геніальнѣйшій»!.. кончила чтеніе и требуетъ отъ Л. Н. отзыва. Онъ смущенъ: въ статьѣ превозносятся любимыя идеи Толстого, но еще больше превознесенъ, захваленъ «до неприличія» онъ самъ. Это его коробитъ, но не хочется обидѣть дамы... Онъ обращается ко мнѣ, какъ «къ свѣжему» человѣку... Я говорю, что читатель почувствуетъ въ статьѣ личное пристрастіе автора къ Толстому, и это помѣщаетъ ему отнестись довѣрчиво къ содержанію. Л. Н. облегченно переводитъ духъ:

— Вотъ, вотъ! Именно—пристрастіе! Въ самомъ дѣлѣ, это какъ-то неловко... Это ужъ—лишнее...

Людей, толпившихся вокругъ Л. Н., было очень много. Тутъ были, во-первыхъ, старые знакомые Толстыхъ. Можетъ быть, иные изъ нихъ и сочувствовали новому ученію Л. Н., но въ глубинѣ души, думается мнѣ, оставались безнадежно далекими отъ всей его внутренней ломки и религіозно-моральной революціи.

— «Ахъ, измучилъ меня этотъ старикъ!» признался мнѣ какъ-то Л. Н., разсказывая про одного старинаго знакомаго: «онъ говоритъ, о чемъ угодно, и всему поддакиваетъ... и все это—для того только, чтобы посидѣть мирно за самоваромъ. У меня отъ него голова разболѣлась». Другая категорія людей изъ свиты Л. Н. принадлежала къ числу любопытствующихъ, которые поставили себѣ цѣлью осматривать всѣ достопримѣчательности: въ Москвѣ—

Толстого, въ Петербургѣ—Іоанна Кронштадтскаго. Пріѣдутъ—и стараются высосать поскорѣе изъ Льва Николаевича какое-нибудь новое изреченіе, чтобы потомъ передавать его во всѣ стороны. Не спорятъ, даже не разговариваютъ, а спѣшатъ согласиться и записать знаменательныя слова въ своей памяти. Этихъ интервьюеровъ, равнодушныхъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ диковинокъ, Л. Н. очень не долюбливалъ, но, не желая обижать, бывалъ терпѣливъ... впрочемъ, не всегда. Иной разъ въ немъ кипѣло глухое раздраженіе, и замѣтно было, что онъ съ трудомъ сдерживается. Мнѣ казалось въ такія минуты, что онъ раздраженъ противъ всѣхъ на свѣтѣ, и больше всего—на самого себя...

Нерѣдко возбуждали въ немъ досаду безчисленныя просьбы дать свою фотографическую карточку или автографъ:—«Ну, какъ не совѣстно жить такими пустяками?»..

Другой лагерь, и не малочисленный, составляли поклонники и послѣдователи, правовѣрные толстовцы, не употреблявшіе даже чаю, убогіе, безкровные, лишенные страстей и воображенія. Они-то, на мой взглядъ, и вносили всего болѣе фальши въ атмосферу, окружавшую Толстого, хотя и силились быть простыми и искренними. Они тоже не спорили, а подхватывали мысль Л. Н., старательно развивали ее и утрировали.

Толстой благоволилъ къ нимъ не потому, что они на него молились, а потому, что были (далеко не всѣ, конечно) послѣдовательны до конца:—вѣдь это встрѣчается въ жизни не часто. Иные изъ нихъ не блистали умомъ и воображеніемъ, но зато обладали недюжинной волей, не останавливались ни передъ лишеніями, трудами и жертвами, ни передъ самыми крайними выводами, благодаря которымъ многіе пріобрѣтаютъ репутацію свободныхъ мыслителей. Л. Н. всегда уважалъ послѣдовательность, цѣльность, согласіе между словомъ и дѣломъ. Недаромъ писалъ онъ въ *Исповѣди*, что его могли бы убѣдить въ истинѣ только «дѣйствія», поступки людей.

И всякій скажетъ, что эти черты достойны самаго глубокаго уваженія: быть послѣдовательнымъ, доходить до конца—не такъ-то легко и просто. Одинъ, напримѣръ, не только совѣтовалъ мнѣ питаться сухимъ толокномъ, но—что важнѣе всего,—и самъ питался. Другой, вѣрный

принципу, что не должно посягать на чужой трудъ, таскалъ черезъ всю Москву на собственной спинѣ страшные мѣшки... Это—сила!

Но послѣдовательность, доходившая до подвижничества, не мѣшала имъ приносить съ собой въ домъ Толстого тотъ самый мертвящій, «тлѣнный» духъ, отъ котораго изнывала вся Россія. Ярые враги Побѣдоносцева, они, сами того не замѣчая, клали въ основу жизни все ту же мертвечину...

Какъ и Л. Н., они проповѣдовали разумное сознаніе, самосовершенствованіе, носили, какъ и онъ, блузы, не ѣли мяса и вообще походили во многомъ на своего учителя; но то, что выросло у Л. Н. послѣ упорной внутренней борьбы и было окрашено кровью сердца, у нихъ нерѣдко оказывалось простой прописью, принятой на вѣру. И чѣмъ правовѣрнѣе былъ толстовецъ, тѣмъ мертвѣе была его вѣра, тѣмъ анемичнѣе—вся его личность и жизнь. Это—все равно, какъ еслибы человѣкъ учился быть религіознымъ по катехизису Филарета...

Помню, какъ отъ цѣлаго вечера, проведеннаго въ кругу толстовцевъ, у меня въ головѣ осталась одна только фраза, еще долго и назойливо звучавшая въ ушахъ: «Навозъ надо возить... Навозъ! Навозъ!»...

Немилосердно суживая жизнь, эта толпа прямолинейныхъ, сильныхъ своей послѣдовательностью людей заставляла и Л. Н. суживаться. Когда я видѣлъ Толстого среди толстовцевъ, я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что Л. Н. надѣлъ на себя какія-то вериги или оковы. Правовѣрные отбрасывали на своего учителя мертвенный отблескъ, и онъ казался въ эти минуты суховатымъ, безжизненнымъ.

Въ такіе моменты душа человѣческая приносилась въ жертву апріорной схемѣ, живая индивидуальность стушевывалась, и на ея мѣстѣ начертывалась сухопарая формула, иногда схоластическая по духу и ничтожная по содержанію. И тогда представлялось, что вся «воля пославшаго» заключается въ двухъ заповѣдяхъ: «не кури» и «ѣшь сухое толокно»... И становилось холодно, скучно, досадно, точно тебя сослали въ монастырь для исправленія...

Но я живо помню, какъ Л. Н. въ этихъ случаяхъ, не выдержавъ, прорывался. Толстовцы никогда не прорыва-

лись, а Толстой прорывался... Среди безконечныхъ хитросплетеній о «разумномъ сознаніи», вдругъ попроситъ сыграть ему изъ Шопена, или, наслушавшись кроткихъ рѣчей на тему о непротивленіи, разразится бранью противъ Побѣдоносцева, синода и предержащихъ властей. «Да вѣдь это же совершенный мерзавецъ!» вдругъ выдѣляется его голосъ.

Однажды, когда толстовцы рѣшали роковой вопросъ: «позволительно ли, съ точки зрѣнія разумнаго сознанія, пить чай, въ виду его возбуждающихъ свойствъ»?—Л. Н. въ разгарѣ спора вдругъ обратился ко мнѣ: «А нѣтъ ли у васъ папиросы?»—и потомъ виновато прибавилъ: «Бросилъ курить... а все, знаете, тянетъ»...

III.

Подобнаго рода непослѣдовательность, противорѣчіе себѣ, рѣзкости и странности, удивлявшія многихъ, были, въ сущности, показателями того, что Л. Н.—не машина, движущаяся по пути самосовершенствованія, а живой человѣкъ, съ плотью, кровью, со страстями, способный горячо увлекаться.

Онъ всегда былъ неутомимымъ искателемъ истины, но по временамъ становился рабомъ собственнаго ученія, такимъ же догматикомъ, какъ его правовѣрные послѣдователи, и тогда происходило оригинальное совмѣщеніе въ одномъ и томъ же лицѣ Толстого и толстовца.

Первый былъ вѣчно живымъ, подвижнымъ, вѣчно ищущимъ и, какъ мнѣ кажется, одинокимъ среди окружавшей толпы, непонятымъ въ своихъ глубочайшихъ переживаніяхъ; второй—только холодной тѣнью перваго, мертвымъ слѣпкомъ съ него. Толстовецъ былъ вѣчно неизмѣненъ, серьезенъ, равнодушенъ къ краскамъ жизни и одушевлялся лишь при разговорахъ о разумномъ сознаніи и разумномъ житіи. Толстой же, живой, настоящій Толстой, каждымъ фибромъ своимъ тянулся къ живой жизни, къ страстной борьбѣ за нее.

Это толстовецъ, а не Толстой написалъ книгу «О жизни», такую костлявую, мертворожденную, напоминающую по формѣ древніе схоластическіе трактаты. И многое изъ его позднѣйшихъ произведеній носитъ на себѣ отпечатокъ не самого Толстого, а типичнаго толстовства.

И въ жизни—также.

Толстой, въ качествѣ толстовца, поворачивается иной разъ спиной къ интеллигенту, измученному нуждой, лишеніями и чисто интеллигентскими язвами, какъ было съ однимъ моимъ знакомымъ, душевную муку котораго Толстой принялъ за барскую избалованность... Въ качествѣ того же толстовца, онъ чуть не выгоняетъ отъ себя дѣвочекъ, кончившихъ городскую школу,—за то только, что имъ хочется поступить въ гимназію...

А какъ настоящій, неподдѣльный Толстой, Л. Н. убивается, силясь помочь людямъ, чѣмъ только можетъ: утѣшаетъ, ободряетъ, пищетъ для нихъ заработка, пристраиваетъ, хлопочетъ за политическихъ, пуская для этого въ ходъ свои связи, хотя это для него иногда очень тягостно. Даже когда ему самому нездоровилось, онъ, случалось, бѣгалъ навѣщать больныхъ, провожать ссыльныхъ, выручать кого-нибудь изъ бѣды. Помню, какъ онъ однажды весной, рѣшившись, въ виду крайняго переутомленія, уѣхать въ Ясную Поляну, ходилъ передъ отъѣздомъ навѣщать больныхъ и вернулся домой въ полномъ изнеможеніи; но это не помѣшало ему разбираться со мной въ разныхъ литературныхъ дѣлахъ.

Одинъ мой знакомый, честный и добрый человѣкъ, доведенный обстоятельствами до изступленія, сталъ убійцей... Л. Н., узнавъ отъ меня про условія, въ которыхъ все произошло, тотчасъ же вступился и написалъ, кому слѣдовало, горячее, убѣдительное письмо, быть можетъ, избавившее невольнаго убійцу отъ каторги...

Таковъ былъ настоящій Л. Н., всегда выправшій изъ деревянныхъ рамокъ догматическаго толстовства.

Трудно встрѣтить болѣе честное отношеніе къ людямъ: чтобы выполнить данное обѣщаніе, Левъ Николаевичъ заброситъ дѣла, не позволяетъ себѣ отдохнуть—и свято сдержитъ слово. Не находя времени днемъ, читаетъ по ночамъ рукописи начинающихъ авторовъ... Утомленный, задерганный, заставляетъ себя принимать посѣтителей, разъ у нихъ—неотложное дѣло.

Я хорошо понимаю чувство одного молодого человѣка, нервнаго, болѣзненнаго, самолюбиваго, мнительнаго. Шелъ къ Л. Н. съ трепетомъ: «Раздавитъ онъ меня своимъ величіемъ!» А вернувшись отъ него, радостно заявилъ:

— Знаете: это—первый человѣкъ, который ничѣмъ, ничѣмъ не обидѣлъ меня!

IV.

Мнѣ постоянно приходилось наблюдать въ личности Л. Н. черты указанной двойственности. Въ то время, какъ толстовецъ серьезничалъ по поводу самой невинной шутки, Л. Н. острилъ, каламбурилъ, представлялъ, какъ лаетъ мужицкая собака и какъ—господская, разсказывалъ анекдоты—больше изъ простонародной жизни.

Въ противоположность всегда строгому стилю тогдашнихъ фанатическихъ толстовцевъ, Л. Н. обожалъ добрый смѣхъ, восхищался юмористическими шедеврами Чехова, вспоминалъ его «Налима» и жалѣлъ, что въ литературѣ такъ мало неподдѣльнаго юмора и здороваго, наивнаго комизма.

Какъ и толстовцы, онъ относился къ стихамъ отрицательно: «Хорошо написано, только жаль, что—стихами. Это все равно, какъ еслибы человѣкъ, желая пойти куда-нибудь, предварительно связалъ себѣ ноги»... Но когда одинъ изъ его знакомыхъ попросилъ Л. Н. просмотрѣть стихотворенія Тютчева и высказать о нихъ свое мнѣніе, онъ основательно проштудировалъ книгу и испещрилъ ее своими замѣчаніями: «Тонко... глубоко... поэтично... чутье къ природѣ... просто и изящно»... и проч. въ этомъ родѣ, ясно указывающее на то, что Л. Н. наслаждался поэтомъ, прочувствовалъ Тютчева, быть можетъ, острѣе и полнѣе, чѣмъ любой профессіональный критикъ.

Толстовцы священнодѣйствовали даже тамъ, гдѣ надо было смѣяться, а Л. Н., уставъ отъ метафизики, показывалъ профессоруГроту, какъ дѣлать изъ бумаги пѣтушковъ...

Хотя Левъ Николаевичъ и тогда уже исповѣдовалъ страстно принципъ непротивленія, но никогда не казался мнѣ человѣкомъ, смирившимся въ какомъ бы то ни было смыслѣ, чего не могу сказать о большинствѣ толстовцевъ, которыхъ я встрѣчалъ. Все въ немъ—глаза, манеры, способъ выраженія—говорило о томъ, что принципъ, заложенный въ него глубоко самой природой—отнюдь не смиреніе и покорность, а борьба, страстная борьба до конца. О томъ же говорятъ и произведенія его, навлекшія на автора

гнѣвъ сильныхъ. Многія страницы ихъ дышатъ вызовомъ, горечью, негодованіемъ, сарказмомъ, а иныя можно прямо сравнить съ ударами бича.

Да наконецъ, еслибы онъ дѣйствительно былъ такой «непротивленный», то врядъ ли нажилъ бы себѣ столько яростныхъ враговъ, возбудилъ противъ себя такую бурю ненависти и проклятій... вплоть до знаменитаго отлученія.

Въ томъ-то и дѣло, что всѣ невольно чувствуютъ подъ налетомъ непротивленія натуру непримиримаго бойца, умѣющаго негодовать, бичевать и пробуждать въ другихъ воинствующій духъ. Каменная стѣна, давно ужъ стиснувшая русскую жизнь и душу кольцомъ, всегда была для Л. Н. ненавистна.

— Надо во что бы то ни стало разрушить эту стѣну,— твердилъ онъ съ страстнымъ убѣжденіемъ.—Каждый изъ насъ долженъ колупать эту стѣну хоть ногтемъ... Каждый долженъ хоть камешекъ вынуть изъ нея... Толкать, бить, пробуравливать, чтобы наконецъ взрѣшетить ее!.. Нельзя успокаиваться, примиряться, пассивно складывать руки... Давайте же всѣ «колупать стѣну!»

V.

— Что, Л. Н., очень васъ одолѣваютъ люди?—спросилъ я его однажды.

— Да, одолѣваютъ. Силъ становится все меньше, а дѣла все прибавляется...

Дѣйствительно, тяжело было видѣть, какъ его разрываютъ,—и съ тѣхъ поръ я сталъ бывать у него рѣже.

Помню, попалъ къ нему вскорѣ послѣ отлученія. Комната была завалена адресами и разными другими вещественными выраженіями сочувствія... На стѣнѣ вписѣла мраморная доска, поднесенная Л. Н. какими-то дамами. На доскѣ было вырѣзано привѣтствіе, текста котораго я не помню.

Самъ Л. Н. относился къ отлученію (по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ) совершенно спокойно.—«Ну, что они этимъ доказали?»—добродушно спрашивалъ онъ и принимался разсказывать о разныхъ курьезахъ, связанныхъ съ отлученіемъ. Такъ, одна православная старушка, прочитавъ объ отлученіи Толстого отъ церкви, явилась къ нему по

этому поводу съ просвиркой, желая такимъ способомъ хоть немножко уврачевать его рану.—«Скушайте ее, Левъ Николаевичъ, во славу Божію, на доброе здоровье!»... А какой-то нѣмецкій фабрикантъ, прослышавъ про скандалъ съ графомъ Толстымъ, немедленно прислалъ ему запросъ: «Не разрѣшитъ ли Левъ Николаевичъ поставить свою фамилію на сигарахъ его фабрики»?...

VI.

Бывая все рѣже у Л. Н., я, по счастливой случайности, встрѣчался съ нимъ довольно часто на улицѣ.

Хоть онъ и говорилъ, что «силъ становится все меньше», но это не мѣшало ему дѣлать ежедневно громадные концы по Москвѣ... А однажды я видѣлъ, какъ Л. Н. выскочилъ изъ Александровскаго сада и пустился догонять конку: онъ бѣжалъ съ юношеской рѣзвостью, догналъ и вспрыгнулъ на ходу.

Въ другой разъ я встрѣтилъ его въ Охотномъ ряду: онъ шелъ въ Мясницкую больницу навѣстить знакомаго. Дѣло было на Пасхѣ. Л. Н., по своему обыкновенію, тотчасъ же заговорилъ о томъ, что его особенно занимало въ ту минуту и о чемъ онъ, повидимому, только что думалъ.

— Представьте себѣ: вдругъ, точно по мановенію жезла, милліоны, десятки милліоновъ принимаются готовить куличи и пасхи. Чѣмъ это объяснить? Только тѣмъ, что они видятъ въ этомъ какую-то истину. Иначе — какая сила могла бы заставить эти милліоны?... Такъ и во всемъ: дайте имъ познать другую истину, настоящую,—и всѣ эти милліоны бросятъ свои куличи и будутъ такъ же усердно дѣлать другое, болѣе нужное и высокое. Вообразите, что сегодня всѣ убѣдились въ ненужности этихъ тротуаровъ, лавокъ, городовыхъ, мостовыхъ, домовъ и всего, что мы здѣсь видимъ:—тогда завтра же отъ всего этого не останется камня на камнѣ. И такъ непремѣнно будетъ.

Онъ долго говорилъ на эту тему съ ожесточеннымъ убѣжденіемъ, сильно стуча по камнямъ тротуара палкой; моментами казалось, что онъ производитъ какія-то заклинанія и вотъ-вотъ вызоветъ на свѣтъ могучаго духа. Но вызывать было незачѣмъ: этотъ могучій духъ сидѣлъ въ немъ самомъ. Была ли у него страстная вѣра, или—еще

болѣе страстное желаніе увѣровать?—рѣшить этого я не могъ, а чувствовалъ только въ немъ мощную силу проповѣдника, который говоритъ, какъ «власть имущій»...

VII.

Въ одно изъ послѣднихъ свиданій на мой вопросъ, какъ онъ чувствуетъ себя, Л. Н. отвѣчалъ:

— Да вотъ приближаюсь къ смерти, и не безъ удовольствія. Повѣрьте: ничего въ ней страшнаго нѣтъ. Въ жизни больше страшнаго... А можетъ быть, мнѣ опять выдетъ отсрочка? Ну, что жъ? Подожду... Какъ Богу угодно. Только, думается мнѣ,—отсрочекъ больше не будетъ. Благо—въ томъ, чтобы довѣрчиво отдаться на волю Отца...

Онъ заговорилъ о молитвѣ: «Великая вещь—молитва! Необходимо время отъ времени утвердиться на какой-нибудь неподвижной точкѣ, внѣ всей этой измѣнчивой суеты, и устремить все вниманіе на вѣчное, абсолютное, неизмѣнно истинное. Это, мнѣ думается, должно быть коренной потребностью всякаго мыслящаго человѣка... Молитву ничѣмъ не замѣнишь. Если бы не было такой точки, нельзя было бы жить»...

Потомъ снова вернулся къ вопросу о смерти вообще, и о своей—въ частности. Разсуждалъ о ней, какъ о новой, высшей формѣ жизни, и опять я не могъ рѣшить, вѣритъ ли онъ, или только жаждетъ повѣрить? Во всякомъ случаѣ, онъ говорилъ о своей смерти, въ близости которой былъ почему-то увѣренъ, съ такимъ свѣтлымъ спокойствіемъ, что я отъ души позавидовалъ ему. Я, напротивъ, ощущалъ щемящую грусть, даже какую-то жуть при мысли: «А вдругъ Толстой въ самомъ дѣлѣ умретъ?»

И когда онъ, собравшись въ Ясную Поляну, покинулъ свой домъ въ Хамовникахъ, мнѣ чудилось, что Москва опустѣла, что въ жизни вдругъ образовался провалъ. Такъ грустно было проходить мимо пустыннаго дома.

И сейчасъ я невольно думаю о томъ же: какъ опустѣетъ жизнь, когда Толстой уйдетъ изъ нея! Будетъ такое чувство, словно душа отлетѣла отъ міра...

Дай Богъ, чтобы это случилось, какъ можно позже!

МОИ ПЕРВЫЯ СВИДАНІЯ СЪ Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

Я просилъ Л. Н. прочитать мои «Вопросы жизни», нѣчто въ родѣ лирико-философской поэмы въ стихахъ. Съ Л. Н. я не былъ знакомъ и передалъ рукопись черезъ своего товарища, жившаго въ домѣ Толстого въ Хамовническомъ переулкѣ. Отъ него же я вскорѣ узналъ, что Л. Н. читалъ всю ночь мою безконечную поэму и заинтересовался авторомъ.

Очутившись въ мезонинѣ Толстовскаго дома, въ приплюснутой комнатѣ, глазъ на глазъ съ Л. Н., я почувствовалъ немалое смущеніе. Впрочемъ, и Толстой былъ смущенъ, что меня очень удивило...

— Вы видите: я конфужусь,—сказалъ онъ съ своей милой, застѣнчивой улыбкой и затѣмъ принялся осторожно, неувѣренно высказывать свое мнѣніе.

Помню, что онъ хвалилъ содержаніе и идею «Вопросовъ», но возражалъ противъ стихотворной формы:

— Зачѣмъ стихи? Все это можно проще и удобнѣе выразить въ прозѣ...Стихи связываютъ автора по рукамъ и ногамъ.

— Да, но нѣкоторыя вещи почему-то напрашиваются на стихи. Бываютъ моменты, когда хочется именно стиховъ, какъ иногда хочется пѣсенъ, а не обычной рѣчи.

Л. Н. задумчиво согласился:

— Можетъ быть, можетъ быть...

Онъ снова заговорилъ о моей поэмѣ. Меня пріятно поразилъ тотъ простой, почти товарищескій и чрезвычайно

серьезный тонъ, какимъ не часто разговариваютъ прославленные писатели съ начинающими.

— Если для васъ важно знать, стоитъ ли вамъ заниматься литературной дѣятельностью, то вотъ мое мнѣніе: да, стоитъ... Только все-таки прозой—лучше...

Потомъ онъ перешелъ къ другимъ темамъ, разсказалъ объ издательствѣ Посредника, о мѣрахъ къ упорядоченію лубочной литературы, убѣждалъ меня поработать въ этомъ направленіи...

— Надо учиться писать для массы. Мы еще не умѣемъ, потому что все писали для господъ... Я вотъ учусь теперь, какъ писать для простого читателя, но пока иду ощупью и недоволенъ собою: все не могу отдѣлаться вполнѣ отъ этого сквернаго книжнаго, интеллигентнаго языка. А скверно говоришь,—значитъ, скверно мыслишь...

Онъ проводилъ меня по лѣстницѣ до второго этажа.

— Ахъ, да, подождите... Я хочу дать вамъ послѣднія изданія Посредника: передѣлки лубочныхъ...

Онъ взвился стремглавъ на верхъ и черезъ минуту бѣгомъ вернулся съ изданіями, запрыгалъ внизъ по лѣстницѣ, оступился и упалъ. Должно быть, онъ очень больно зашибъ колѣнку: схватился за нее и застоналъ. Но тотчасъ же придалъ всему шутливый видъ и началъ, какъ маленькій ребенокъ, голосить:

— Ой, ой, какъ больно! Ой, ой!

Онъ потиралъ съ комическимъ видомъ ногу и говорилъ:

— Пріятно, знаете, иногда похныкать, чтобы тебя пожалѣли. Мы вѣдь всѣ—какъ дѣти: ушибемся сами объ жизнь—и требуемъ, чтобы кто-нибудь потеръ намъ больное мѣсто, поплакалъ надъ нами... Да, да, именно такъ...

Онъ долго размышлялъ вслухъ, стоя со мной на лѣстницѣ; и тутъ мнѣ бросилась въ глаза одна его черта, которую я часто наблюдалъ въ немъ впослѣдствіи: въ Толстомъ всегда было столько готовыхъ, назрѣвшихъ мыслей и такая потребность высказываться, что онъ иной разъ, по самому ничтожному на видъ поводу, развивалъ цѣлую философію. Чаще это случалось не тогда, когда онъ обсуждалъ «вопросы бытія», а когда происходило что-нибудь незначительное «житейское», въ которомъ онъ вдругъ усматривалъ бездну поучительнаго: какое-нибудь домашнее обыденное обстоятельство, или черточка, замѣченная имъ

въ незнакомомъ посѣтителѣ, разговоръ съ извозчикомъ, съ разносчикомъ—все вызывало на свѣтъ громадный запасъ скопившихся въ немъ наблюденій, мыслей, оцѣнокъ, и видно было, какъ сквозь всякую житейскую деталь просвѣчивала для него вся панорама жизни, съ ея загадочными силами и законами, и какъ неразрывно связано въ его представленіи самое мелкое, случайное съ великими вопросами вѣчнаго и безконечнаго...

Я ушелъ отъ Л. Н. удовлетворенный, окрыленный, и скоро принесъ ему маленькій прозаическій очеркъ: «Вьюга»—для народнаго чтенія. Вещица очень понравилась Л. Н. Онъ нашелъ въ ней «истинный трагизмъ» и тутъ же, со свойственной ему дѣловитостью, указалъ рядъ детальныхъ промаховъ, допущенныхъ мною по неопытности.

— У васъ вьюга продолжается всю ночь, а утромъ крестьянинъ выходитъ изъ избы. Вы говорите просто: «онъ вышелъ...» Но какимъ образомъ онъ вышелъ? Вѣдь всю избу замело, передъ дверью—сугробъ. Ему, конечно, пришлось отгребать снѣгъ... Надо не только упомянуть объ этомъ, но и показать, какъ это происходило...

Онъ увлекся, бесѣдуя о томъ, какъ слѣдуетъ писать: необходимо все время видѣть передъ собой вполнѣ ясно и отчетливо то, что изображаешь, не выпускать ни на минуту изъ глазъ правду жизни, идти по пятамъ за героемъ («какъ это встарь называли») разсказа...

— Простой деревенск:й читатель не проститъ вамъ малѣйшаго искаженія хорошо знакомой ему дѣйствительности. Другое дѣло—сказка... Ну, тогда ужъ лучше писать прямо сказки...

Онъ привелъ мнѣ много иллюстрацій своей основной мысли, но я не помню теперь, какія именно. Въ воспоминаніи остался только образъ писателя, страстно любящаго свое дѣло—вплоть до ничтожнѣйшихъ аксессуаровъ его.

Л. Н. рѣшилъ отослать «Вьюгу» Посреднику и прибавилъ съ простодушно-лукавой усмѣшкой:

— Я имъ пока своего мнѣнія не выскажу. Посмотримъ, разберутъ ли они?..

Онъ простился со мной, вновь повторивъ свой совѣтъ: писать.

— Теперь я судилъ снисходительно, а потомъ буду судить строже...

Но мнѣ совѣстно было утруждать Л. Н. своими рукописями. Съ каждымъ днемъ все больше одолѣвали его посѣтители, просьбы, дѣла, хлопоты. Приходя къ нему на вышку, я видѣлъ частенько биткомъ набитую комнату. Вокругъ Л. Н. сплеталась цѣлая сѣть вопросовъ, всевозможныхъ предпріятій, начиная отъ глубоко серьезныхъ, создаваемыхъ самимъ Толстымъ, и кончая мелочами, на которыя Л. Н., по своей широкой человѣчности, нерѣдко отзывался... Не хватало духу отнимать у него время.

Тѣмъ не менѣе поводовъ для бесѣдъ объ искусствѣ, литературѣ, писательствѣ было достаточно: передѣлка лубочныхъ книгъ, составленіе библіотекъ для сельскихъ школъ, рукописи крестьянъ-самоучекъ, изданія Посредника, работа самого Л. Н. надъ книгой: «Объ искусствѣ» —все давало обильную пищу для обмѣна мыслей о литературномъ и художественномъ творчествѣ...

Л. Н. ТОЛСТОЙ О ПИСАТЕЛЬСТВѢ.

I.

За тѣ годы, когда я часто видѣлся съ Л. Н., мнѣ довелось слышать отъ него много отзывовъ объ отдѣльныхъ литературныхъ произведеніяхъ и вообще о литературѣ, о писательскомъ дѣлѣ. Поводовъ для такихъ разговоровъ было немало. Иногда это были связныя, длинныя бесѣды, иногда—афоризмы или оброненныя вскользь замѣчанія. Если къ этому прибавить бесѣды Л. Н. съ другими лицами, писателями и не писателями, самоучками и интеллигентами,—бесѣды, при которыхъ я не разъ присутствовалъ, то у меня наберется достаточно матеріала, чтобы воспроизвести основные взгляды Толстого на литературу и писательство.

Я не записывалъ его словъ и потому не могу приводить подлинныхъ цитатъ, но сущность его воззрѣній представляется мнѣ вполнѣ опредѣленно.

II.

— Вы, кажется, много занимаетесь литературой?— спрашивалъ онъ меня при встрѣчѣ, и въ тонѣ его сквозила добродушная насмѣшечка.

Можно было подумать, что литература для него—какая-то шалость, которою, къ его удивленію, забавляются иногда даже серьезные люди. И на первыхъ порахъ мнѣ

все казалось, что я въ чемъ-то грѣшенъ, хотя и заслуживаю снисхожденія.

Однако я скоро убѣдился, что Л. Н. какъ разъ въ это время самъ усердно занимается литературой,—куда усерднѣе, чѣмъ я и мои литературные собратья. Мало того: онъ неоднократно повторялъ съ свойственнымъ ему страстнымъ убѣжденіемъ, что писатель долженъ вживаться въ свое произведеніе, неотступно совершенствовать, что писательство требуетъ упорнаго, напряженнаго труда, чему онъ самъ первый подавалъ живой примѣръ.

Это не мѣшало Л. Н. посмѣиваться надъ литературой и писательствомъ, какъ своимъ, такъ и чужимъ, а иной разъ съ горечью протестовать...

III.

Я понялъ его въ надлежащемъ смыслѣ только тогда, когда сталъ живо чувствовать главный нервъ его духовной жизни. Что Толстой былъ на рѣдкость преданъ своему писательскому призванію, въ этомъ согласятся всѣ, знавшіе его. И однако онъ, въ самый расцвѣтъ своей дѣятельности, отмахивался съ какимъ-то отвращеніемъ отъ писательства и литературы (еще во времена «Анны Карениной»):—«Все ложь и пустяки!»*).

Ему хочется чего-то болѣе нужнаго, существеннаго, какого-то насущнаго хлѣба, а не соусовъ, въ родѣ писанія романовъ и повѣстей. Въ немъ всегда сидѣлъ протестъ, сначала смутный, потомъ сознательный, противъ доминирующей роли искусства и литературы, противъ преклоненія передъ ними, какъ передъ кумирами.

«Искусство для искусства», «литература для избранныхъ», самодовлѣющая красота—были въ его глазахъ идолами, которыхъ слѣдуетъ осмѣивать и разрушать.

Въ самомъ дѣлѣ: плодами искусства, того искусства, что создается для привиллегированныхъ, пользуется лишь незначительная часть человѣчества. Этому-то привиллегированному потребителю угождаютъ, сознательно или безсознательно, художники, писатели, артисты, льстя его

---

*) Еще въ 1860 г. онъ писалъ Фету: «Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь».

вкусамъ, прикрашивая его интересы, поэтизируя то, что для Толстого было грѣхомъ и ложью. Такое искусство служитъ не столько дѣлу нравственнаго совершенствованія, сколько господскимъ прихотямъ, самоуслажденію и забавѣ.

А до забавы ли намъ, когда жизнь такъ исковеркана, личность человѣческая искажена, когда кругомъ такъ много тьмы, страданій и неправды?

По убѣжденію Толстого, лучшее и высшее, что дано человѣку, это—учить истинѣ, проповѣдовать добро. Такова миссія писателя. Въ его распоряженіи мощное орудіе—слово, и онъ обязанъ употреблять его не на службу привиллегированной кучкѣ, съ ея условными, эгоистическими интересами, а на пропаганду и защиту справедливости, человѣколюбія, всего высшаго и святого. Огромная масса человѣчества нуждается въ насущномъ хлѣбѣ, и онъ долженъ давать его, а не изготовлять бомбоньерки для сытыхъ и праздныхъ.

Не узнаете ли вы въ этомъ того Толстого, который много лѣтъ назадъ, среди своихъ литературныхъ успѣховъ, повернулся спиной къ «господской» литературѣ и занялся обученіемъ крестьянскихъ дѣтей? Или—того Толстого, что на склонѣ лѣтъ отмахивался отъ своего блестящаго писательскаго прошлаго, чтобы жадно приникнуть къ сокровищницѣ, изъ которой черпаетъ свою духовную жизнь многомилліонная масса простыхъ людей?

И не это ли основное стремленіе побуждало его учиться писательству у школьниковъ, которые такъ наивно и дѣльно, безъ всякихъ прикрасъ и условностей, описываютъ самую подоплеку жизни—настоящей, непосредственной, а не той вздутой, взвинченной, уснащенной всякими вредными наростами барской жизни?

Къ этой-то литературѣ, снимающей сливки, угодливой и условной, относилась иронія Толстого, переходившая порой въ сарказмъ. Жрецъ такой литературы представлялся иногда Льву Николаевичу какимъ-то паяцемъ или куплетистомъ, выбивающимся изъ силъ, чтобы занять, поразить, насмѣшить публику.

Отсюда его отвращеніе ко всему модному, показному, ко всякой намѣренной экспрессіи, когда писателю хочется прежде всего и во что бы то ни стало потрясти, ужас-

нуть, тронуть, захватить...—«Ему хочется до смерти, чтобы было пострашнѣе или посмѣшнѣе»,—говаривалъ презрительно Л. Н.

Помню, какъ онъ сказалъ про кого-то изъ модернистовъ:

— Знаете... Я нарочно попробовалъ для себя написать въ этомъ родѣ и увидалъ, что это вовсе нетрудно. Да, я самъ бы могъ писать такъ; но скучно, противно...

Мы знаемъ, какъ неуклюжа у Толстого внѣшняя форма, какъ тяжелъ и корявъ подчасъ языкъ, но объ этомъ, читая его, забываешь... просто, не хочешь замѣчать: слишкомъ ужъ важно и серьезно то, о чемъ онъ пишетъ. Ему, поглощенному всегда глубокими переживаніями, было, какъ и Гл. Успенскому, не до формы. Онъ страшно много и упорно работалъ надъ своими вещами, гоняясь иногда за отдѣльнымъ эпитетомъ, но старался не о томъ, чтобы было покраснѣе, пооригинальнѣе; нѣтъ, ему нужно только выразить, какъ можно точнѣе, свою мысль или чувство, не погрѣшить противъ правды.

IV.

Итакъ, не «жизнь для литературы», что, по его мнѣнію, замѣчается нерѣдко у писателей и артистовъ, а «литература для жизни», для ея насущныхъ потребностей,—прежде всего—духовныхъ. Только при этомъ условіи она становится дѣломъ жизни, серьезнымъ занятіемъ, какъ ей и подобаетъ. Иначе это—не болѣе какъ баловство, паразитизмъ, средство для добыванія денегъ и почета или, выражаясь еще рѣзче, развратъ.

Отношеніе Толстого къ этому предмету всегда, съ начала и до конца, находилось подъ безпощаднымъ контролемъ человѣческой совѣсти, изъ которой онъ не выдѣлялъ, какъ другіе, такъ называемую литературную совѣсть, писательскую этику, долгъ передъ искусствомъ и проч. Онъ только все больше прислушивался къ тому, чего требуетъ Толстой-человѣкъ, и все подозрительнѣе относился къ тому, чего хочетъ Толстой-художникъ.

Страшно чуткій въ красотѣ и поэзіи, онъ лишалъ себя эстетическихъ наслажденій въ тѣхъ случаяхъ, когда протестовала его демократическая совѣсть. Такъ, онъ послѣ долгихъ колебаній, все-таки не идетъ слушать Рубинштейна,

потому что концерты его предназначены и доступны исключительно для привиллегированныхъ.

V.

Двѣ силы руководили Толстымъ: правда жизни и высшая правда. Этимъ силамъ подчинялся въ немъ и человѣкъ и художникъ.

До своего моральнаго переворота Толстой руководился больше первой,—по крайней мѣрѣ, видимо: съ неподкупной правдивостью, свойственной, быть можетъ, только ему одному, изображалъ онъ жизнь, какъ она есть, вскрывалъ съ безпристрастіемъ идеальнаго судьи душу человѣка, съ ея тайниками, слабостями, темными впадинами.

Послѣ переворота стала все сильнѣе перевѣшивать вторая правда: моральная. Онъ по прежнему внимательно изучалъ дѣйствительность,—напримѣръ, въ періодъ «Воскресенія»,—по прежнему страшно остерегался погрѣшить, даже въ мелочахъ, противъ реальной правды и завѣщалъ молодымъ писателямъ не писать того, чего не знаешь въ совершенствѣ; но душа его все больше лежала къ тому, *что должно быть*. Все больше тянуло его изъ этой дѣйствительности, которой онъ отдалъ на своемъ вѣку столько напряженнаго вниманія и силъ, въ землю обѣтованную, въ сферу идеала.

Но и здѣсь Толстой остался самимъ собой: все сентиментальное, не настоящее, выдуманное ради трогательности и умиленности, встрѣчало въ немъ отпоръ. Онъ называлъ это «розовой водицей» и любилъ «выпускать» ее, выжимать изъ трогательныхъ повѣстей, попадавшихъ на его судъ,—пусть остается «одна правда»! Для него лично «обѣтованная земля» была не фикціей, созданной для утѣшенія человѣческаго сердца, а такой же реальностью, какъ сама реальная жизнь, и даже, можетъ быть, еще большей.

Онъ апеллировалъ не къ тому прекрасподушію, отъ котораго умиляются наивные и малотребовательные люди и къ которому Л. Н. склоненъ былъ относиться скептически. Нѣтъ, онъ твердо вѣрилъ, что тамъ, въ глубокой подпочвѣ, подъ всей реальной жизнью, существуетъ другая, идеальная, подъ реальнымъ человѣкомъ—иной, свѣт-

лый, разумный, не искаженный болѣзненными наростами. На поверхность они выступаютъ скомканными, обезображенными, но по существу, въ своемъ «святая святыхъ», продолжаютъ оставаться добрыми и прекрасными. Эту «нереальную дѣйствительность» Толстой не только признавалъ: онъ ощущалъ ее до осязательности.

Въ связи съ этимъ, измѣнялись его интересы и симпатіи въ области литературы. Оставаясь все тѣмъ же безпощаднымъ реалистомъ, Л. Н. дѣлался все болѣе чуткимъ и отзывчивымъ къ тому, что просвѣчивало сквозь правду факта. Ему все больше хотѣлось вѣянія той высшей правды, «высшей дѣйствительности», къ которой всю жизнь рвалась его большая душа.

Соединить въ себѣ суровую правду жизни съ пламенной вѣрой въ землю обѣтованную, сумѣть почувствовать «высшую реальность», полюбить ее всѣмъ сердцемъ, заразить этой любовью и вѣрой другихъ—вотъ идеалъ писателя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Душа Л. Н. Толстого	5
Мое личное знакомство съ Л. Н. Толстымъ.	153
Мои первыя свиданія съ Л. Н. Толстымъ	169
Л. Н. Толстой о писательствѣ	173

4On

0. gro nd

406

Книги Н. ТИМКОВСКАГО:

Кн. I. (Сонъ.—Мѣсто.—Старая гувернанка.—Сергѣй Шумовъ.—Маленькія дѣла и большіе вопросы. – Приватъ-доцентъ). Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

Кн. II. (Среди людей.—Драма.—Радости жизни.—Бутафорія.—Отъ добраго сердца. — Кунктаторъ. — Затверженный. — Жизнь.—Признанія.– Кочерыгины). Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 25 к.

Кн. III. (Фараоновы коровы.—Безъ раковины.—Маленькій человѣкъ и Большой человѣкъ. — Николашинъ. — Звѣзды). Ц. 50 к.

Кн. IV. (Акваріумъ.—Живая жизнь.—Нальчины.—Около литературы.—На отдыхѣ.—Жалованіе.—Девятый день). Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 25 к.

Кн. V. (Человѣкъ съ системой.—За штатомъ.—Самъ по себѣ. — Страшный день. — Добрый малый. — Артемій Мыловъ.—У себя.—Въ домѣ пастыря.—Передъ судомъ.—Распутница.—Гаврюхинъ,—Древо жизни). Ц. 1 р.

Кн. VI. (Надъ землей.—Вдвоемъ.—На озерѣ.—Совѣсть.—Истинно русскій.—Самозванецъ.—Около брака.—На разъѣздѣ.—Въ обители). Ц. 1 р.

Кн. VII. (Мечты.—Незримое.—На чужбинѣ.—Стужа.—Душа природы). Ц. 1 р. 25 к.

Кн. VIII. Въ дворянской берлогѣ. Содержаніе: Въ дворянской берлогѣ.—Монахи. Ц. 1 р. 25 к.

ЦѢНА 1 руб.

Тип. П. П. Рябушинскаго, Москва.